

Оглавление

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1. Особенности трансформации экономического базиса современной России	7
1.1. Экономические преобразования в России	7
1.2. Макроэкономические показатели периода реформ	14
1.3. Оценка населением экономических реформ в России	43
Глава 2. Социальные последствия реформирования России	54
2.1. Инфляция как налог на население	54
2.2. Рынок труда реформируемой России	58
2.3. Изменение уровня жизни населения	63
2.4. Потребительский рынок периода реформ	72
2.5. Демографические аспекты социально-экономического реформирования	77
2.6. Социальные корни криминализации современной российской экономики	86
Глава 3. Социально-экономическое положение населения регионов России	102
3.1. Особенности регионального развития России	102
3.2. Экономический потенциал регионов и проблема сепаратизма	107
3.3. Экономический кризис и его региональное измерение	117
3.4. Региональная дифференциация доходов населения России	125
Заключение	140
Литература	143

Предисловие

Кризис, разразившийся в Российской Федерации на рубеже тысячелетий, затронул, прежде всего, экономическую систему, всю совокупность экономических отношений, включающих объекты, субъекты и различные формы связей между ними. Изучая эту трансацию российского общества, ученые зачастую концентрируют внимание на макротенденциях, особенно в экономической сфере. Без сомнений — анализ макроуровня необходим, но для более глубокого понимания характера и направленности реформ необходимо наряду с проблемами экономики в число наших приоритетов обязательно включать проблемы социальные.

Особенность данного исследования состоит в том, что оно находится на стыке экономической и социальной сфер общественной жизни, то есть выступает предметом и экономического и социального исследования.

В представленной работе автор акцентировал внимание на определении социальной цены экономических преобразований в России и ее приемлемости с точки зрения населения. Достаточно подробно проанализировав общие и специфические черты экономической трансформации в России в конце XX века, определяющие причины социальных потрясений и пути преодоления кризиса, Липина Светлана Артуровна попыталась провести сравнительный анализ социально-экономического развития регионов на основе изменения благосостояния населения, дать комплексную оценку влияния рыночных рычагов на уровень развития субъектов Федерации.

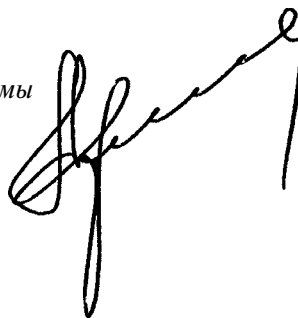
Заслуживает внимания осуществленный автором анализ зависимости сепаратистских тенденций в регионах от различий в их уровне социально-экономического развития.

В целом, критическому анализу различных социально-экономических показателей автор уделила серьезное внимание. Теоретические и прикладные выводы, следующие из этого анализа, представляют самостоятельный и значительный интерес. В частности, заслуживает поддержки комплексный подход к оценке последствий социальной трансформации в России, «объективизирующий» кон-

стационарный статистический анализ через мнения, оценки и восприятие населением социально-экономической ситуации.

В заключении хочется добавить, что данная монография — не просто нужная и интересная обществу попытка очертить и детализировать круг социально-экономических проблем России, но и глубокий научный труд, предлагающий конкретные рекомендации.

*Главный научный сотрудник
ИСПИ РАН,
доктор экономических наук,
генерал армии,
депутат Государственной Думы*

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

А. С. Куликов

Введение

Россия находится на историческом переломе. Прежние ценности и ориентиры, с которыми страна вступала в последнюю четверть XX столетия, не выдержали испытание временем. Минувшее десятилетие не продвинуло Россию к духовному и социально-экономическому прогрессу. Вместо рыночной экономики мы получили экономику упадка. Вместо демократии — вседозволенность чиновника, коррупцию и безответственность власти. Вместо общества всеобщего благоденствия — нищенское существование большинства граждан.

Политика, назвавшаяся прогрессивными экономическими реформами, повлекшая за собой лишь присвоение национального богатства властвующей олигархией, принесла в нашу страну деградацию значительной части человеческого потенциала. Причинно-следственная связь между ухудшением уровня и качества жизни вследствие изменения экономической ситуации весьма очевидна. Анализ содержания проводившихся экономических преобразований убедительно показывает, что происходящие в России депопуляция и вырождение вполне здоровых социальных групп являются прямым результатом целенаправленной политики, определяющейся целями и интересами ее преследующими. Последние выявляются в изменениях в распределении доходов и собственности, в политике присвоения национального богатства.

Российские реформы последнего десятилетия XX века, сменяющие одна другую вслед за уходящими Правительствами, проводились за счет сужения сферы социальной защиты, за счет средств населения. Начавшийся с 1991 года период радикально-либеральных реформ принес глубокие изменения в уровне и качестве жизни российских людей. Кардинальное разрушение системы на основе шоковой терапии и приватизации легло на плечи населения вместе с невиданным обогащением новой экономической и политической элиты. Рынок наполнен разнообразными товарами в результате двукратного снижения реальных доходов населения и падения среднечеловеческого потребления основных товаров и услуг, а также за счет импорта, который составляет практически половину товарных ресурсов торговли.

Глава 1

Особенности трансформации экономического базиса современной России

1.1. Экономические преобразования в России

На рубеже третьего тысячелетия экономика России переживает беспрецедентный для мирного времени кризис. Остановились многие крупные предприятия, целые отрасли промышленности. ВВП, уровень жизни населения снизились примерно вдвое по сравнению с дореформенными показателями. Официально провозглашенные цели трансформации российской экономики в рыночную и обеспечения на этой основе экономического роста провалились.

Обращая свой взгляд в историю, отмечу, нигде, ни в одной стране, никогда социально-экономические трансформации не проходили безболезненно. Но практически только лишь в России они осуществились преимущественно за счет собственного населения. В результате реформ конца столетия 71 % населения (бедные и малообеспеченные) на сегодняшний день располагают лишь 3,3 % сбережений, в то же время 5 % населения (богатые и очень богатые) владеют 72,5 % от общей суммы накоплений. Более того, свыше половины сбережений (52,9 %) принадлежит всего лишь 2 % населения.

В 1991 г. вместе с провозглашением независимой России власть перешла к так называемому демократическому большинству, которое объединило и бывших коммунистов, и в прошлом беспартийных, прежде всего, на основе неприятия в той или иной мере старых коммунистических идеалов и особенно — результатов их претворения в обществе «реального социализма». Таким образом, было налицо первое и притом неременное условие для начала новой трансформации экономического базиса в России — власть тех, кто формировал условия для грядущих преобразований.

Вслед за сменой власти началось реформирование российской экономики.

Суть преобразований периода десятилетия реформ, по официальной версии, состояла в трансформации авторитарной, коммунистической и нищей России в цивилизованное, динамично развивающееся государство с демократической формой правления, способное обеспечить своим гражданам достойный уровень благосостояния и различные свободы.

Смысл реформирования был в приватизации, т. е. денационализации или разгосударствлении. Эти термины означают ничто иное, как смену экономического базиса. Изменение типа существующей уже собственности, превращение ее из общественной (государственной и коллективной) в частную в различных ее модификациях, и соответственно изменение социальной структуры общества — это по своей сути революционные преобразования. Другое дело развитие малого бизнеса, призванного собственным трудом занятых в нем создать первоначальный капитал, т. е. повторить эволюционный путь превращения мелкого товарного хозяйства в капиталистическое производство. Достаточно вспомнить введение свободного ценообразования и конвертируемости рубля, разгосударствление экономики и зарождение разнообразных форм собственности, крушение годами отработанных хозяйственных связей и появление принципиально новых для дореформенной России рычагов управления процессами. Гладко пройти столь кардинальные перемены, естественно, не могли. В результате на протяжении всего рассматриваемого периода ключевым звеном оставалась финансовая сфера, сужавшаяся иногда до решения проблемы инфляции, а о том, что необходимо реанимировать отрасли реального сектора, структурно перестраивать производство, решать социальные вопросы больше писалось и говорилось.

Если выстраивать хронологически ход экономических реформ, то четко просматриваются четыре периода:

С 1992 по 1995 гг. главенствовал эмиссионный подход к решению экономических проблем.

С самого начала перестройки экономики сторонники и противники реформ соглашались с грандиозностью смены элементов экономической системы. Скачкообразный рост цен, натурализация хозяйства, возвращение к примитивным формам товарообмена, все свидетельствует о том, что рыночное равновесие так и не было достигнуто. Рыночные цены могут иметь воздействие лишь на субъектов рынка. В российской экономике всеобъемлющ

был лишь госсектор. (В 1990–1991 гг. в стране уже набрал силу процесс приватизации государственных предприятий, но было принято решение о перерегистрации всех советских юридических лиц в российские. В 1992 г. приватизация и вовсе изменила свой характер: она была объявлена всеобщей и ваучерной.) Таким образом, реформы ценообразования оказали влияние прежде всего на розничные цены. Цены на продукцию отраслей топливно-энергетического комплекса, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию еще долго регулировались государством. Главным результатом этого явилось обесценение в несколько десятков тысяч раз накопленных населения — вкладов в сбербанке и рублевой наличности, имевшейся на руках у физических лиц.

С 1995 г. ввиду того, что с инфляцией не удалось справиться, был избран курс на ужесточение финансовой политики.

Страну перестали накачивать необеспеченными рублями и перешли к внешним заимствованиям. За период с 1995 по 1998 гг. включительно только государственный долг России (без союзного наследства) вырос на 40 млрд долл., тогда как за три предшествующих года примерно на 10 млрд. Постоянные займы у нерезидентов внутри страны, размещение федеральных облигаций на внешних рынках, кредиты, получаемые от международных финансовых институтов, правительств и крупнейших банков привели к тому, что доля внешних источников финансирования дефицита государственного бюджета приблизилась почти к 65 %. Таковы итоги диктата МВФ о сбалансированности государственного бюджета за счет постоянного сокращения его расходов и привлечения внешних займов.

Борясь с инфляцией, по советам МВФ, реформаторы увеличили сжатие денежной массы и усовершенствовали рестрикционную кредитную политику. Но сжатие денежной массы привело к хроническому недостатку оборотных средств у предприятий, дезорганизовало взаимосвязи между предприятиями (расплачиваться стало нечем). Недостаток денег в обращении и необходимость искать бартерные взаиморасчеты по длинной цепочке привели к быстрому росту неплатежей (в 1992 г. они превысили 4 трлн руб. — примерно треть ВВП).

Жесткая кредитно-денежная политика привела к тому, что часть функций рубля стал выполнять наличный доллар — как метод перераспределения доходов и выкачивания финансовых ресурсов из страны. Происходил ускоренный отток капитала из про-

изводственной сферы на финансовый рынок, где важную роль сыграло наводнение страны различного рода векселями.

Кредитно-финансовая политика проявлялась в большей степени к безналичным деньгам. В стране стремительно рос внебанковский налично-денежный оборот. При этом основным источником его пополнения стала заработная плата населения. Более 20 % месячного оборота выплаченной зарплаты не возвращалось в кассы Центробанка. Эти деньги вошли в систему неконтролируемого денежного оборота торгово-предпринимательских структур, челноков и т. п.

В налично-денежный оборот постепенно стали втягиваться и государственные предприятия и созданные на их основе акционерные общества. Часть своей продукции реализовывалась исключительно за наличные рубли, пополняя таким образом оборотные средства.

Сдерживание денежной массы неблагоприятно отразилось на инвестиционных ресурсах страны. Накопления населения и предприятий уменьшались. Бюджетные ассигнования на инвестиции постоянно урезались. Объем инвестиций в основной капитал в 1996 г. сократился более чем в 4 раза по сравнению с 1990 г. Наиболее существенным было сокращение производственных инвестиций — более чем в 5 раз. Удельный вес инвестиций в ВВП снизился с 22,4 % в 1990 г. до 16,1 % в 1995 г.

После слома командно-административной системы и введения рыночных новаций — ограничения денежной массы, изменения налоговой системы, создания институтов финансового рынка, в том числе более 2 тысяч коммерческих банков и т. п. — бюджет перешел на финансирование ссудного фонда государственных банков, то есть за счет обязательного участия банков в приобретении ГКО-ОФЗ. И когда внутренние инвесторы оказались не способны финансировать новые выпуски государственных ценных бумаг, привлекли иностранных инвесторов. Всего за первое полугодие 1997 г. за счет внешних кредитов было профинансировано почти 57 % дефицита бюджета.

В 1998 г. с момента объявления дефолта стало очевидно, что бесконечно жить займы невозможно.

Самый сильный удар был нанесен по населению. Цены в конце августа–сентябре за день увеличивались в несколько раз. Многие продукты и товары длительного пользования вообще исчезли

с рынка. Вклады физических лиц в банках были обесценены. Заработная плата, пенсии, социальные пособия не выплачивались по несколько месяцев. По официальным данным разрыв в доходах между богатыми и бедными гражданами увеличился с 9,8 раз в 1997 г. до 14,5 раз в 1998 г.

Период «жесткой финансовой политики» закончился. Экономическая политика в 1999 г. осуществлялась под лозунгом управляемой эмиссии (о какой политике вообще могла идти речь при постоянно меняющемся составе правительства и при регулярных отставках главы кабинета). Однако, с октября 1998 года по июнь 1999 года экономическая ситуация в России характеризовалась интенсивным промышленным ростом, с темпом 2,4 % в среднем за месяц. При этом конечный спрос, как внутренний, так и внешний, в целом имел тенденцию к снижению. И по динамике, и по структуре промышленный подъем имел отчетливо выраженный восстановительный характер, компенсирующий спад производства в мае–сентябре 1998 года, факторами которого являлись: импортозамещение (обусловлено девальвацией рубля, ослаблением основных затратообразующих факторов), инвестиции предприятий в запасы материальных оборотных средств. Далее с волной расширения внутреннего и внешнего конечного спроса подъем продолжался до июня 2000 года.

2000 год открывает следующий период. Новый Президент России предлагает свой реформаторский курс.

Объем ВВП страны за первые шесть месяцев 2000 года по сравнению с первым полугодием 1999 года вырос на 7,3 %, производство промышленной продукции увеличилось на 10,3 %, а объем инвестиций — на 14,3 %.

За весь предшествующий девятилетний период подобного добиться не удавалось. Но, если сравнить эти успехи с показателями 1991 года, сразу понятна их «относительность». Объем ВВП в 2002 г. почти на 40 % ниже дореформенного уровня, а экономика получает сегодня 1/4 былых инвестиций.

Тем не менее, Россия после трех лет непрерывного роста вошла в группу лидеров данного этапа мирового экономического развития. Ее возглавляет сегодня Китай, где прирост ВВП в 2001 г. составил 7 %, а в будущем ожидается на уровне 7,2 %, и Индия — 4,5 и 4,8 % соответственно. В обстановке мирового спада эти три страны становятся генератором мирового экономического роста, поскольку процесс глобализации политической, экономической

и финансовой жизни мирового сообщества с началом нового тысячелетия вступил в первый кризисный период.

В стране сегодня наметился реальный поворот в приоритетах экономического развития в сторону наукоемких и высокотехнологических производств. Впрочем, выбора у России нет: либо в стране будет создана мощная индустрия по разработке программного обеспечения для Запада, либо она лишится своего интеллектуального потенциала — российские специалисты «утекут» за рубеж.

Во многом благоприятные тенденции последних лет объясняются климатом политической стабильности.

Ведущими отраслями промышленности России стали отрасли, ориентированные, прежде всего на внутренний спрос, в то время как вклад промышленности, перерабатывающих и добывающих отраслей в общий прирост экономики заметно снизился. Основной причиной этого стало отрицательное влияние конъюнктуры мировой экономики и сырьевых рынков, фактическая стагнация экономики ведущих государств.

Важной задачей правительства России в текущем году станет обеспечение выплат по текущим обязательствам. Сейчас можно говорить о том, что эти обязательства будут выполнены в полном объеме, даже если ухудшится конъюнктура мирового рынка нефти, и цена снизится до минимальных уровней 12–14 долл. за баррель. Располагаемый ЦБ объем золотовалютный резерв (ЗВР) позволит рассчитаться с кредиторами. Хотя, в случае необходимости страна может прибегнуть к заимствованию МВФ.

Можно утверждать, что в целом экономика России продолжит развиваться в русле тенденций прошлого года. При этом темпы экономического роста окажутся ниже, чем в прошлом году. На взгляд некоторых экспертов, если текущие ожидания восстановления экономического роста в мире во втором полугодии оправдаются, и среднегодовая цена российской нефти будет оставаться на уровне 18 долл. за баррель, темп роста ВВП России составит 3,3–3,9 %. При этом промышленное производство возрастет в лучшем случае на 4,0 % (в худшем при неблагоприятной динамике на нефтяном рынке — на 2,7 %). Эти оценки несколько ниже прогнозов правительства, которое ожидает по итогам года увеличение ВВП на 3,5–4,3 %, а рост промышленного производства на 4,0 %, но в целом, позитивная тенденция налицо. Более того, если смотреть в более далекую перспективу, то, по оценкам Правительства, промышленное производство в РФ в 2005 г. вырастет по сравнению с уровнем 2001 года на 13 % при среднегодовых ценах на нефть

марки Urals в 18,5 долл. за баррель (первый вариант) и на 17 % при цене в 21–23 долл. за баррель (второй вариант).

Как отмечается в докладе Минэкономразвития к заседанию Правительства 29 марта 2002 г., предполагается осуществление сдвигов в отраслевой структуре промышленности, соответствующих потребностям модернизации производственного аппарата, повышению конкурентоспособности производства, совершенствованию структуры экспорта. Возрастет доля машиностроения и металлообработки с 19,2 % в 2001 г. до 22 % в 2005 г. (по обоим вариантам), существенно снизится удельный вес ТЭК — с 29,3 % до 26 %. По второму варианту предполагается некоторое снижение доли экспортно-ориентированных отраслей — с 29,65 % до 29,5 %, тогда как по первому варианту этот показатель в 2005 г. останется на уровне 2001 года. Доля потребительских отраслей возрастет незначительно и достигнет в 2005 г. уровня 14,8–14,9 % по двум вариантам (в 2001 г. — 14,7 %). Продукция сельского хозяйства возрастет в 2005 г. примерно на 13–15 % по сравнению с 2001 годом.

В результате по итогам года, ЦБ РФ сможет накопить резервов более 40 млрд долл. Вследствие этого к концу года курс доллара может достичь отметки в 33,0–35,0 руб. Пока действия ЦБ на валютном рынке дают основания ожидать, что этот прогноз окажется выполненным.

Позитивно значение изменений в налоговом законодательстве, благодаря которому произошло общее снижение налогового бремени и реализован принцип развития конкуренции. На протяжении 2001–2002 гг. принимались законопроекты, стимулирующие развитие малого бизнеса.

Подвижек можно будет ожидать и по части повышения кредитных рейтингов ведущими международными рейтинговыми агентствами. Сейчас кредитный рейтинг России у международных агентств находится в 3–4 пунктах от уровня инвестиционного. В то же время при сохранении реформистской политики правительства с одновременным погашением внешнего долга, очередное повышение рейтингов можно будет ожидать до конца текущего года.

Таким образом, экономическое развитие России приобрело устойчивую тенденцию. Даже исчерпав ресурсы девальвации 1998 года, о которых много говорили скептики, ориентируясь по сути на внутренний спрос, российская экономика продолжает расти. Исследование «точек роста» экономики в этих условиях позволяют предположить, что при умелом поиске резервов, в том числе

и в области совершенствования системы государственного финансового контроля, эта тенденция может быть значительно усилена.

1.2. Макроэкономические показатели периода реформ

Результаты социально-экономического развития России в 1990-е годы весьма печальны. Все макроэкономические показатели сократились в несколько раз. Экономика России с 1990 по 1999 г. была «сокращена» в 4 раз, что соответствует сдвигу назад по времени примерно на 35 лет — в 1960-е годы. При этом «сжатие» в 2 раза произошло при развале СССР, а еще в 2 раза — при развале экономики.

Специфика экономического развития последних лет состоит в практически постоянном снижении количественных масштабов спада производства и сохранении основных структурных тенденций. На макроуровне в течение нескольких лет свободного ценообразования шел процесс стихийного приспособления совокупного спроса товаров и услуг к наличному платежеспособному спросу. Правда, во второй половине 90-х сокращение производства сдерживали централизованные кредиты, особенно в те сектора, которые оказались в сложной ситуации из-за несбалансированности условных пропорций и несоответствия мировым показателям эффективности применяемых технологий. Однако в условиях обесценивания оборотных средств предприятий и отрыва платы за кредит от рентабельности основных отраслей производства недостаточность инвестиций привела к примитивизации структуры внутреннего предложения.

Анализируя состояние ряда промышленных комплексов, можно отметить, что нижняя точка спада производства во многих из них уже пройдена и обозначились очаги роста, но пока это, в основном, предприятия, ориентированные на экспорт своей продукции. Промышленность постепенно входит в период депрессивной стабилизации. При сохранении сложившихся депрессивных тенденций возникает угроза резкого сокращения общего экономического потенциала страны, его адаптации к снизившемуся вдвое уровню экономической активности: массовое выбытие ставших избыточными основных фондов; сжатие ставшей слишком обременительной социальной инфраструктуры; закрытие ставших ненужными заводов и институтов наукоемкой промышленности;

Таблица 1

Оценка доли крупнейших стран в мировых экономических показателях во второй половине 90-х гг. XX века (%)

	ВВП по ППС	Население	Капитализация рынка	Экспорт	Импорт	Внешняя задолженность	Инвестиции
США	20,6	4,6	55,0	11,7	15,5	23,6	16,1
Китай	10,7	21,1	0,21	2,6	2,2	3,5	16,6
Япония	7,7	2,2	12,0	8,7	6,1	н.д.	9,8
Германия	4,7	1,4	5,2	10,4	9,1	10,3	4,7
Индия	4,1	16,4	н.д.	0,6	0,8	3,4	3,9
Франция	3,4	1,0	4,4	5,3	5,2	0,4	2,8
Англия	3,2	1,0	10,5	4,9	5,3	2,4	2,2
Италия	3,2	1,0	н.д.	4,7	3,9	н.д.	2,6
Бразилия	2,9	2,8	0,18	0,9	1,0	5,2	2,7
Индонезия	2,2	3,4	0,07	0,9	0,9	3,3	3,4
Россия	1,7	2,6	0,08	1,6	1,3	3,2	2,0
Канада	1,8	0,5	2,3	3,8	3,4	2,6	1,5
Мексика	2,0	1,6	0,35	1,1	1,0	4,4	1,5
Корея	1,8	0,8	0,4	2,5	2,6	1,9	2,7
Турция	1,1	1,1	0,12	0,4	0,7	2,3	1,1
Иран	1,1	1,1	н.д.	0,4	0,3	0,8	1,4
Пакистан	1,0	2,3	н.д.	0,2	0,2	1,0	0,8

Источник: Рогов С. М. Выступление на круглом столе Совета Федерации «Россия, СНГ в мировой экономике: сотрудничество и соперничество». М., 1999. Вып. 9. С. 10.

свертывание научных исследований. Такая адаптация создает угрозу закрепления нынешнего положения России как экономически слабо развитого государства, лишенного главных в современной экономике внутренних источников роста (развитой науки и интеллектуального потенциала). В современном мире невозможно

сохранить свою независимость и способность к самостоятельному развитию, не финансируя науку и образование, допуская колоссальное обесценивание человеческого капитала, живя в долг за счет будущего страны.

Таблица 2

Крупнейшие страны мира в конце 90-х гг.

	Населе- ние (млн чел.)	ВНП (млрд долл.)	ВНП по ППС (млрд долл.)	ВВП (млрд долл.)	Темпы роста ВВП в 1990— 1997 г. (%)	Темпы роста пром. пр-ва в 1990— 1997 г. (%)
США	268	7 783	7 783	7 834	3,0	4,3
Китай	1 227	1 055	3 770	902	11,6	16,3
Япония	126	4 812	3 076	4 190	1,5	0,7
Германия	82	2 321	1 737	2 092	1,4	—1,0
Индия	962	357	1 599	382	6,0	7,2
Франция	59	1 542	1 301	1 393	1,3	0,1
Англия	59	1 231	1 222	1 286	2,0	—
Италия	48	1 160	1 156	1 146	1,1	0,8
Бразилия	164	784	1 039	820	3,4	3,2
Мексика	94	349	765	403	2,2	2,5
Индонезия	200	222	679	215	7,5	9,9
Канада	30	595	659	608	2,2	1,8
Россия	147	395	631	447	—7,7	—9,3
Корея	46	485	618	443	7,2	7,5
Испания	39	570	617	532	1,6	—0,4
Турция	64	199	412	190	4,1	5,0
Австралия	19	383	362	394	3,6	2,5
Аргентина	36	319	360	325	5,4	4,4
Иран	61	109	347	90	4,0	3,8
Нидерлан- ды	16	403	332	360	2,4	1,2
ЮАР	41	130	292	129	1,5	0,8

Продолжение таблицы 2

	Населе- ние (млн чел.)	ВНП (млрд долл.)	ВНП по ППС (млрд долл.)	ВВП (млрд долл.)	Темпы роста ВВП в 1990— 1997 г. (%)	Темпы роста пром. пр-ва в 1990— 1997 г. (%)
Пакистан	128	65	202	62	4,2	5,2
Нигерия	118	33	102	40	2,8	1,2
Высокораз- витые стра- ны	927	24 001	21 253	22 848	2,2	2,3
Весь мир	5 820	30 125	36 440	28 977	2,4	2,6

Источник: *Рогов С. М.* Выступление на круглом столе Совета Федерации «Россия, СНГ в мировой экономике: сотрудничество и соперничество». М., 1999. Вып. 9. С. 13.

Сравнительный анализ основных экономических параметров в России и за рубежом свидетельствует о том, что к концу 90-х годов объем ВВП России меньше чем у США в 10 раз, у Китая — в 5 раз. По этому показателю мы занимаем 58 место в мире, уступая Индии, Индонезии и Бразилии. России принадлежит 2,5 % мирового населения, но ее доля в мировом ВВП — всего 1,5 %, хотя в до-реформенный период она составляла почти 10 %. Таким образом, по размерам ВВП на душу населения мы находимся на треть ниже среднемирового уровня, занимая 70 место в мире. Показатели производства ВВП на душу населения в России сократились к 1999 г. до 3 500 долл., что в 5 раз ниже среднего уровня для стран «большой семерки». Как свидетельствуют экспертные оценки, для того чтобы войти в число стран «центров силы» необходимо выйти на следующие экономические параметры: ВВП — не менее 1 трлн долл., бюджет — порядка 300–500 млрд долл.¹⁾ Возможность достижения этих уровней надо оценивать исходя из того, что при 10 % среднегодовом приросте ВВП Россия выйдет на современный уровень США через 20, а Франции и Великобритании через 15 лет²⁾.

¹⁾ *Рогов С. М.* Международные аспекты стратегии вывода России из кризиса // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. М., 1999. № 2. С. 98.

²⁾ *Филатов В. И.* Выступление на круглом столе Совета Федерации «Приоритеты и механизмы национальной программы вывода России из системного кризиса и перехода к устойчивому экономическому росту». М., 1998. Вып. 6. С. 39.

Если посмотреть на структуру сегодняшнего мира и на его иерархию, мы увидим, какие государства претендуют на роль великих держав по своим основным экономическим показателям. С этой точки зрения можно говорить и о темпах развития государств мира в 90-е годы (табл. 2). Наиболее высокие темпы роста демонстрировал Китай, но также и другие развивающиеся страны: Индия, Аргентина и др. И в этом списке есть только одна страна, у которой минусовые, отрицательные показатели. Это Россия. Это очень опасные тенденции, особенно на фоне других стран.

Отметим: валовый внутренний продукт в рыночных ценах всего в 1992 г. составлял 19 005,5 млрд руб. (45,8 млрд долл. США (курс доллара США по отношению к российскому рублю на декабрь 1992 года составлял 415 руб./долл. США)), чистый экспорт товаров и услуг — 2 674,3 млрд руб. (6,44 млрд долл. США), Статистическое расхождение между произведенным и использованным ВВП — 565,5 млрд руб. (1,36 млрд долл. США), а в 1997 г. эти показатели равнялись соответственно: ВВП всего — 2 602 270,7 млрд руб. (436,6 млрд долл. США (официальный курс доллара США по отношению к российскому рублю на декабрь 1997 года составлял 5 960 руб./долл. США)); чистый экспорт товаров и услуг — 66 666,0 млрд руб. (11,2 млрд долл. США); статистическое расхождение между произведенным и использованным ВВП — 106 562,1 млрд руб. (17,88 млрд долл. США). Объем ВВП в России за 1999 год составил в текущих ценах 4 476,1 млрд руб. (180,5 млрд долл., курс руб./доллар США в среднем за 1999 год 24,8 руб./долл. США).

За годы реформ резко изменилась структура валового внутреннего продукта по источникам доходов (см. табл. 3).

Как наглядно показывает табл. 3, в структуре доходов заметно увеличились чистые налоги на производство и импорт, и значительно уменьшилась валовая прибыль и валовый смешанный доход. А это та часть добавленной стоимости, которая остается у производителей после вычета расходов, связанной с оплатой труда наемных работников, и чистых налогов на производство и импорт. Падение ВВП означает лишь одно: что выбрана мягко говоря неправильная модель развития, что хозяйственный субъект не работает, власть теряет как рычаги управления, так и ресурсы.

Промышленное производство

На протяжении нескольких лет нам приходится слышать о необходимости достижения среднегодового прироста ВВП на

Таблица 3

Структура валового внутреннего продукта по источникам доходов
(в процентах к итогу)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Валовый внутренний продукт (в рыночных ценах), всего	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:							46,9
оплата труда наемных работников	36,7	39,2	40,8	33,8	35,6	35,4	
кроме того, скрытая оплата труда наемных работников	—	5,3	8,5	10,1	11,4	11,0	
чистые налоги на производство и импорт	3,4	10,6	9,6	11,8	12,6	15,3	13,8
В том числе:							
чистые налоги на продукты и импорт	1,8	9,1	7,9	7,6	7,7	8,8	
другие чистые налоги на производство	1,6	1,5	1,7	4,2	4,9	6,5	
валовая прибыль и валовый смешанный доход	59,9	44,9	41,1	44,3	40,4	38,3	39,3

5 %–10 %. На практике существуют две модели увеличения ВВП за счет бурного развития финансового сектора и за счет развития реального сектора. Российская специфика заключается в том, что динамика ВВП в большей степени определяется динамикой промышленного производства. Поэтому России необходима особо взвешенная промышленная политика. При всех разговорах о росте ВВП мы должны отдавать себе отчет, что либо достигаться это будет за счет раздувания финансового сектора, чему мы были свидетелями в предыдущие годы, либо ежегодный рост промышленного производства должен быть не менее 10 %.

Как видно, сокращение промышленного производства за 1990–2002 гг. превысило 50 %. В добывающих отраслях паде-

ние было менее интенсивным — 31 %, в том числе в электроэнергетике — 23 %, в топливной — 32 %. Остро ощущают кризис обрабатывающие отрасли, особенно производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью, наукоемкие и высокотехнологичные. Так, спад в машиностроении и металлообработке составил 60 %, в том числе в машиностроении — 62 %. Кроме того, сильно пострадали отрасли, которые после открытия внутреннего рынка оказались практически полностью неконкурентоспособными. Масштабы спада в промышленности строительных материалов составили 65 %, в легкой промышленности — 85 %.

Таблица 4

Индексы физического объема произведенной продукции по отраслям промышленности (1990 = 100)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Вся промышленность, в том числе:	75	65	51	50	48	49	47	48	49	50	51
добывающая промышленность	85	77	69	68	67	69	68	69	70	71	71
обрабатывающая промышленность	74	63	48	46	44	45	44	44	45	45	46
электроэнергетика	96	91	83	80	79	77	75	74	74	73	72
топливная промышленность	87	77	69	69	68	68	68	68	69	70	72
черная металлургия	77	65	53	57	56	57	55	56	58	58	59
цветная металлургия	68	59	53	55	53	56	54	55	57	57	58
химическая и нефтехимическая промышленность	73	58	44	47	43	44	43	45	47	47	48
химическая	71	57	46	49	44	44	44	45	47	47	47
нефтехимическая	78	59	38	42	39	40	39	40	41	42	43

Продолжение таблицы 4

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
машиностроение и металлообр.	77	65	45	41	39	41	39	40	40	41	42
машиностроение	75	63	42	39	37	38	37	38	40	40	41
лесная, дерево-обрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	78	63	44	44	36	36	36	38	39	39	40
промышленность строительных материалов	78	65	47	44	36	35	34	35	36	36	37
легкая промышленность	64	49	26	18	14	14	13	15	18	18	17
текстильная	63	48	26	19	14	14	12	14	18	18	18
швейная	70	59	33	22	19	19	20	21	23	23	24
кожевенная, меховая и обувная	70	55	28	19	14	11	10	12	13	14	14
пищевая промышленность	76	69	57	52	50	50	50	51	52	54	54
пищевкусовая	86	82	64	61	58	57	57	59	60	60	61
мясная и молочная	65	57	50	40	60	53	52	50	51	52	52
рыбная	78	68	54	59	60	59	58	55	55	55	56

Итак, тенденции развития отечественной экономики в 90-е годы характеризуются, во-первых, значительным спадом производства и, во-вторых, резкими отраслевыми, а, следовательно, и региональными диспропорциями.

Большая часть субъектов Федерации, где снижение промышленного производства превышает среднероссийский уровень — это в основном те группы регионов, в которых происходит наибольший спад за весь период реформ: районы с диверсифицированной отраслевой структурой промышленности, высоким удельным весом гражданских отраслей обрабатывающей промышленности, в том числе ориентированных на производства товаров народ-

ного потребления (Центр, Северо-Запад, Поволжье), и регионы сосредоточения отраслей военно-промышленного комплекса (Удмуртская республика, Курганская, Томская области, Хабаровский край, Псковская, Тульская области, республики Марий-Эй, Мордовия, Чувашия). Усилилась дифференциация между регионами. По уровню ВВП на душу населения в 1995 г. различия составляли 120 раз, инвестиций — 60 раз, увеличившись с 1990 по 1995 г. втрое, средней зарплате — 10 раз³⁾.

Темпы сокращения производства в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности, вне всякого сомнения, связаны с их различным экспортным потенциалом. Так, на фоне сокращения добычи нефти и газа, их экспорт непрерывно растет. Экспорт сырой нефти в 1994 г. составил 95,4 млн т., в 1999 г. 122,8 млн т., нефтепродуктов, соответственно, 39,1 млн т и 47,2 млн т. Вместе с тем, это далеко не единственный фактор, поскольку даже за вычетом экспорта производство продукции топливно-энергетического комплекса сократилось в среднем меньше, чем по перерабатывающим отраслям. Это свидетельствует о том, что традиционно высокая ресурсоемкость отечественной промышленности не только сохраняется, но даже возрастает. Так, уровень энергоемкости отечественного производства в настоящее время втрое превышает показатели передовых западных стран и ложится тяжелым прессом на всю экономику, снижает конкурентоспособность российских товаров.

Обострение общей финансово-экономической ситуации, нарастание государственного внутреннего и внешнего долга и возникшие в связи с этим проблемы по его обслуживанию не позволили создать благоприятных условий для переориентации финансовых потоков в реальный сектор экономики.

Наиболее серьезной проблемой в отраслях остается обострившийся финансовый кризис и связанные с ним неплатежи за топливо и энергию. Потребители оплачивают фактически лишь 50 % поставленного им газа, 40 % угля и 60 % электроэнергии. В результате энергетики вынуждены идти на отключение потребителей, в том числе, представляющих важнейшее значение с точки зрения национальной безопасности.

³⁾ Яковец Ю. В. Выступление на круглом столе Совета Федерации «Приоритеты и механизмы национальной программы вывода России из системного кризиса и перехода к устойчивому экономическому росту». М., 1998. Вып. 6. С. 89.

Сегодня вся электроэнергетика сильно недоинвестируется. И если не принять решительных мер, то, по расчетам, через пять–шесть лет процесс ее разрушения станет неконтролируемым. Во всем энергетическом комплексе сложилась критическая ситуация с неплатежами. Уже несколько лет подряд услуги и продукция энергетиков оплачиваются потребителями лишь частично (в среднем на 70 %), причем «живые» деньги составляют от силы четверть (не более 15 % от общей суммы), а остальное — это суррогаты в виде бартера или векселей. И, несмотря на внедрение различных форм оплаты, задолженность потребителей топлива и энергии постоянно растет. Неплатежи провоцируют сокращение поступлений в региональные бюджеты, уменьшение их возможностей по стимулированию инвестиций, оказанию поддержки развития высокотехнологичных отраслей, финансированию социальных расходов. В результате перераспределения полномочий и экономического кризиса нагрузка на местные бюджеты растет, а доходы непрерывно сокращаются.

Главной проблемой топливной промышленности автономных округов является отсутствие у добывающих предприятий средств, необходимых для осуществления инвестиций, позволяющих стабилизировать объемы производства. Экономические органы этих регионов считают, что проблема может быть решена за счет поэтапного снижения уровня налогообложения нефтеотдачи, в первую очередь, за счет снижения вывозных таможенных пошлин, акциза, отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Кроме того, целесообразно принятие решений по реструктуризации задолженности предприятий отрасли по платежам в федеральный бюджет и государственные внебюджетные фонды.

Ни для кого не является секретом, что инвестиции в основные фонды предприятий за 10 лет реформ практически не проводились, и эти давно назревшие мероприятия требуют колоссальных вложений. Например, по данным Минэкономики, инвестиционные потребности России до 2025 года составляют 2,5 трлн долл. США. В частности, 150 тыс. км сети газо- и нефтепроводов изношено и требует ремонта.

В последние 10 лет предприятия практически не обновляют парк специального технологического оборудования. Например, в угольной промышленности длительное время не подвергались реконструкции почти половина шахт, изношенность основных фондов приближается к 50 %. Аналогичное положение на предприятиях химической промышленности, где износ основных фондов

достигает 62 %, в топливной промышленности — 54,6 %, в черной металлургии — 53,1 %, в цветной — 51,8 %, в машиностроении и металлообработке — 53,2 %, в легкой промышленности — 55,1 %, в пищевой — 43,9 %.

В электроэнергетике до 54 % увеличился износ основных производственных фондов, в то же время объем инвестиционных средств сократился на 40 %. Суммарное выбытие действующих мощностей опережает их ввод в эксплуатацию после техперевооружения и реконструкции. Острый дефицит инвестиций приводит к некомпенсируемому выбытию производственных мощностей в условиях высокой изношенности основных производственных фондов и старения мощностей ТЭК. В результате нарушения воспроизводственных процессов резко сокращается производственный потенциал отраслей топливно-энергетического комплекса, как в количественном, так и в качественном отношении. Технический уровень и физическое состояние большинства предприятий и объектов не отвечают современному уровню, в ряде случаев не соответствуют требованиям безопасности и становятся критическими. Отметим, что в соответствии с современными нормами безопасности требуют реконструкции до половины мощностей АЭС, более половины магистральных нефтепроводов, свыше трети газопроводов эксплуатируются от 20 до 30 лет.

Таким образом, можно констатировать, что сравнительно низкая себестоимость продукции ряда российских предприятий связана с тем, что пока возможна эксплуатация мощностей, созданных в прежние годы.

Во-вторых, спад производства минерального сырья в 90-х годах, связанный с общим кризисом экономики, сопровождается ухудшением состоянием сырьевых баз действующих предприятий в связи с сокращением разведанных запасов сырья в результате длительной эксплуатации месторождений. Резкое замедление геологического изучения и подготовки разведанных запасов вызывает особую тревогу. Ранее геологическая отрасль развивалась в соответствии со схемой расширенного воспроизводства, при котором ежегодно передавалось промысловикам новых месторождений на 10–15 % больше, чем они вырабатывали. По данным Совета Безопасности, за последние пять лет объемы геологических работ уменьшились более чем в 3 раза, приросты запасов стратегически важных полезных ископаемых — в 2–3 раза (нефть и конденсат — в 5 раз, природный газ — в 2,7 раза, медь — в 4 раза, свинец —

в 2 раза, цинк — в 2,3 раза, никель — в 2,5 раза, вольфрам — в 3,5 раза, олово — в 3,5 раза, золото — в 3 раза).

Для количественной оценки влияния состояния отдельных отраслей энергетики на национальную безопасность нашего Государства безусловный интерес представляет характеристика пороговых значений объемов добычи и производства в топливно-энергетическом комплексе. Минимальный уровень выработки электроэнергии, ниже которого начнется обвал экономики и самой отрасли, оценивается в 700–750 млрд кВт/ч. В электроэнергетике эффективность использования установленной мощности в 1998 г. составила 66,1 % (в 1997 г. — 67,3 %). Производство электроэнергии в 1996 г. составило 847 млрд кВт/ч, в 1998 г. — 826 млрд кВт/ч. Принятый минимально допустимый годовой объем добычи составляет: природного газа — 520–560 млрд куб. м, нефти с конденсатом — 240–260 млн т., угля — 220–230 млн т. В 1996 г. природного газа добыто 575 млрд куб. м, в 1998–564; нефти в 1996–293 млн т, в 1998–294; угля — в 1996 г. — 255 млн т, в 1998 г. — 232. Добыча нефти с конденсатом превышает этот минимальный уровень на 20 %, газа и угля — лишь на 10 %.

Столь катастрофическое падение добычи стратегических видов минерально-сырьевых ресурсов серьезно ослабляет оборонноспособность страны, вызывает массовую безработицу и социально-экономическую нестабильность в отдельных регионах.

В-третьих, спад производства и отсутствие финансируемых программ реструктуризации незагруженных мощностей приводят к снижению эффективности всей экономической деятельности.

Даже в энергетике, где спад производства является минимальным, загрузка электростанций федерального уровня составляла 25–40 % мощности. Продолжало сокращаться время использования установленной годовой мощности электростанций. В 1997 г. оно составило 4 162 часа против 4 264 часов в 1996 г. (в 1993 — 4 831 час). По энергосистемам Общества коэффициент использования мощности колебался от 83 % в «Костромаэнерго» до 34 % в «Ивэнерго». В 1997 г. с убытком в 738 млрд руб. работали 11 АО-энерго. Убытки и расходы на содержание избыточных мощностей дополнительной нагрузкой ложились на тарифы и фактически оплачивались потребителями.

Финансовые проблемы в деятельности федерального оптового рынка электроэнергии порождают центробежную тенденцию в существующей пока еще единой электроэнергетической системе страны. Об этом свидетельствуют обращения ряда администраций

областей в Мингосимущество России, РАО «ЕЭС России», ФЭК России с предложениями о создании достаточно независимых от Общества энергетических компаний. В ряде регионов строят свои небольшие электростанции, в то время как имеющиеся станции Общества не загружены.

В результате происходящих процессов снижается рентабельность практически во всех отраслях экономики. В полтора раза снизилась рентабельность в электроэнергетике (с 24 % в 1992 г. до 17,3 % в 1997 г.). Вдвое сократилась рентабельность в топливной промышленности (с 31,9 % до 14,5 %). В четыре раза снизилась рентабельность в цветной металлургии (с 52,3 % до 13,3 %), почти в пять раз — в машиностроении (с 47 % до 8,1 %), более чем в 12 раз — в черной металлургии (53,7 % до 3 %), а также в химической и нефтехимической промышленности (с 59,6 % в 1992 г. до 4 % в 1997 г.) В лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, в промышленности строительных материалов, а также в легкой промышленности производство продукции за пять лет (с 1992 по 1997 г.) стало не рентабельным или убыточным.

Критическое положение сложилось в оборонной промышленности. Недофинансирование привело к тому, что из общего числа предприятий, которые раньше выпускали военную продукцию, 26 % лишены оборонного заказа полностью, а остальные при заведомо избыточной инфраструктуре загружены лишь на 3–15 %. Замедление реконструкции оборонных отраслей может привести к их полному распаду. А это 60–70 % научно-технического потенциала страны. Прекращено выполнение более 1 000 НИОКР оборонной тематики. Происходит распад уникальных научных коллективов, продолжается выезд интеллектуальной элиты за рубеж.

Итак, в настоящее время реальный сектор экономики поставлен на грань выживания, располагаемые им финансовые ресурсы крайне невелики и не могут в полной мере обеспечить нормальный воспроизводственный процесс. Недостаточный размер прибыли, высокий уровень затрат, а также «проедание» амортизационных отчислений существенно затрудняют инвестирование собственных средств предприятий в модернизацию и переоснащение материального производства. Высока доля убыточных предприятий, сегодня она составляет в общем их числе в основных отраслях экономики (без сельского хозяйства) около 50 %. Большинство предприятий продолжает испытывать острую потребность в собственных оборотных средствах. Их размер в среднем по России практически

Таблица 5

Производство промышленной продукции по отраслям в 1997–2002 гг.

	1999 год в % к		2000 г. в % к 1999 г.	2002 г. в % к 2001 г.
	1998	1997		
Электроэнергетика	100,2	97,7	101,8	99,3
Топливная	102,4	99,8	105,0	107,0
Черная металлургия	114,4	105,2	115,6	103,0
Цветная металлургия	108,5	103,1	111,3	106,0
Химическая и нефтехимическая	121,7	112,5	114,3	101,6
Машиностроение и металлообработка	115,9	107,2	115,5	102,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	117,2	116,7	109,5	102,4
Промышленность строительных материалов	107,7	101,5	107,6	103,0
Стекольная и фарфоро-фаянсовая	119,5	118,7	110,9	106,8
Легкая	120,1	106,3	122,0	96,6
Пищевая	107,5	105,5	107,1	106,5
Микробиологическая	129,2	117,4	73,8	91,2
Мукомольно-крупяная и комбикормовая	99,7	94,7	93,5	92,9
Медицинская	111,1	106,1	118,9	93,6
Полиграфическая	106,8	104,8	113,8	100,0
Другие	109,1	103,2	108,3	102,8

не превышал имеющиеся краткосрочные обязательства, в то время как для нормальной работы хозяйствующих субъектов собственные оборотные средства должны превышать эти обязательства, как минимум, в два раза.

Начало XXI века обнаружило признаки новых тенденций, характеризующихся некоторым экономическим оживлением и ростом промышленного производства (табл. 5).

В динамике промышленного производства спросовые ограничения, как и в предыдущие годы, являются определяющим фактором динамики промышленного производства. Именно в регионах с высоким удельным весом экспортоориентированных производств прекратился спад промышленного производства и вырос абсолютно его объем, поскольку внешний рынок предъявляет спрос исключительно на отдельные виды сырьевых ресурсов и продукцию экологически «грязных» производств (металлургии, химии, переработки отходов). Поэтому позитивная тенденция динамики объемов продукции является неустойчивой и не может способствовать расширению спроса на внутреннем рынке, что чрезвычайно важно для выхода экономики России из кризиса. Это результат перестройки материально-технической основы экономики. Сегодня стали реальностью разрыв горизонтальных производственно-технологических и хозяйственных связей предприятий, объединений и других субъектов экономических отношений, региональная экономическая замкнутость. Это привело к резкому спаду производства, неисчислимым экономическим потерям в народном хозяйстве, массовой остановке даже высокоорганизованных и высокорентабельных предприятий, к их банкротству.

Финансовая система

Реформирование экономики России строилось на достижении сбалансированности бюджета; подавлении инфляции; снижении величины процентных ставок до уровня, когда станет выгодно предоставлять средне- и долгосрочные кредиты. В итоге, по представлению авторов реформ, капиталы пойдут в реальный сектор и начнется экономический рост. В определенный период (1996–1997 гг.) стало казаться, что эта политика имеет успех. Инфляция за счет ограничения денежной массы значительно снизилась. На самом деле она была загнана в колоссальные неплатежи и государственный долг. Привлечение на рынок ГКО—ОФЗ иностранных инвесторов — нерезидентов позволило: финансировать дефицит постоянно урезаемого бюджета без денежной эмиссии; существенно снизить процентные ставки.

Однако кризис в Юго-Восточной Азии привел к оттоку средств нерезидентов из стран с развивающимся рынком, в том числе и из России. В результате погасить выпуски госбумаг за счет новых, более масштабных выпусков стало невозможно. Более того, невозможно стало не только наращивать, но и обслуживать имеющийся госдолг. Ситуацию усугубило падение цен на нефть —

основной экспортный товар страны — на мировом рынке. Доходы нефтегазовых компаний — крупнейших налогоплательщиков и инвесторов — и связанных с ними финансовых структур значительно снизились.

Все это привело к усилению инвестиционного кризиса, вслед за этим к промышленному спаду, а также к дефолту по долговым обязательствам, размещенным на внутреннем рынке. В результате дефолта возникла паника на валютном и фондовом рынках и котировки национальных финансовых инструментов резко упали.

Итогом исключительного по своим масштабам экономического кризиса в России курс рубля всего лишь за три недели упал в 4,5 раза, за один только сентябрь 1998 года валовый внутренний продукт сократился на 10 %, объем промышленного производства — на 14,5 %, импорта — на 45 %. В период обострения кризиса в августе–сентябре котировки акций падали постоянно. К октябрю курсы акций снизились: РАО «ЕЭС России» более чем в 10 раз, «Ростелекома», «Норильского никеля», «Татнефти» почти в 10 раз, «ГАЗа» более чем в 15 раз.

Финансовый кризис, разразившийся в августе 1998 г. явился концентрированным выражением проблем, которые накапливались в течение практически всего периода реформ. Фактически в августе произошел переход кризиса из скрытой хронической формы в открытое исключительно острое состояние.

Кумулятивный эффект кризисных факторов проявляется, прежде всего, в хроническом дисбалансе бюджета, который распадается на три почти равные части. Кроме федерального бюджета он включает бюджеты субъектов федерации (в 1998 г. — 13,2 % ВВП налоговых и неналоговых поступлений без трансфертов из федерального бюджета), а также бюджеты государственных внебюджетных фондов (доходы последних составляют 11,1 % ВВП). Во второй половине 90-х годов средняя величина ежегодного дефицита бюджета существенно была сокращена (3–6 %) по сравнению с положением дел в первой половине десятилетия (тогда она колебалась от 8 до 24 % ВВП (табл. 6)).

По мнению самого Правительства «...кризис отразил наблюдавшиеся в течение длительного времени перекосы в налогово-бюджетной сфере. Эрозия доходов государственного бюджета, особенно платежей в денежной форме, сделала невозможной ...устойчивую стабилизацию в макроэкономической сфере.

Сегодняшним профицитом бюджета мы, прежде всего, обязаны следующим основным факторам: росту цен на нефть, росту

Таблица 6

Динамика дисбаланса бюджета России в 1992–1998 г. (консолидированный бюджет плюс государственные внебюджетные фонды, % от ВВП)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Доходы	40,4	40,6	36,3	35,8	36,7	36,5	35,0
Расходы	65,1	48,6	47,5	41,1	43,0	43,1	38,2
Дефицит	–24,7	–8,0	–11,2	–5,3	–6,3	–6,6	–3,2
Внутреннее финансирование	13,7	6,1	10,3	3,8	4,8	4,5	0,4
Внешнее финансирование	11,0	1,9	0,9	1,5	1,5	2,1	2,8

поступлений НДС на 0,3 % ВВП, акцизов на бензин автомобильный на 0,1 % ВВП, импортных пошлин на 0,1 % ВВП по сравнению с аналогичным периодом 2001 года и административными мерами по повышению собираемости налогов.

В свою очередь, сохраняющиеся перекосы в налогово-бюджетной политике привели к чрезмерной опоре на внешние заимствования. Сохраняющееся отсутствие жесткого контроля за исполнением бюджета в масштабах всей экономики способствует быстрому распространению неплатежей значительно осложнив попытки собирать налоги в денежной форме»⁴⁾.

В основе своей финансовый кризис 1998 года был порожден рядом фундаментальных факторов⁵⁾:

хроническим разрывом между объемом государственных обязательств и способностью мобилизовать средства, необходимые для их финансирования;

«мягкими» бюджетными ограничениями деятельности предприятий, порождающими взаимные неплатежи и широкое распространение денежных субститутов;

⁴⁾ Меморандум Правительства и Центрального банка Российской Федерации об экономической политике. По состоянию на 1 июля 1999 г. // Коммерсантъ. 2 июля 1999 г.

⁵⁾ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999 (проект).

стремление обеспечить политическую стабильность за счет уступок отраслевым и региональным лобби.

В целом можно сказать, что в основе кризиса государственных финансов лежит противоречие между жесткой денежной политикой Правительства, которая существенно ограничила возможности увеличения налогооблагаемой базы, и мягкой бюджетной политикой, которая требовала увеличения налоговых поступлений.

В то же время мероприятия, проводившиеся Правительством Российской Федерации в течение последних лет по снижению темпов роста недоимки по платежам в бюджет, не дают необходимых результатов. Одной из таких мер должна была стать реструктуризация задолженности по налоговым платежам. На начало 1999 года процессом реструктуризации по платежам в федеральный бюджет было охвачено всего лишь 38 организаций, погашающих свою задолженность за 1997–1998 годы в соответствии с нормами федеральных законов о федеральном бюджете. При этом 15 организаций, или почти 40 %, не выполняли в истекшем г. своих обязательств по своевременной и полной уплате текущих платежей и соблюдению графика погашения основного долга. В соответствии с этим решения о реструктуризации по этим организациям должны быть отменены.

Более 35 % налоговых поступлений в федеральный бюджет обеспечивается тремя монополиями: РАО «Газпром», РАО «ЕЭС России» и МПС России, нефтяные компании, от которых поступает около 1/3 всех налоговых платежей. В то же время высокая зависимость федерального бюджета от крупных налогоплательщиков, ориентированных на экспорт газа и нефти, создает угрозу осложнения ситуации с государственными финансами при ухудшении конъюнктуры на мировых рынках этих сырьевых ресурсов. В результате применяемой указанными акционерными обществами централизованной системы расчетов около трети всех налоговых платежей, контролируемых МНС России, зачисляется в доход федерального бюджета на территории г. Москвы. Кроме того, значительные платежи в федеральный бюджет поступают от налогоплательщиков, находящихся на территории Ханты-Мансийского автономного округа — 6,1 %, г. Санкт-Петербурга — 4,7 %, Московской области — 4,5 %, Самарской области — 3,5 %, Ямало-Ненецкого автономного округа — 3,1 %, Краснодарского края — 2,5 %, Пермской области — 2,1 %, Свердловской области — 1,9 %.

От 60 до 70 % объемов платежей в народном хозяйстве осуществляется в неденежной форме. Это означает, что такое количество производимых товаров и услуг не участвуют в товарно-денежных отношениях. В этой ситуации цена товара и услуги может быть любой, расчеты осуществляются операторами, составляющими бартерные и зачетные цепочки и не участвующими непосредственно в производстве. Внеденежные обороты Газпрома составляли в начале 1999 года около 5 млрд долл. США, РАО ЕЭС с предприятиями черной металлургии 250 млн долл. США, с предприятиями цветной металлургии около 200 млн долл., с предприятиями пищевой промышленности — 30 млн долл. США.

Монетарная политика новой России постоянно является предметом ожесточенных дебатов. Не подлежит сомнению, что падение производства напрямую зависело от сжатия денежной массы. Очевидные положительные результаты падения инфляционных ожиданий и темпов роста цен наблюдались на фоне развала денежного обращения в стране. Практически это привело к почти полному устранению денег и денежного расчета из некоторых отраслей хозяйства и даже регионов. Функции денег (как средство расчетов и накопления) приняли на себя псевдо-денежные инструменты (векселя и зачеты) и неденежные способы ведения хозяйственной деятельности (бартер). Следует отметить, что дело здесь не только в жесткой монетарной политике: свою роль сыграла инфляция, и, кроме того, как известно, «плохие» деньги всегда вытесняют «хорошие». Как ни странно это звучит, но само Правительство России и Минфин вовлекли себя в эти схемы, приводящие к созданию интереса к таким сделкам со стороны хозяйственных субъектов и возможностью зарабатывать ничего практически не делая.

Высокий удельный вес наличного денежного оборота, сложившийся в стране в последние годы, свидетельствует о весьма значительных объемах теневого оборота, с которого не уплачиваются налоги.

Объем денежной массы по данным Банка России на 1 декабря 1998 года составлял 396,9 млрд руб. (по валютному курсу на декабрь 1998 г. руб./долл. США эта сумма составляет 19,22 млрд долл. США), в том числе наличные деньги вне банковской системы — 167,3 млрд руб. (8,1 млрд долл.), безналичные средства — 229,6 млрд руб. (11,11 млрд долл.). Таким образом, удельный вес наличных денег в общем объеме денежной массы на 1 декабря 1998 года составил 42,2 %. В январе–ноябре 1999 года рост денежной массы составил 139,4 % при 100,9 % в 1998 г. Справочно: по состоянию

на 1 января 2003 года денежная база составила 935,2 млрд руб., выросла на 218 млрд руб., в реальном выражении на 13,3 % (против 2001 года) Однако степень монетизации экономики Российской Федерации по сравнению со странами с развитой рыночной экономикой остается крайне незначительной. По расчету, за 1999 год коэффициент монетизации составил около 15 %, тогда как в странах с развитой рыночной экономикой этот показатель колеблется от 70 % до 110 %. Нерешенность проблемы насыщения реального сектора экономики денежной массой создает в стране ущербную экономическую среду, в которой невозможен реальный экономический рост и улучшение качества жизни населения. В то же время в объеме денежной массы, обслуживающей хозяйственный оборот в 1999 г., более трети составляли наличные деньги (в странах с развитой рыночной экономикой удельный вес наличных денег не превышает 7–9 %), что при отсутствии должного контроля со стороны государства за денежным обращением способствует их уводу в теневую экономику и уклонению от уплаты налогов.

Вместе с тем более 40 % недостающей денежной массы выражено в долларовом эквиваленте и обращается в сфере теневого бизнеса, а также используется в качестве накопления у определенной части населения.

Согласно опросу населения, финансируемого Центробанком РФ на руках граждан находится около 70 млрд долл., в том числе всего у 2 % населения 50 млрд долл. Согласно обследованиям ВЦИОМ, только 25 % взрослого населения России пользовались наличной валютой. Если даже принять за основу нижнюю границу объема наличной СКВ, полученную в результате обследования, цифра получается впечатляющей. При этом количество СКВ, находящейся в деловом обороте, по нашему мнению, в 2 раза превосходит цифру Центробанка двухлетней давности. Это связано и с более широкой оценкой СКВ в стране, и с все большим вытеснением рубля как средства платежа. Общая сумма наличных долларов, находящихся вне пределов США, к началу 1999 г. составляла 225 млрд долл. Из них 60 млрд долл. — в России, 27 % от общей суммы наличных долларов США⁶⁾.

Если же сравнить налично-рублевую массу с массой наличной СКВ, то получается, что долларовая наличность превышает рублевую в 7,5 раза — при пересчете по курсу доллара на октябрь 1999 г.

⁶⁾ *Потемкин А.* Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие. М.: Инфра-М, 2000. С. 261.

Всю же рублевую массу (агрегат М2) наличная СКВ превосходит более чем в 2,7 раза.

Следовательно, речь идет о колоссальном, одном из крупнейших в мире рынков наличных долларов, исключая, конечно, страну-эмитента — США. По сравнению с этим рынком рынок национальной валюты ничтожен. Наличный доллар сейчас — это и главное средство при наличных расчетах в негосударственном секторе, и главная «ценная бумага», в которую население помещает свои накопления.

И все же, использование доллара как важнейшей валюты мировой финансовой и денежной системой на протяжении нескольких десятилетий не приносит ничего стабильного и устойчивого, поскольку эта валюта не основана на золотом стандарте. И спрогнозировать в нашем глобальном мире крупномасштабные колебания потоков капиталов и плавающих курсов ведущих мировых валют очень трудно. Достаточно вспомнить мексиканский кризис 1994 г., кризис в Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг. и аргентинский кризис 2000–2001 гг., которые оказались неожиданными для ключевых игроков. Для России, как субъекта современного динамичного финансового рынка, это особенно важно учитывать, поскольку восстановительные процессы в экономике это, прежде всего реакция на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру. И структурные реформы, проводимые Правительством в последние годы, лишь закладывают фундамент для долгосрочного экономического роста.

Важнейшей составляющей текущей экономической политики являются высокие цены на нефть а также от умения Правительства договориться об отсрочке большей части платежей и о получении кредитов на рефинансирование внешнего долга. Например: Россия в 1999 г. должна была погасить внешнюю задолженность на общую сумму свыше 17,5 млрд долл., в то время когда российский бюджет несколько больше 20 млрд долл. Если внешний долг СССР в 1991 г. составлял примерно 100 млрд долл., к концу 1999 года величина совокупного долга приблизилась к 160 млрд долл.

Годы перестройки положили начало росту внешней задолженности. С середины 80-х годов западные страны активно кредитовали перестроечные мероприятия. СССР пользовался репутацией одного из самых надежных получателей кредитов. Как видно из рисунка 2, мы должны не только Парижскому клубу стран-кредиторов, но и Лондонскому, странам СЭВ. За период реформ

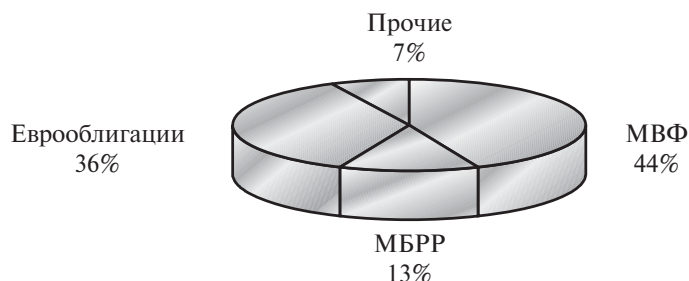

Рис. 1. Государственный внешний долг СССР на 1 января 1999 года, %

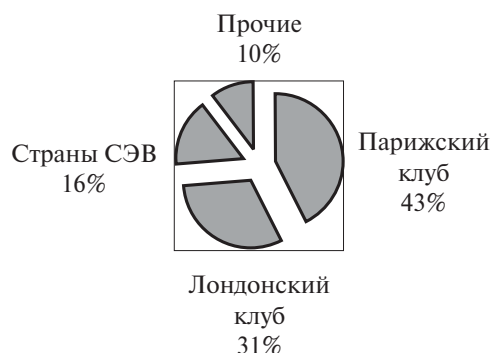

Рис. 2. Государственный внешний долг России (без учета советского долга) на 1 января 1999 года, %

долг собственно России, начавший свое образование в 1992, вырос более чем в 20 раз и достиг к началу 1999 года 45,3 млрд долл.

От МВФ Россия получала деньги не только на структурную перестройку экономики: средства поступали и в Минфин для поддержки рынка ГКО-ОФЗ и Центробанку на стабилизацию платежного баланса. МБРР кредитовал преимущественно конкретные проекты — инвестиционные, как правило, международные программы, реструктуризацию угольной отрасли. Россия выпустила еврооблигаций на 16,5 млрд долл. преимущественно на американском, германском и итальянском рынках.

Как видно, Россия показывает высокую ответственность в отношении платежей по своему внешнему долгу. Если бы эти 34 млрд долл., которые Россия уплатила в 1994–1998 годах, пошли бы на финансирование реального сектора, то мы бы сегодня не имели бы столь удручающую картину в этом секторе экономики.

Таблица 7

Платежи России по внешнему долгу в 1994–1998 гг., в млрд долл.

	1994	1995	1996	1997	1998
Объем платежей	–20,1	–20,2	–18,7	–13,6	–11,9*
Просрочено	3,2	1,1	2,6	3,1	2,4
Перенесено	12,4	12,1	8,4	3,1	2,4
Погашено	–4,2	–7,1	–7,7	–7,4	–7,5
Доля погашенных платежей в их общем объеме, %	20,9	35,1	41,2	54,4	63,0
Доля погашенных платежей в их общем объеме за вычетом перенесенных, %	55,3	87,7	74,8	70,5	76,5

* Без учета долгов по облигациям PRIN и IAN.

Долги Правительство погашает из российского бюджета. Следовательно, все более сокращаются ассигнования на народное хозяйство, здравоохранение, образование, оборону, на социальное обеспечение. Последние годы все новые кредиты связывают нашу страну. Идут они не на инвестирование, не на подъем экономики, а на реструктуризацию внешнего долга, на поддержание платежей по прежним долгам. Объемы производства за годы реформ упали более чем в 2 раза, средняя заработная плата в стране достигла уровня африканских стран, а задолженность растет.

Нельзя забывать и о том, что СССР в свое время являлся одним из крупнейших в мире кредиторов. Сумма задолженности иностранных государств по кредитам, предоставленным им СССР, превышает 150 млрд долл.

У России имеется 57 стран-должников. Долг между ними распределен крайне неравномерно.

Как видно, долги иностранных государств России возвращаются с трудом. Среди стран-должников имеются разные категории. Есть и абсолютно безнадежные, например ряд африканских и азиатских стран — только на Монголию, Афганистан и Эфиопию приходится 20,5 % от общей суммы долга. Кредитоспособность Кубы, Вьетнама и ряда стран, на которые приходится 30 % общей суммы долга достаточно низка. Таким образом, можно констатировать, что более половины суммы долга представляет практически безвозвратную задолженность.

Таблица 8

Платежи иностранных государств по их долгам России
в 1994–1998 гг., млрд долл.

	1994	1995	1996	1997	1998
Объем платежей	14,1	13,4	12,4	14,0	8,4
Просрочено	–12,8	–10,5	–9,5	–9,3	–7,5
Перенесено	—	–1,2	–0,1	–1,3	—
Погашено	1,3	1,7	2,9	3,4	0,9
Доля погашенных платежей в их общем объеме, %	9,2	12,7	23,4	24,3	10,7
Доля погашенных платежей в их общем объеме за вычетом перенесенных, %	9,2	13,9	23,6	26,8	10,7

Не имеет ли смысл, в связи с этими обстоятельствами, обменять долги ряда стран — Ливии, Кубы, Монголии, Вьетнама — России на долги российские странам Запада. Например: иностранные инвестиции в реальный сектор Вьетнама составили за последние годы 35 млрд долл. Задолженность Вьетнама СССР составляет 15 млрд долл.

За 1990–1997 годы в Россию было вложено прямых иностранных инвестиций почти в 40 раз меньше, чем в страны с развивающимся рынком.

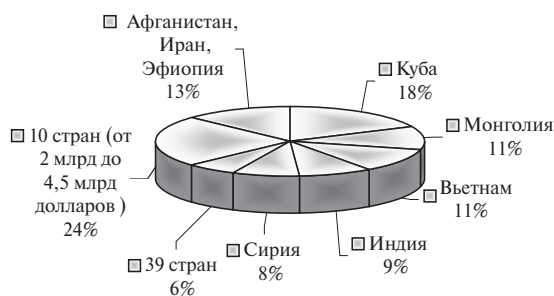

Рис. 3. Структура задолженности иностранных государств по кредитам, предоставленным им СССР

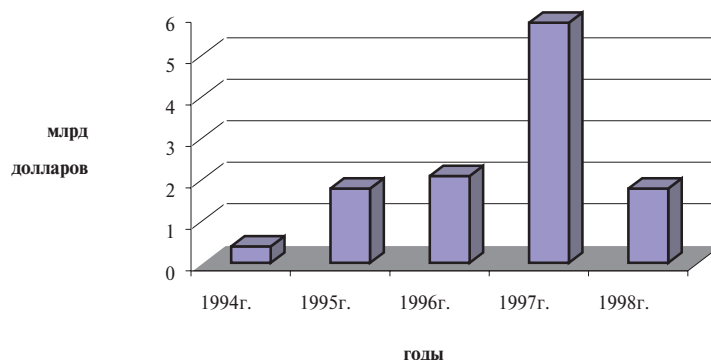

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции в Россию в 1994–1998 годах

За период экономических преобразований накопленный объем иностранных инвестиций в экономике России составлял к 1 января 1999 года 35 млрд 338 млн долл. США.

Также чистый объем прямых инвестиций в экономику России по итогам 2002 года уже оценивался в сумме 2,8 млрд долл. США против 2,5 млрд долл. США в 2001 г. Общий объем обязательств перед нерезидентами в 2002 г. возрос на 7,3 млрд долл. США против снижения на 1,4 млрд долл. США в 2001. Внешние активы частного сектора приросли за год на 16,8 млрд долл. США против 12,4 млрд долл. в 2001 г. При этом чистый отток частного капитала по оценке Банка России сократился с 16,2 млрд долл. в 2001 г. до 11,7 млрд долл. в 2002 г.

И все же, не видно конца утечке российских капиталов за рубеж, которая в сумме оценивается в амплитуде от 100 до 300 млрд долл. Прочие текущие депозиты российских государственных чиновников и бизнесменов на счетах 7 000 западных банков оценивались в 1995 г. в 270 млрд долл. США.

Рассчитывать на возвращение этих средств пока нет оснований. Только финансовые вложения предприятий России в экономику зарубежных стран (по данным Госкомстата) на конец 1997 года составляли 115 987 млрд руб. (учитывая валютный курс, руб./долл. США декабрь — 5 960 это составляет 19,5 млрд долл. США), а за 1994–1997 годы этот показатель равен 42,6 млрд долл. США). Из них в 1997 г. 10 млн долл. приходилось на экономику стран СНГ и, за период с 1994–1997 год эта сумма равна 27 млрд долл. США. За 1996–1998 г. на 30 % в среднем выросло число за-

Таблица 9

Число зарегистрированных предприятий России с участием иностранного капитала стран вне СНГ (на 1 января 1998 г.)

	1996	1997	1998
США	2 611	3 079	3 397
Германия	1 971	2 147	2 273
Китай	1 376	1 475	1 630
Финляндия	1 061	1 188	1 253
Великобритания	947	1 201	1 337
Италия	708	768	798
Польша	596	622	630
Австрия	541	579	619
Кипр	398	637	978
Швейцария	487	562	632
Турция	379	488	653
Франция	395	440	489
Нидерланды	292	354	407
Япония	338	339	348
Венгрия	261	277	279
Чешская Республика	240	263	297

регистрированных предприятий России с участием иностранного капитала стран вне СНГ.

Анализ операций по платежному балансу свидетельствует, что Россия является иностранным нетто-инвестором — «чистым» кредитором мировой экономики. При этом в роли международного донора выступает как само государство, так и частный сектор. Если прямые иностранные инвестиции в экономику страны с каждым годом сокращаются, то российские капиталы идут в более прибыльные и надежные предприятия за рубежом. Например, за 9 месяцев 2002 года, по данным Госкомстата, весь объем инвестиций из России за рубеж составил 16,3 млрд долл. (на 21,4 % больше, чем за тот же период 2001 года). Большая часть россий-

ских инвестиций вложена в экономику США — 8,462 млрд долл., в то время как инвестиции США в нашу экономику в 10 раз меньше. На втором месте по российским инвестициям идет Кипр, где Россией инвестировано 2,541 млрд долл. На третьем месте — Виргинские острова — 1,175 млрд долл. Говорить сегодня о репатриации капиталов невозможно, поскольку правительство до сих пор конкретно не определило ни точки роста экономики, не создало режим наибольшего благоприятствования для финансирования и кредитования экономических проектов, не разработан эффективный механизм использования и защиты капиталов.

Ключевой проблемой рыночных реформ можно назвать трансформацию собственности и разгосударствление экономики. Достаточно назвать цифры: к началу 1997 года в государственной собственности оставалось лишь 9,3 %, а в частной находилось почти 70 % предприятий. В 1997 г. в Федеральный бюджет России поступило более 4 млрд долл. от приватизации государственных предприятий. Доля государственной собственности в основных фондах страны снизилась с 91 % в 1991 г. до 42 % в 1994 г. Негосударственные предприятия в промышленности сегодня дают более 90 % продукции этой важнейшей сферы хозяйства ⁷⁾.

Цель — разрушение существующего строя — была достигнута. Скорая приватизация, без формирования института эффективного собственника (отвечающего за использование принадлежащего ему производственного аппарата), привела к тому, что в бизнесе все первенство отдавалось не производству и реальной экономике, а финансовой сфере, торговым сделкам в твердой валюте и переводе ее за рубеж, уклонение от налогообложения и т. д. Этап ваучерной приватизации привел к разделу собственности в пользу номенклатурной элиты и нарождающейся олигархии. А коммерческая приватизация вообще отстранила большую часть общества от этого процесса, обернулась борьбой между различными финансово-олигархическими группировками в форме скандальных разборок.

Анализ исполнения, федерального бюджета по доходам от имущества, находящегося в государственной собственности, или от деятельности свидетельствует о том, что государство устранилось от управления своей собственностью. Прямое тому свидетельство — реформа естественных монополий. Реструктуризация РАО ЕЭС, Газпрома и МПС должна проходить только в интересах этих отраслей российской экономики. В результате струк-

⁷⁾ Российский статистический ежегодник. 1997. С. 293, 324, 334.

турных преобразований и либерализации энергетического, газового и железнодорожного рынков мы должны получить здоровую конкуренцию и установление цен, устраивающих потребителей. Предложения и идеи, содержащиеся в документах по реформированию естественных монополий выгодны, прежде всего, монополиям, поскольку предполагают дальнейшее повышение цен на газ, электроэнергию и железнодорожные перевозки. В материалах утверждается, что в стране, где сосредоточены основные мировые запасы энергоресурсов, их стоимость (внутри страны) должна быть на европейском уровне. В стране, где природно-ресурсный потенциал в 2 раза больше чем в США, в 5–6 раз больше Германии, в 18–20 раз Японии; где средняя заработная плата в промышленности в 5–7 раз ниже пособия по безработице, выплачиваемого в США или Западной Европе; где доля расходов на покупку товаров и оплату услуг в структуре распределения индивидуальных доходов населения составляет более 65 %, обязательно необходимо, чтобы нищий по западным меркам работник обменивал свой труд на продукцию и услуги, цены которых равны мировым, не говоря о качестве.

Сегодня уже можно говорить, что ожидания большинства участников процесса выработки экономической политики не оправдались в полной мере. Прошедший год характеризуется стагнацией промышленного производства. В 2002 г. темпы роста экономики составляли 3,7 %. В 2003 г. в лучшем случае эти темпы роста сохраняться. Источники роста экономики остаются «внешними», привязанными к конъюнктуре мировых рынков энергоносителей. Мы продолжаем находиться на этапе экстенсивного развития.

На протяжении нескольких лет нам приходится слышать о необходимости достижения среднегодового прироста ВВП на 5 %-10 %. На практике существуют две модели увеличения ВВП за счет бурного развития финансового сектора и за счет развития реального сектора. Российская специфика заключается в том, что динамика ВВП в большей степени определяется динамикой промышленного производства. Поэтому России необходима особо взвешенная промышленная политика. При всех разговорах о росте ВВП мы должны отдавать себе отчет, что либо достигаться это будет за счет раздувания финансового сектора, чему мы были свидетелями в предыдущие годы, либо ежегодный рост промышленного производства должен быть не менее 10 %.

При решении этой задачи необходимо понимать, что существуют проблемы, которые при недостаточном внимании могут дестабилизировать экономику России.

В результате отсутствия у государства последовательной инвестиционной политики за десятилетие инвестиции сократились в 5 раз. Сохранение нынешних параметров воспроизводства основных фондов вызывает их дальнейшее сокращение. В 2000 г. доля оборудования «моложе» 10 лет составляла 29,4 %, а доля импортного оборудования в капиталовложениях из-за спада соответствующих российских производств и широкого распространения поставок импортного оборудования составляла 74 %.

Сегодня в России возник разрыв между производством и потреблением. За последнее десятилетие производство сократилось более чем в 2 раза, а потребление лишь на 21 %. Поддержание потребления шло путем наращивания потребительского импорта в обмен на сырьевой экспорт, свертывания инвестиций и оборонных расходов, за счет внутренних и внешних займов. Кризис 1998 года привел к тому, что в 1999 г. потребление населения сократилось на 5 %.

Разница цен в начале реформ привела к субсидированию промышленности и посредников за счет села. Покупательная способность села более чем в 3 раза, инвестиции в 25 раз. АПК не воспроизводит свой потенциал. Производство комбайнов и тракторов покрывает 10–15 % выбытия. Сокращение парка сельхозмашин (на 5–8 % в год) ведет к снижению посевных площадей (за 10 лет на 25–30 %) и сбора зерна. При соответствующем раскладе, АПК сможет обеспечить к 2005 г. лишь около 80 % биологических потребностей населения. Сегодня темпы роста импорта продовольствия значительно опережают рост собственного производства. Например, в 2002 г. импорт продовольствия в Россию вырос на 30 %. Это закрепляет зависимость от импорта и связанную с ней экспортно-сырьевую ориентацию.

В топливном секторе концентрируется около 40 % чистого долга покупателей промышленности. Здесь требуется серьезная активация государственного регулирования. Частный капитал лишь поддерживает минимально необходимые для сохранения этой сферы объемы, поскольку высокая капиталоемкость и длительная окупаемость инвестиций делают высокими политические риски.

Поэтому крайне необходим более глубокий анализ проблем модернизации промышленности в долговременном аспекте с уче-

том мирового опыта и традиций российского общества, современного положения страны в мировой экономике, финансовых и производственных возможностей.

В 2002 г. индекс промышленного производства по сравнению с 2001 годом составил 103,7 %, в декабре 2002 г. по сравнению с декабрем 2001 года — 103,2 %.

Этот экономический рост был на 60 % достигнут благодаря экспортоориентированным отраслям, прежде всего добывающим.

Рассчитанный Минэкономразвития рост ВВП в 2003 предусматривает сохранение высоких цен на российскую нефть. Цена на нефть марки Urals (CRUDE/EURO1) в бюджете заложена в размере 21,5 долл. за баррель (сейчас — 28).

К сожалению, социально-экономическое прогнозирование, как и любое прогнозирование вообще, может быть успешным лишь при некоторой стабильности условий. Однако решения органов власти, отдельных лиц, иные события меняют условия, и события развиваются по-иному, чем ранее предполагалось.

Кроме макроэкономических характеристик необходимо учитывать состояние и динамику отечественного массового сознания, политических, в том числе внешнеполитических реалий, поскольку экономика зачастую следует за политикой, а не наоборот. Так, например, к 1985 г. экономика СССР находилась в достаточно стабильном состоянии с ежегодным ростом в среднем 3–5 %.

1.3. Оценка населением экономических реформ в России

Отношение населения к происходившим переменам в государстве трудно назвать позитивным. С 1993–1999 годы от 63,1 % опрошенного населения (в июле 1996 г.) до 91 % респондентов (в сентябре 1998 г.) были убеждены (и не без оснований), что состояние российской экономики оставалось плохим и даже очень плохим. Причем сегодня именно низкий уровень экономического развития страны население рассматривает как основное препятствие к обретению Россией статуса великой державы. В ходе опроса ВЦИОМ (январь 2002 года) большинство россиян (66–67 %) назвало «высокоразвитую промышленность» и «высокий уровень благосостояния граждан» основными критериями, позволяющими стране называться «великой» (наличие «ядерного оружия» в качестве такого критерия признали 30 % опрошенных).

Таблица 10

Оценка населением экономического положения России

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
очень хорошее	0,3	0,2	0	0,1	0	0,2	0,2
хорошее	0,9	0,8	0,8	0,9	0,7	0,6	0,6
среднее	19,9	15,3	15	25,2	19,5	13,9	9,1
плохое	46,2	49	47,4	48,7	50,5	49,1	54,7
очень плохое	18	19,7	24,9	14,4	19,2	29,5	28,7
трудно сказать	14,7	15	11,9	10,7	10	6,6	6,8

Источник: Мониторинг общественного мнения: ВЦИОМ. Июнь–июль 1993–1999 гг.

За годы реформ с 1993 по 1999 г. доля населения, негативно оценивающего экономическое положение России, увеличилась. Если в 1993 г. умеренные пессимисты (экономическое положение — «плохое») составляли 46,2 % населения, то в 1999 г. — 54,7 %. Соответственно, доля выраженных пессимистов (экономическое положение — «очень плохое») выросла с 18 до 28,7 %. Характерным является сокращение неопределенных оценок. Если в 1993 г. затруднялись оценить экономическое положение страны 14,7 %, то в 1999 г. — 6,8 % населения. Определившиеся в своем отношении к экономическим реформам дополнили ряды пессимистов.

Динамика мнений населения обнаруживает достаточно тесную зависимость от экономической конъюнктуры. Именно в 1996 г., когда Правительство объявило о достижении макроэкономической стабилизации и начале экономического подъема, был зафиксирован максимум осторожно оптимистических оценок экономического положения страны (экономическое положение считали средним 25,2 % населения) и минимум выражено пессимистических («очень плохим» — 14,4 %). Однако способы достижения финансовой стабилизации оказались спекулятивными и окончились финансовым кризисом 1998 г. Соответственно, к 1999 г. до 9 % сократилась доля осторожных оптимистов и почти до 30 % увеличилась доля тех, кто оценивает экономическое положение, как «очень плохое».

Полученные результаты позволяют предположить, что мнения различных групп населения об экономической ситуации в стране существенно зависят от статуса этих групп, а именно: от уровня

Таблица 11

Оценка экономического положения страны в зависимости от места жительства опрошенных, 1999 г.

	Москва, С.-Петербург	Большие города	Малые города	Села
очень хорошее, хорошее	0,4	0,8	0,1	0,4
среднее	11,3	11,2	8,6	14,1
плохое	44,1	54,1	48,5	50,4
очень плохое	36,2	26,3	37,2	26
трудно сказать	8,0	7,6	5,5	9,1

Источник: Мониторинг общественного мнения: ВЦИОМ ИНТЕРЦЕНТР АНХ. Ноябрь–декабрь, 1999.

доходов, места в социальной иерархии и т. д. Иными словами, «выигравшие» в ходе реформ должны оценивать экономическую ситуацию более позитивно, чем проигравшие. Проверим эту гипотезу.

Как показали результаты исследования, место жительства респондентов практически не влияет на их мнения (табл. 11). Жители столиц и больших городов столь же пессимистичны в оценке экономической ситуации в стране, как и обитатели малых городов, а также сел.

Еще более удивительным является тот факт, что занятость в определенном секторе экономики также не оказывает решающего влияния на оценку экономического положения в стране. Независимо от того, где работают респонденты: в государственном, полугосударственном или частном секторе, около 80 % их также расценивают экономическую ситуацию как «плохую» или «очень плохую».

Пессимизм в отношении оценки экономической ситуации в стране практически в равной степени распространен в группах населения с различным уровнем дохода. В группе с низкими доходами считают экономическую ситуацию в стране «плохой» и «очень плохой» 85,3 % опрошенных, в группе со средними доходами такого мнения придерживаются 80,1 %, в высокодоходной группе — 82,8 % респондентов.

Таблица 12

Оценка экономического положения страны в зависимости от занятости опрошенных в соответствующем секторе экономики, 1999 г.

	Государственный	Полугосударственный	Частный
очень хорошее, хорошее	0,1	0,6	0,4
среднее	8,4	9,7	12,5
плохое	52,4	56,1	44,3
очень плохое	34,3	28,8	35,6
трудно сказать	4,8	4,8	7,1

Источник: Мониторинг общественного мнения: ВЦИОМ ИНТЕРЦЕНТР АНХ. Ноябрь–декабрь, 1999.

Таблица 13

Оценка экономического положения страны в зависимости от уровня среднедушевого дохода опрошенных, 1999 г.

	Низкий	Средний	Высокий
очень хорошее, хорошее	0,3	0,2	0,7
среднее	7,4	12,5	10,0
плохое	53,4	48,6	52,5
очень плохое	31,9	31,5	30,3
трудно сказать	7	7,2	6,4

Источник: Мониторинг общественного мнения: ВЦИОМ ИНТЕРЦЕНТР АНХ. Ноябрь–декабрь, 1999.

Некоторые различия в оценках обнаружены лишь в зависимости от социально-профессионального статуса опрошенных. Существенно более оптимистично оценивает экономическую ситуацию не занятое население. На этом фоне естественно выделяются учащиеся, среди которых лишь 39,6 % определяют экономическое положение в стране как «плохое» и «очень плохое». Среди домохозяйек разделяют это мнение 57,8 %, и среди пенсионеров — 64,5 %. Сомнительными представляются данные по безработным, оценки

Таблица 14

Оценка экономического положения страны в зависимости
от социально-профессионального статуса опрошенных, 1999 г.

	Учащиеся	Пенсионеры	Домохозяйки	Безработные	
очень хорошее, хорошее	3,8	0,8	2,9	0,4	
среднее	42,6	22,9	26,8	51,1	
плохое	31,4	46,4	40,5	12,1	
очень плохое	8,2	18,1	17,3	8,2	
трудно сказать	14,1	11,9	12,5		
	Работающие				
	руководители	специалисты	служащие	квалифицированные рабочие	неквалифицированные рабочие
очень хорошее, хорошее		0,8	0,5	0,1	
среднее	8,2	7,1	14,1	10,3	5,4
плохое	46,5	59,3	47,9	48,8	54,5
очень плохое	40,6	29,9	33,5	33,6	31,3
трудно сказать	4,8	2,9	4	7,2	8,8

Источник: Мониторинг общественного мнения: ВЦИОМ ИНТЕРЦЕНТР АНХ. Ноябрь–декабрь, 1999.

которых отличаются крайним оптимизмом на фоне всех других групп.

Работающее население, практически независимо от профессионального статуса и квалификации в подавляющем большинстве придерживается пессимистических оценок экономического положения в стране. Считают экономическую ситуацию «плохой» и «очень плохой» 81,4 % служащих, 82,4 % квалифицированных рабочих, 85,8 % неквалифицированных рабочих, 87,1 % руководителей, 89,2 % специалистов.

Таким образом, население достаточно объективно оценивало экономическую ситуацию в стране, поскольку на эту оценку не влияет ни собственный уровень жизни, ни занятость в госу-

дарственном или частном секторе, ни социальный статус. Более того, участие в экономической деятельности лишь усугубляет негативизм опрошенных, и чем большей информацией располагает респондент (специалист, руководитель), тем более мрачными являются его оценки.

Особенностью периода реформ было то, что практически по всем ключевым вопросам: отношение к проводимым реформам, прежде всего, экономической; степень доверия ветвям власти; формы правления и так далее — население всегда имело широкий и весьма неоднозначный спектр оценок и настроений, однако преобладающим в них были негативизм и неопределенность. Приведем несколько примеров. Июльская денежная реформа 1993 года вызвала у населения чувство раздражения: оно увидело в этом попытку правительства в очередной раз решить проблемы за счет народа. Вспомним также отношение населения к приватизации. Как свидетельствовали опросы в 1998 г.⁸⁾, опросы в 1998 г., большинство россиян (61 %) в целом разделяло негативное отношение к итогам приватизации, считая, что она принесла России больше вреда, чем пользы.

Экономическое положение России, а также свое материальное положение, как показали опросы, население ассоциировало, прежде всего, с экономическими реформами.

В августе 1998 г. правительство предпринимает ряд мер для выхода из экономического кризиса и 56 % населения оценивают их отрицательно, а 71 % россиян не верит, например, что расширение «валютного коридора» и изменение курса доллара (а попросту девальвация рубля), приведшие к очередному обеднению населения, были необходимы, как заверяло правительство, для преодоления кризиса. Заметим, уже в сентябре 1998 г. половина населения из-за резкого обострения кризиса вынуждена была признать — «стало настолько хуже, что непонятно, как жить».

На сегодняшний день наши сограждане уже не стараются выдавать желаемое за действительное. По данным ВЦИОМ (май 2002), 68 % россиян согласны с мнением, что к настоящему моменту Россия утратила в мире роль великой державы, а не согласны с этой точкой зрения только 30 % респондентов, то есть бо-

⁸⁾ При написании раздела были использованы результаты социологических опросов населения, проведенных Фондом общественного мнения в январе, мае, июне, августе, сентябре и декабре 1998 года; в январе, марте, мае, июле и августе 1999 года; январе, феврале 2000 года.

лее чем в два раза меньше. 62 % респондентов считают, что Россия несамостоятельна в своих решениях и зависит от западных стран.

Резюме

Оценивая экономические тенденции и их итоги к концу 90-х годов, попытаемся обосновать свою точку зрения. Безусловно, экономическое возрождение России вполне реально, у нашей страны есть все шансы вырваться в число мировых лидеров уже к третьему—четвертому десятилетию XXI века. В качестве безусловной и главной основы будущего роста российской экономики можно признать следующее:

1. Богатство России природными ресурсами.
2. Дешевая и квалифицированная российская рабочая сила.

Именно это способно привлечь иностранных инвесторов, на которых зачастую делается основной расчет, поскольку их возможности существенно выше, чем отечественных. К сожалению, современная система глобализации и международного разделения труда в случае включения туда России на условиях, предлагаемых Западом (других не предлагает никто) заведомо обрекает ее на роль аутсайдера. Большинство стран Третьего мира, именно в силу природных условий являются заведомо более привлекательными, чем России, с точки зрения инвестиций в традиционный индустриальный сектор. В этом смысле интересно сопоставление России и Китая, получившего за последние 10 лет около 800 млрд долл. зарубежных инвестиций (сравните с 30 млрд, полученными Россией) и считающегося одной из самых стабильных стран «Третьего мира».

По обеспеченности природными ресурсами, у России есть четыре выигрышные позиции — это природный газ, лес, уголь и пресная вода. Россия отнюдь не является монополистом на рынке минерального сырья, хотя на данный момент она основной поставщик нефти и газа в европейские страны, а в перспективе и в Японию. Нельзя забывать о том, что сырье (нефть, газ, уголь, металлы) является невозобновимым ресурсом, и если нам не безразлично, как будут жить наши дети и внуки, следует подумать об экспорте сырья и в этом аспекте.

Сегодня в мире идет масштабный процесс «деиндустриализации» развитых стран, перемещения индустриального сектора

экономики в Третий мир, притом, что на Западе остается «постиндустриальный» сектор и высокотехнологичные стратегические производства. Россия в силу своего географического положения и природных условий обречена быть существенно дороже по сравнению с большинством стран Азии, Африки и Латинской Америки. Российское производство в 90-е годы обвалилось, прежде всего, не из-за низкого качества продукции как такового, а из-за худшего соотношения цена—качество, невозможности выдерживать ценовую конкуренцию с большинством зарубежных товаров.

Конкурентоспособность российской продукции выросла после обвальной девальвации рубля в августе 1998 года. Вместе с ней вырос и объем продукции. В то же время выручка большинства предприятий в валютном эквиваленте упала. В условиях сильной зависимости (существенно возросшей за годы обвала) от импортной техники, технологий, комплектующих возможности предприятий инвестировать в модернизацию собственного производства, несмотря на текущий рост, напротив, сократились. Исключение составляет экспортный, прежде всего — сырьевой сектор, который в этой ситуации неизбежно будет оттягивать на себя имеющиеся ресурсы и способствовать «добыванию» остальной экономики. Но и здесь его перспективы сохраняются, повторюсь, до полного износа основных фондов и первого серьезного падения цен на мировом рынке.

Таким образом, у России немного шансов занять достойное место среди развивающихся стран, опираясь на традиционные энерго- и материалоемкие индустриальные и, прежде всего, сырьевые отрасли экономики.

Своего рода последним упованием является высокая образованность и квалификация российской рабочей силы. В то же время здесь повторяется та же ситуация, что и с основными фондами. Основные затраты на подготовку кадров понес Советский Союз и продолжает нести Россия.

В советское время, а в значительной степени и сейчас в России сохраняется возможность бесплатного получения качественного высшего образования. Это давно стало привычным, и, к сожалению, немногие серьезно задумываются, за счет чего это происходило и происходит, в то время как в западных странах обучение стоит тысячи и десятки тысяч долларов.

Не принято было также задумываться и о стоимости тех или иных научно-технических разработок. Сейчас западные страны

имеют возможность очень дешевой покупки наших специалистов и достижений научно-технической мысли (к сожалению, мы не можем сказать того же о западных достижениях применительно к себе), на которые советское, а позже — российское государство затратило неизмеримо больше.

Последние 10–15 лет научно-техническая база России истощается, распродаваясь «по дешевке» на Запад и не получая серьезных инвестиций. Рано или поздно она окажется или полностью истощенной, или потребует серьезных вложений (и тогда выяснится, что российский интеллект отнюдь не дешев).

Необходимо, как бы ни было горько, признать очевидную вещь — в настоящее время Россия уже заняла место в системе мировой экономической интеграции место иссякающего сырьевого придатка (и, что не менее, если не более страшно — иссякающего интеллектуального придатка) Запада. Опора России на традиционные индустриальные отрасли (причем, прежде всего, сырьевые) как объект привлечения инвестиций в сочетании с полной открытостью по отношению к мировому рынку ведет только к усугублению ситуации. Развал традиционных отраслей и «утечка мозгов» и технических достижений на Запад очень быстро ликвидируют наше последнее преимущество перед странами Третьего мира интеллект и технологии, которые просто не смогут получать в России в условиях утечки капиталов должной материальной подпитки.

Таким образом, экономические и социальные результаты последней российской экономической революции оказались разрушительными для общества и государства, до предела заострив проблемы безопасности, проблемы выживания.

Тенденции развития отечественной экономики в 90-е годы характеризуются, во-первых, значительным спадом производства (сокращение промышленного производства за десятилетие превысило 50 %) и, во-вторых, резкими отраслевыми диспропорциями. В добывающих отраслях падение было менее интенсивным ~ 31 %, в том числе в электроэнергетике — 26 %, в топливной — 32 %. Остро ощутили кризис обрабатывающие отрасли, особенно производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью, наукоемкие и высокотехнологичные (59 %). Кроме того, сильно пострадали отрасли, которые после открытия внутреннего рынка оказались практически полностью неконкурентоспособными. Масштабы спада в промышленности строительных материалов составили 65 %, в легкой промышленности — 85 %.

В-третьих, на фоне спада эффективность российской экономики резко снизилась. Об этом свидетельствуют следующие процессы: а) традиционно высокая ресурсоемкость отечественной промышленности не только сохраняется, но даже возрастает, о чем свидетельствуют диспропорции в темпах падения производства в топливно-энергетических (за вычетом экспорта) и обрабатывающих отраслях; б) производительность труда, которая в дореформенный период составляла всего 25 % от уровня США, еще более сократилась, о чем свидетельствуют диспропорции в темпах падения производства и сокращения занятости; в) спад производства и отсутствие финансируемых программ реструктуризации незагруженных мощностей приводят к снижению рентабельности практически во всех отраслях экономики (от 1,5 раз в энергетике до более чем 12 раз в черной металлургии, а также в химической и нефтехимической промышленности; в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, в промышленности строительных материалов, а также в легкой промышленности производство продукции за годы реформ стало не рентабельным или убыточным).

В-четвертых, сокращение инвестиций опережающими темпами по сравнению со спадом производства приводит к некомпенсируемому выбытию производственных мощностей в условиях их высокой изношенности (от 45 % в электроэнергетике до 60 % в химической промышленности). В ТЭК спад производства сопровождается ухудшением состояния сырьевых баз действующих предприятий в связи с сокращением разведанных запасов сырья и более чем 3-кратным уменьшением объемов геологических работ.

В-пятых, кумулятивный эффект кризисных факторов проявляется, прежде всего, в хроническом дисбалансе бюджета. Хотя во второй половине 90-х годов средняя величина ежегодного дефицита бюджета существенно сократилась (3–6 %) по сравнению с положением дел в первой половине десятилетия (тогда она колебалась от 8 до 24 % ВВП), она все равно оставалась весьма значительной. Возможности уменьшения бюджетного дефицита за счет сокращения бюджетных расходов, но они преимущественно относились к таким затратам политического свойства как война в Чечне и обеспечение выборов. Следовательно, во главу угла следовало поставить увеличение бюджетных доходов, чего сделано не было в силу политики обмена экономических уступок на политическую стабильность.

В-шестых, нерешенность налогово-бюджетных проблем на протяжении всего постсоветского периода, в свою очередь, привела к накоплению государственного долга, высокая стоимость обслуживания которого, в свою очередь, усугубляла остроту бюджетной ситуации. Разрушительный для финансовой системы характер последствий накопления в России государственного долга обусловлен не столько его размером, сколько необходимостью (в силу крайне низкого уровня монетизации российской экономики) привлечения непропорционально высокой доли ликвидных внутренних сбережений для его обслуживания.

Таким образом, результаты социально-экономического развития России в последнее десятилетие ушедшего тысячелетия весьма печальны. Все макроэкономические показатели сократились в несколько раз. Экономика России за десятилетие была «сокращена» в 4 раза, что соответствует сдвигу назад по времени примерно на 40 лет — в 1960-е годы. При этом «сжатие» в 2 раза произошло при развале СССР, а еще в 2 раза — при развале экономики.

Глава 2

Социальные последствия реформирования России

Российские реформы последнего десятилетия XX века, сменяющие одна другую вслед за уходящими Правительствами, проводились за счет сужения сферы социальной защиты, за счет средств населения. Одной из острейших экономических и социально-политических проблем, вставших перед страной в ходе экономических реформ, стало падение уровня жизни российских граждан. Кардинальное разрушение системы на основе шоковой терапии и приватизации легло на плечи населения вместе с невиданным обогащением новой экономической и политической элиты. Рынок наполнен разнообразными товарами в результате двукратного снижения реальных доходов населения и падения среднедушевого потребления основных товаров и услуг, а также за счет импорта, который составляет практически половину товарных ресурсов торговли.

В ходе рыночных реформ под предлогом повышения конкурентоспособности предприятий фактически разрушена социально-бытовая подсистема. Жертвы махинаций и мошенничества исчисляются миллионами рядовых вкладчиков и акционеров. Не принимаются всеобъемлющие решения по проблемам восстановления обесцененных сберегательных и страховых вкладов населения.

2.1. Инфляция как налог на население

Николай Тургенев (середина XIX века) считал выпуск бумажных денег и их неизбежное последующее обесценение своего рода налогом на население. К обесценению денег как своеобразному налоговому источнику государство стало прибегать с тех пор, как он был открыт Римом. Печатание законных платежных средств является последним резервом, крайней мерой всякого правительства, отмечал Дж. Кейнс ¹⁾.

¹⁾ См. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 91–92.

В странах с нарастающей инфляцией деньги нет смысла накапливать, они быстро обесцениваются. При подобных обстоятельствах возникает любопытная картина: национальные денежные знаки выполняют функции масштаба цен и обращения, а средством накопления избирается более устойчивая иностранная валюта.

Как правило, наиболее уязвимыми оказываются получатели низких доходов, поскольку галопирующий рост цен затрагивает прежде всего товары первой необходимости. У малоимущих слоев населения продукты первой необходимости поглощают практически 100 % реального дохода, остающегося после оплаты коммунальных услуг. А цены на эти продукты растут ускоренным темпом. Социальные меры по поддержке необеспеченных слоев, несомненно, нужны, хотя в условиях форсированной инфляции они не решают проблемы.

Период реформ в России принес великие потери предпринимателям и работникам, занятых в отраслях с медленной оборачиваемостью капитала, сезонным характером производства, специализированной продукцией со слабой эластичностью предложения.

От инфляции страдали государственные служащие, зарплата которых фиксирована (учителя, медики, работники связи и т. п.). Убытки понесли также кредиторы, предоставившие долго- и среднесрочные ссуды под фиксированные или слабо возрастающие проценты. Терпящей бедствия стороной стали получатели пенсий, страховок, арендных или коммунальных платежей, а также, конечно, лица, пытающиеся сохранить свою денежную наличность.

Хорошо себя чувствуют в условиях инфляции лишь такие социальные группы как: посредники, занятые перепродажей товаров, ценных бумаг, валюты; экономические агенты и физические лица, сумевшие получить кредиты; лица, вложившие деньги в недвижимость, картины и прочие ценности; специфическая для России (стран СНГ) группа, олицетворяющая госмонополистические структуры.

В нашей стране долгое время инфляция находилась в скрытом, как бы подавленном состоянии. При этом существовал и даже нарастал товарный дефицит. С января 1992 года цены были «освобождены», то есть предприятия получили возможность самостоятельно устанавливать их. На потребительском рынке цены резко стали набирать высоту. Вместе с тем наполнялись прилавки продовольственных магазинов. Рост предложения был связан с притоком импортной продукции. Доходы населения и его плате-

жеспособность оставались позади поднявшихся цен, что означало сокращение реального потребления.

Хочу отметить, что любая инфляция свидетельствует о масштабном переделе собственности, причем по степени инфляции можно судить и о масштабах, преимущество, при котором всегда получают лица, обладающие доступом к источнику «больших» и «новых» денег. К апрелю–маю 1992 года Центробанк увеличил денежную массу в 5 раз, а к июлю в 7 раз. Но в нарушение всех законов денежного обращения, цены выросли, даже с учетом неплатежей, приблизительно вчетверо быстрее денежной массы (в 26 раз), что привело к полному обесцениванию вкладов населения. Начавшаяся в это же время приватизация государственной и общественной собственности, принадлежавшей СССР, балансовой стоимостью 1,5 трлн руб. (1,5 трлн долл.) «позволила» обладателям «старых» денег иметь право приблизительно на 10 % общественной собственности.

В 1995 г. среднегодовая инфляция наконец опустилась до однозначной величины (в среднем 7,2 % в месяц), а спустя еще два года, достигла своего минимального значения (0,9 % в месяц). Правда, разразившийся в августе 1998 года финансовый кризис, отчасти перечеркнул эти достижения — индекс потребительских цен вновь взлетел вверх (в среднем на 5,2 % в месяц), но в дальнейшем инфляцию опять удалось взять под контроль. В итоге за 1999 г. уровень потребительских цен увеличился на 36,5 %, что в усредненном варианте означает их ежемесячный рост всего на 2,6 %.

При этом на протяжении первых четырех лет реформы продукты питания дорожали быстрее непродовольственных товаров. В 1996 г., когда ценовые пропорции на товарном рынке более менее устоялись, тенденция поменялась (исключение составил 1998 г.), а разрыв в динамике цен сократился до нескольких процентных пунктов. Так, в 1999 г. продукты питания подорожали на 35 %, а промышленные товары — на 39,2 %. Рынок услуг «лихорадило» значительно дольше, чем рынок товаров. Опережающий рост тарифов на услуги по сравнению со стоимостью товаров продолжался вплоть до 1998 г. К этому моменту наконец завершилось реформирование сферы услуг, масштабы которой сократились почти до обязательного перечня. В итоге, в 1999 г. динамика их стоимости (рост на 34 %) уже не выбивалась из общей картины. Так, в декабре 2002 года индекс потребительских цен составлял 101,5 %, а темпы прироста цен на продовольственные товары (111,0 % против 117,1 %) в 2001 г. сблизились с непродовольственными товарами

(110,9 % против 112,7 %). Темпы роста цен на платные услуги уже два года остаются без изменения: в среднем — 136 %.

Для различных периодов реформы и на разных уровнях использовались свои методы борьбы с инфляцией. Первые четыре года государственная политика была ориентирована на возмещение (или видимость возмещения) населению потерь от инфляции. В результате темпы денежной эмиссии оказались вполне сопоставимы с ростом цен. В 1992 г. выпуск денег в обращение увеличился в 16,9 раз (ИПЦ в 26,1 раз), в 1993 г. — в 7,2 раза (в 9,4 раза), в 1994 г. в 2,1 раза (в 3,2 раза), в 1995 г. — в 2 раза (в 2,3 раза). Затем правительственная тактика поменялась и началось интенсивное сокращение наличных денег в обращении — вплоть до их прямого изъятия. Уже в 1996 г. это привело к уменьшению доли наличных средств в совокупной денежной массе до 35,2 %, а годовая эмиссия оказалась на 35 % ниже, чем в 1995 г. Однако новая политика отразилась не только на динамике инфляции, но и на платежеспособности самого государства, а также прочих субъектов рынка. В результате все большая часть населения была вынуждена работать в долг. Затем субсидировать несостоятельное правительство начали пенсионеры и дети, «одалживая» ему на безвозмездной основе свои пенсии и пособия.

На местном уровне борьба с инфляцией велась в большинстве случаев по старинке — путем директивного вмешательства в процессы ценообразования. Чаще всего регулировались цены на основные продукты питания и услуги, а из непродовольственных товаров — на топливо и медикаменты. Справедливости ради следует заметить, что из года в год масштабы административного вмешательства в ценообразование вытеснялись рыночными механизмами, причем первыми отмирали наиболее косные способы, такие как талонная система распределения, замораживание цены.

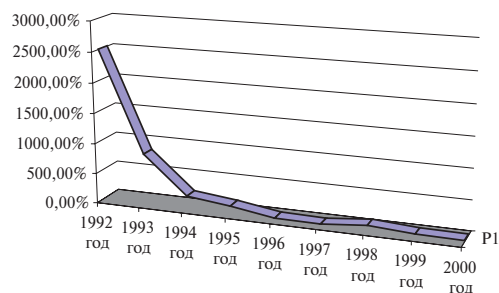

Рис. 5. Инфляция. Рассчитано на основе индекса потребительских цен Госкомстата РФ

Население в основном защищалось от инфляции, переводя рублевые средства в валюту. Хотя удорожание доллара, как правило, отставало от роста потребительских цен, этот вид сбережений по сей день остается наиболее предпочтительным, надежным и проверенным временем. В целом за период с 1993 по 1999 г. рублевый эквивалент доллара увеличился в 65 раз при росте цен в 233 раза.

Устойчивость национальной валюты для России имеет особое значение, поскольку после перехода к свободной конвертируемости рубля в самом начале реформ началась стремительная долларизация экономики страны. Правда, практика параллельного хождения двух валют была вскоре прекращена, а с 1995 г. Центробанк РФ начал проводить политику активного регулирования валютного курса. Причем использовались как чисто административные (установление специального валютного коридора, обязательная продажа всей или части валютной выручки), так и более цивилизованные (участие в биржевых торгах) способы воздействия. Тем не менее динамика курса доллара остается весьма информативной характеристикой «самочувствия» российской экономики не только для участников внутреннего рынка, но и за его пределами.

Можно по-разному относиться к различным способам переустройства российского государства, важно лишь, чтобы эти преобразования осуществлялись во благо всего общества, а не какой-либо группы его представителей. Поэтому наиболее объективными индикаторами успешности реформ являются все же не специальные финансовые показатели, а социально-экономические характеристики положения граждан России, отражающие их экономическую активность, покупательную способность, уровень и качество жизни.

2.2. Рынок труда реформируемой России

Годы реформ принципиально перестроили российский рынок труда. Одной из основных его характеристик стала прогрессирующая трудоизбыточность, пришедшая на смену хронической трудодефицитности, порожденной государственной политикой обязательной всеобщей занятости.

В стране из года в год начал снижаться уровень экономической активности населения, измеряемый статистиками среди российских граждан в возрасте от 15 до 72 лет. Если в 1992 г. работали или пытались трудоустроиться 70,3 % россиян, то в 1998 г. —

Таблица 15

Экономически активное, занятое и безработное население России
в 1992–2002 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2002
Численность экономически активного населения (ЭАН), млн чел.	75,7	75,0	74,0	72,9	69,6	68,1	66,7	73,7	72,4	71,9
Численность занятых, млн чел	72,1	70,9	68,5	66,4	62,9	60,0	57,8	64,5	65,0	64,5
% от ЭАН	95,2	94,5	92,6	91,1	90,4	88,1	86,7	87,5	89,8	91,8
Численность безработных (по методологии МОТ), млн чел.	3,6	4,1	5,5	6,5	6,7	8,1	8,9	9,2	7,3	5,9
% от ЭАН	4,8	5,5	7,4	8,9	9,6	11,9	13,3	12	10,1	8,2

только 61 %. Наряду с этим, постоянные изменения фиксировались в структуре экономически активного населения: ряды занятых устойчиво таяли, а безработных — регулярно пополнялись.

Сложившаяся в стране к настоящему моменту структура занятости заметно отличается от дореформенной. Прежде всего, состоявшийся пересмотр отношений собственности окончательно лишил государственный сектор статуса главного работодателя.

Это место заняли частные предприятия, на которых уже в 1998 г. работало около 28 млн человек. Совместно с прочими структурами негосударственного сектора они обеспечивали работой около 62 % всех занятых россиян. К сожалению, это обстоятельство имеет для работающих не только положительные, но и отрицательные стороны. В условиях правового беспредела коллективы работников не редко оказываются абсолютно бесправными, их участие в механизме принятия решений, как правило, чисто формально, зато степень защищенности и уровень зарплат — существенно ниже, чем при «старом хозяине».

Весьма показательным примером, с точки зрения становления частного сектора экономики в России, может служить развитие малого предпринимательства. Чуть ли не треть существующих сегодня малых фирм возникли вынужденно, результативность их деятельности, как и численность персонала падает. В 1998 г. малые предприятия обеспечивали постоянной или временной работой менее 12 % всех занятых, что составляет примерно 1/5 всех работников

Таблица 16

Неполная занятость в России в 1993–1998 гг. (% к занятым)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Численность работников, находящихся в вынужденных отпусках	6,9	11,4	9,2	11,4	8,0	6,6
Численность работавших в режиме неполного рабочего дня (недели)	2,2	7,5	3,1	5,2	4,0	4,8

частных и смешанных предприятий. Дело в том, что политика налогообложения, носящая ярко выраженный фискальный характер, а также отсутствие необходимой правовой базы не гарантируют стабильность этого сектора. В итоге российское малое предпринимательство на десятом году своего существования по-прежнему не в состоянии выполнить ни экономическую, ни социальную роли, отведенные ему в экономиках развитых стран.

Экономические реформы вызвали активное, преимущественно стихийное межотраслевое перераспределение рабочей силы. Наиболее существенное сокращение занятых произошло в ведущих отраслях реального сектора при повышенном интересе к посреднической и социальной сферам, а также структурам управления.

Частично подобную смену приоритетов в занятости можно объяснить развитием новой инфраструктуры, необходимой для функционирования рыночных отношений, например, системы финансовых институтов, разветвленной торговой сети. Однако одновременно в результате отсутствия продуманной и последовательной промышленной политики оказались «запущены» серьезные негативные процессы. Материальная сфера практически лишилась накопленного в советский период профессионально-квалификационного потенциала, наука, по сути, оказалась на грани деградации, настоящей проблемой стали феминизация и старение целых отраслей. В промышленности сокращение персонала происходило в основном за счет обрабатывающих производств, выпускающих промежуточную или конечную продукцию, в то время как сырьевые отрасли наращивали мощности. Например, в электроэнергетике численность работающих за 1992–2002 гг. выросла в 1,5 раза, при общем сокращении занятости в промышленности на 34 %, в том числе в легкой промышленности — почти на 60 %.

Экономические преобразования и, прежде всего, появление различных форм собственности повлекли за собой изменение со-

циальной структуры занятых, которая впервые избавилась от классовой направленности. Однако ее границы до сих пор остаются нечеткими. Неотработанность статистического аппарата не позволяет пока достоверно оценить численность работников наемного и ненаемного труда. Так, до 1996 г. статистика уверенно фиксировала постоянное увеличение доли ненаемных лиц (с 6 % в 1992 г. до 11,2 % в 1996 г.), но затем перешла к разработке данного показателя по материалам выборочного обследования по проблемам занятости, и его значения неожиданно, без всяких на то экономических причин, опустились до 4,8 % в 1997 г. и 4,6 % в 1998 г. В такой ситуации не вызывает сомнения лишь тот факт, что подавляющее большинство граждан России пока не решились воспользоваться предоставленной им экономической свободой и предпочли остаться наемными работниками. Правда, эта категория чрезвычайно разнородна по составу, поскольку включает в себя как менеджеров крупных предприятий, так и неквалифицированных рабочих. Среди тех, кто все же отважился открыть собственное дело, большинство являются самозанятыми и только 1/4 сами стали работодателями.

Наряду со структурными изменениями занятости, расширился спектр ее типов. Как реакция наиболее активных слоев населения на ухудшение своего материального положения упрочила позиции дополнительная занятость. В течение последних трех лет ее масштабы, по оценкам социологов, колебались на уровне 11–15 % опрошенных, что свидетельствует о некотором снижении распространенности этого явления по сравнению с начальным периодом реформ. Уделом тех, кто оказался не в состоянии избавиться от социальной инфантильности или в силу местных особенностей рынка труда вообще был лишен какого-либо выбора, стала частичная занятость. Частичная или формальная занятость превратилась в активно эксплуатируемое средство государственной политики, что, однако, не решало самой проблемы, а только переводило безработицу из открытой, контролируемой формы, в потенциальную. В результате значимость и размеры теневого рынка труда только возрастали.

Наблюдающееся в последние годы увеличение контингента лиц трудоспособного возраста, наряду с расширением возрастных границ занятости, усилило диспропорцию спроса и предложения рабочей силы, первоначально спровоцированную разрушением устоявшегося хозяйственного механизма. За последний прошедший год общая численность безработных россиян превысила

9 млн. В итоге безработица в России не просто получала официальное признание — за последние 8 лет она стала обыденным явлением и приобрела ряд специфических особенностей.

Прежде всего, российская безработица традиционно существует преимущественно в скрытой форме. Ее общий уровень, рассчитываемый по методологии МОТ, в 6 раз превышает официальный (12,4 % против 2,2 %), причем в последние три года этот разрыв неуклонно увеличивался. Следует подчеркнуть, что по объективным причинам только 12 % безработных не могут получить официальный статус, поскольку российское законодательство не предоставляет такой возможности студентам и пенсионерам. Во всех остальных случаях отказ от услуг государственных служб занятости объясняется личным выбором потерявших работу граждан.

Существенную роль в сложившемся отношении россиян к государственной помощи в вопросах трудоустройства играют качественные различия спроса и предложения рабочей силы, особенно ярко проявляющиеся именно на официальном рынке труда. Работодателям требуются либо неквалифицированные низкооплачиваемые работники, либо высококвалифицированные профи, способные нести все бремя ответственности и имеющие соответствующий опыт. Основной контингент безработных, напротив, состоит из образованных специалистов-исполнителей и квалифицированных рабочих.

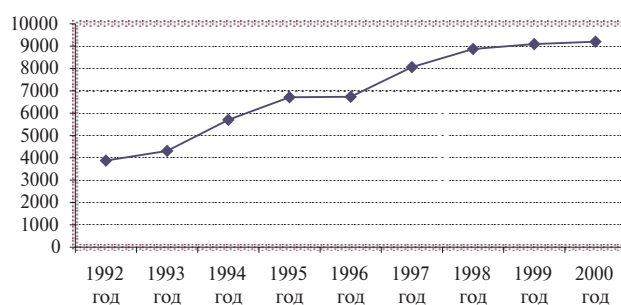

Рис. 6. Численность безработных (тыс. чел.)

В результате, потерявшим работу становится все труднее трудоустроиться, среднее время поиска нового места постоянно возрастает как и доля безработных, занятых поисками более года. Если в августе 1999 г. средняя продолжительность безработицы

Таблица 17

Продолжительность безработицы в России в 1994–1998 гг.
(по методологии МОТ)

	1994	1995	1996	1997	1998
Среднее время поиска работы (мес.)	6,7	7,5	8,3	8,5	9,1
Безработные ищущие работу более года (% к численности безработных)	23,3	30,3	33,0	38,1	41,0

составляла 9,4 месяца, то для 45 % ищущих работу — свыше 12 месяцев. Весьма показательно, что длительность поисков для официально зарегистрированных безработных и лиц, занимающихся трудоустройством самостоятельно практически одинакова.

Состав основных групп риска в области трудоустройства достаточно устойчив. Это молодежь, как правило, не имеющая опыта трудовой деятельности, а также представители предпенсионных возрастных групп населения. В целом контингент безработных постоянно «стареет», а доля женщин в нем медленно сокращается. В 2002 г. они составляли 46 % всех безработных (в 1992 г. — 48 %).

Российский рынок труда всегда отличала крайняя неравномерность процессов в разрезе регионов. Например, в минувшем году разница между наиболее высоким и наиболее низким региональным уровнем безработицы достигала 11 раз. Это, прежде всего, объясняется тем, что именно в замкнутом пространстве региона, как правило, тесно переплетаются территориальные и отраслевые особенности безработицы (например, в моноотраслевых областях), которые блокируются низкой мобильностью рабочей силы. Самостоятельно разрешить эту проблему местные власти, как правило, не в состоянии, так как она типична для наиболее бедных регионов. При этом высокая хроническая безработица создает реальную опасность люмпенизации населения целых регионов со всеми вытекающими отсюда последствиями для страны в целом.

2.3. Изменение уровня жизни населения

Многослойность сформировавшегося в настоящее время в России рынка труда, масштабы его «черных» и «серых» зон неизбежно оказывают влияние на сферу доходов населения. При этом в сокрытии истинных доходов оказывается заинтересован

как работник, так и работодатель Попытки статистических органов корректировать собираемую информацию, экспертным путем оценивая величину неучтенных доходов, еще очень несовершенны. В результате официальная статистика дает лишь ограниченное представление об уровне материальной обеспеченности граждан, поскольку не может отразить всего многообразия существующих источников денежных поступлений. Однако многие процессы позволяют проанализировать даже неполная информация.

За годы реформы не просто изменилось материальное положение граждан страны — трансформировалась вся система формирования доходов населения. В социалистической экономике основным источником поступления личных доходов являлась оплата труда (примерно 3/4 всех доходов), причем ее уровень был крайне невысок и малоподвижен, дифференциация основной массы населения по размеру заработка практически отсутствовала, а весь процесс регулирования сводился к механизму начисления и пересчета заработной платы по определенной схеме. Параллельно с этим существовала дополнительная закрытая система распределения благ, обслуживающая небольшую социальную группу. При этом всеми процессами формирования и регулирования доходов граждан «дирижировало» государство.

К настоящему моменту в России сложилась прямо противоположная система материального обеспечения населения, в которой функции и возможности государства минимизированы. Прежде всего, значимость официального заработка в структуре доходов за годы реформы упала почти вдвое.

Рост производства практически во всех отраслях экономики, увеличение объемов финансирования из государственного бюджета отраслей социальной сферы и относительно невысокий уровень инфляции способствовали увеличению в 2001 г. реальных денежных доходов населения на 7,2 % против 10,9 % в 2000 г.

Доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения в 2001 г. не изменилась по сравнению с 2000 г. и составила 61,4 %. Среднемесячная зарплата в реальном выражении на 20,6 % превысила уровень 2000 г.

Проведенные индексации размера пенсионных выплат всем категориям пенсионеров способствовали росту в 2001 г. среднего размера назначенной месячной пенсии (с учетом компенсации) в реальном выражении на 21,4 % по сравнению с уровнем 2001 года (в 2000 г. аналогичный показатель составил 28 %). Вместе с тем размер пенсий еще не достиг величины прожиточного минимума.

Таблица 18
Основные показатели денежных доходов населения России в 1992–1999 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998 апрель	1998 ноябрь	1999
Среднедуше- вые денежные доходы, тыс. руб. в месяц (1998–1999 руб)	4,0 =9,66 US\$	45,2 =36,3 US\$	206 =58,0 US\$	515 =111 US\$	762 =148 US\$	923 =159 US\$	969 =157,6 US\$	969 =54,2 US\$	1563 =60 US\$
Номинальная начисленная среднемесяч- ная зарплата одного работ- ника, тыс. руб. (1998–1999 руб)	6,0 =14,5 US\$	58,7 =47 US\$	220,4 =62 US\$	472,4 =102 US\$	790,2 =154 US\$	950,2 =164 US\$	1100 =179 US\$	1100 =62 US\$	1575 =60 US\$
Средний раз- мер назна- ченных пенсий (с учетом компенсацион- ных выплат), тыс. руб. (1998–1999 — руб.)	1,6 =4 US\$	19,9 =16 US\$	78,5 =22 US\$	188,1 =41 US\$	302,2 =59 US\$	328,1 =57 US\$	399,0 =65 US\$	399,0 =22 US\$	448,7 =17 US\$

Среднемесячные номинальные денежные доходы на душу населения за 2002 год возросли до 129 % к уровню предыдущего года и составили 4131 руб. Прирост реальных денежных доходов населения по сравнению с 2001 годом составил 9 %.

Доля расходов населения на покупку товаров и оплату услуг в 2001 г. составила 78,4 % (против 77,8 % в 2000 г.). Рост доли потребительских расходов в значительной степени был обусловлен повышением расходов на оплату услуг вследствие более высокого роста тарифов в 2001 г. по сравнению с 2000 г. на платные услуги населению. В реальном выражении потребительские расходы населения увеличились на 8,1 %. Доля расходов на организованные сбережения (прирост вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение задолженности по кредитам, приобретение недвижимости) в структуре использования доходов населения составила в 2001 г. 4,1 % (в 2000 г. — 4,5 %). В реальном выражении прирост организованных сбережений населения за этот период снизился на 5 % по сравнению с соответствующим периодом 2000 года. В 2001 г. население тратило на покупку валюты 6,1 % своих доходов (в 2000 г. — 6,7 %).

С учетом скрытой заработной платы, до 1999 г. отражавшейся в графе «другие доходы», совокупная доля оплаты труда также сократилась, правда, не столь ощутимо. Пятая часть всех денежных средств поступает теперь от предпринимательской деятельности и от собственности (в 1999 г. 14,4 % и 7,4 % соответственно). Однако это лишь та доля предпринимательского дохода, которая фиксируется статистической отчетностью. Есть все основания полагать, что большая часть этих средств формируется малочисленной группой населения за рамками правового поля и поэтому скрыта, причем не столько от статистических органов, сколько от органов правопорядка. К тому же значимость предпринимательства как источника дохода для различных категорий граждан просто несопоставима, а значит, любое усреднение неизбежно искажает реальную картину.

Побочным эффектом децентрализации формирования денежных доходов граждан стала потеря государственного контроля над этим процессом. Прямое директивное планирование доходов, действительно, осталось в прошлом, однако отработать финансовые способы их регулирования, прежде всего, через налогообложение до сих пор не удалось. Существующая система декларирования личных доходов функционирует в основном за счет сознательности отдельных, причем отнюдь не самых богатых граждан и явно

не претендует на охват всей совокупности налогоплательщиков. В результате особенностью сложившейся в стране системы доходов и источников их поступления является даже не утаивание их от государства, как от контролирующего органа, а сам факт формирования доходов вне правового поля, за пределами открытой экономики. Эта специфика стала сегодня фактором экономической жизни как страны в целом, так и отдельных субъектов федерации, и теперь уже она оказывает давление и на экономическую систему, и на государство.

Однако трансформация системы поступления доходов еще не означает рост уровня благосостояния в обществе.

Стремительное увеличение доходов в номинальном выражении, наблюдаемое на протяжении всего периода реформ, постоянно корректировалось целым набором факторов. Прежде всего, их рост из года в год полностью или частично обесценивался инфляцией, причем в последние два года этот процесс усилился.

В итоге реальные располагаемые денежные доходы, полученные населением в 2002 г., оказались на 55 % ниже дореформенного уровня и на 27 % ниже, чем в предкризисном 1997 г. Более трети россиян в настоящее время имеют доходы ниже прожиточного минимума, а еще 50 % населения едва сводят концы с концами.

Первая волна этого падения пришлась на 1992–1995 годы и была связана с либерализацией цен, а также с высокой инфляцией, обесценившей накопления граждан. Второй удар по уровню жизни нанес финансовый кризис 1998 года, после которого даже экономическое оживление, начавшееся в 1999 г., не дало возможности восстановить предкризисный уровень реальных доходов населения. К началу 2003 года реальные располагаемые денежные доходы остаются на уровне 73 % от 1997 года. В условиях оживления экономической деятельности в стране ежегодный рост реальных денежных доходов составлял в среднем около 110 %, а реальная заработная плата — 120 % к уровню предыдущего года. Однако, как отмечалось выше, это увеличение не позволило достигнуть уровня жизни предкризисного 1997 г.

Инфляционные потери наемных работников и пенсионеров еще выше. Реальная заработная плата сократилась на треть (на 67 % по сравнению с 1991 г.), а реальная пенсия — на 42 % (на 68 % по сравнению с 1991 г.).

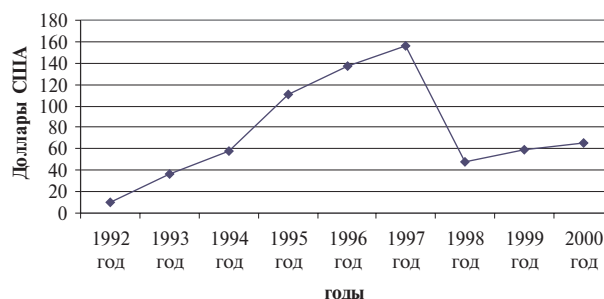
Помимо роста потребительских цен нивелирующее влияние на увеличение денежных доходов оказывали регулярные задолженности по их выплатам. Начиная с 1992 года, в России было уже

недостаточно просто заработать денежные средства — нужно было еще их получить. В период эмиссионного развития экономики задержки по выплатам населению нередко были вызваны чисто техническими моментами (пересчеты, связанные с индексацией, отсутствие необходимого объема наличных средств в банках), однако в дальнейшем они переродились в специфический финансовый инструмент, позволявший за счет населения сглаживать проблемы бюджетного дефицита. В результате в течение 1992–1998 гг. объем задолженностей постоянно нарастал, хотя и замедляющимися темпами. Эту тенденцию удалось переломить только в минувшем году, на протяжении которого долги по выплатам регулярно сокращались в среднем на 4,5 % ежемесячно. Однако их общая величина к началу 2000 г. оставалась весьма внушительной: только работающие россияне не получили около 44 млрд руб. ранее начисленного заработка.

Более полное представление о динамике благосостояния граждан России дает анализ покупательной способности полученных ими денежных средств. В 1999 г. средний начисленный доход не покрывал стоимости двух минимально необходимых наборов товаров и услуг, а средняя пенсия российских пенсионеров вообще не позволяла им обеспечивать себя даже на минимальном уровне.

Особенности сложившейся системы формирования доходов создают питательную среду для расслоения российского общества, которое в свою очередь ведет к социальному противостоянию различных групп населения, провоцирует конфликты. Этот процесс, начавшийся в 1990-х годах, не просто продолжается — он приобрел вполне определенную политическую окраску. В настоящее время к наиболее богатым российским гражданам относятся в первую очередь представители властной элиты различных уровней, а также их ближайшее окружение. Это обособленный мир, живущий по своим внутренним правилам и практически закрытый для непосвященных. Ему противостоит остальное общество, в котором также действуют процессы расслоения, но уже на качественно ином уровне. Только эта дифференциация населения по уровню материального достатка поддается статистическому учету и анализу.

В последние три года проблема расслоения российского общества вновь обострилась. Средние доходы 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения различались почти в 14 раз (в 1996 г. — в 13 раз). Более высокий коэффициент фондов был зафиксирован лишь в 1994 г. (15,1 раза). Однако на первом этапе реформ различия в уровне материального обеспечения различных

Рис. 7. Среднедушевой доход в месяц²⁾

социальных групп сглаживались примерно равным имущественным положением основной массы населения, сформировавшемся еще в дореформенный период. Сегодня этот потенциал уже полностью исчерпан и благосостояние семьи зависит в большинстве случаев лишь от величины текущих доходов.

В 1999 г. масштабы бедности оказались сопоставимы с начальным периодом реформ, когда ее уровень был максимальным.

Таблица 19

Распространенность бедности в Российской Федерации в 1992–1999 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (млн чел.)	49,7	46,9	33,3	36,6	32,7	30,7	35,0	43,8
Процент численности населения	33,5	31,5	22,4	24,7	22,1	20,8	23,8	29,9

В целом эта проблема для России не нова. В начале 1990-х годов уровень бедности, по расчетам специалистов, составлял 6–12 %, однако это была принципиально иная форма бедности, связанная прежде всего с доступностью материальных благ и услуг. Современная бедность отличается от дореформенной не только масштабом, но и основными характеристиками. Для весьма значительной части

²⁾ Рассчитан на основе данных Госкомстата путем деления среднедушевого дохода в рублях на курс доллара на конец года.

населения это уже хроническое состояние, самовоспроизводящееся из поколения в поколение.

Если в советские времена за порогом бедности оказывались в первую очередь многодетные семьи, молодежь и сельские жители, то сегодня этот контингент существенно расширился. На первых порах перечень «групп риска» пополнили безработные, вынужденные и добровольные мигранты, различные маргиналы, а также государственные иждивенцы (студенты, пенсионеры).

Затем к ним присоединились военнослужащие, другие категории занятых, причем не обязательно бюджетной сферы. За границами нормальных условий жизнеобеспечения в настоящий момент существуют целые отрасли и регионы. Причиной бедности становится сам факт рождения или проживания в определенной местности. В итоге в XXI веке проблема бедности в России переросла из временного состояния конкретной семьи в хроническое состояние всего общества.

Сложное материальное положение россиян наглядно проявляется в структуре их денежных расходов

Одним из наиболее острых отрицательных последствий снижения доходов в России является изменение рациона питания среднестатистического жителя России. Потребление мясных и молочных продуктов опустилось до уровня 1960 г., рыбы и рыбопродуктов — до уровня пятидесятых годов, а необходимая для нормальной жизнедеятельности людей калорийность в последние годы обеспечивается в основном за счет потребления хлебных продуктов, картофеля и сахара.

Среди важнейших видов платных услуг населению за последние два года, по данным Госкомстата России, наиболее существенно подорожали услуги жилищно-коммунального хозяйства. При общем уровне инфляции в прошедшем году 20,2 % и росте тарифов на услуги в среднем на 33,7 %, жилищно-коммунальные услуги стали дороже на 42,6 %. Рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги с каждым годом выше ожидаемы, что выдвигает реформу жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в одно из наиболее

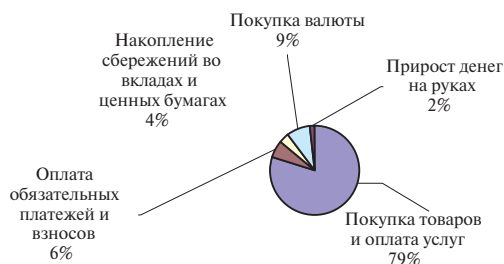

Рис. 8. Структура использования денежных доходов населения

конфликтных направлений социального реформирования, оказывающее сильное негативное воздействие на уровень жизни.

В 2002 г. услуги учреждений культуры стали дороже на 40,2 %, пассажирского транспорта — на 34,8 % (43,1 %), санаторно-оздоровительные — на 34,7 % (41,5 %), услуги связи — на 30,7 % (35,2 %), медицинские — на 22,9 % (35,0 %), бытовые — на 21,8 % (26,2 %), образования — на 19,2 % (29,2 %), дошкольного образования — на 16,7 % (30,8 %).

Прежде всего, обращает на себя внимание динамика доли затрат на покупку товаров и оплату услуг. Оставаясь достаточно высокой, она заметно увеличивается в моменты обострения кризиса (1992, 1995, 1998 гг.). При этом своего максимального значения за весь период реформ удельный вес потребительских расходов населения достиг именно в 1999 г. — почти 80 % полученных доходов. Большая часть этих затрат ушла на покупку продуктов питания.

В России подобные траты всегда были достаточно высоки. Например, в 1992 г. на покупку продовольственных товаров уходило в среднем 51,1 % потребительских расходов семейного бюджета, в 1995 г. — 54,5 %, в 1998 г. — 55,5 %. В минувшем году даже эти грустные рекорды оказались побиты. По результатам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, ежеквартально проводимого Госкомстатом РФ, удельный вес затрат на продукты питания и алкогольные напитки вырос до 59,4 %, в том числе в сельской местности — до 61,6 % всех потребительских расходов. Еще год назад он не превышал 54,2 %, а на селе — 56,9 %. Это означает, что прочие потребности (в непродовольственных товарах, услугах) подавляющее большинство населения может сегодня удовлетворять лишь на минимальном уровне.

С другой стороны, возможности, да и заинтересованность, граждан в сбережениях устойчиво снижаются. Если в 1991 г. россияне отложили в организованных и неорганизованных формах около 30 % полученных за год денежных средств, то в минувшем году — вдвое меньше. Правда, сегодня, в отличие от первых перестроечных лет, граждане предпочитают не хранить эти суммы дома, а переводят их в валюту или, что встречается значительно реже после августа 1998 г., доверяют финансовым учреждениям. Хотя большая часть рублевых вкладов населения традиционно аккумулировалась на счетах Сбербанка России, в 1994–1998 гг. коммерческие банки начали представлять для него серьезного конкурента. В различные годы они обслуживали от 22 % до 38 % организованных сбережений россиян в рублях. Однако известные

события 1998 г. позволили Сбербанку РФ вновь укрепить свои позиции, и в минувшем году на его счетах было сосредоточено 85 % всех накопленных личных средств граждан.

2.4. Потребительский рынок периода реформ

Отличительными характеристиками дореформенного потребительского рынка являлись его тотальная дефицитность, скудость предлагаемого ассортимента, ориентированность на внутреннего производителя. После либерализации торговой деятельности он избавился от множества своих недостатков и начал активно развиваться.

Достаточно сказать, что по сравнению с глубиной спада производства и обесценением денежных доходов населения, покупательский спрос понизился незначительно. За восемь лет физический объем розничных продаж сократился примерно на 18 %. Проблема доступности потребительских благ перешла в иную плоскость.

В настоящее время главным ограничителем платежеспособного спроса населения стала не насыщенность торговли, а цена товара, что привело к расслоению рынка по уровню обеспеченности обслуживаемого населения. На смену товарной специализации предприятий торговли пришла специализация социальная. Правда, большая часть торговых точек по-прежнему ориентируется на все слои населения, но параллельно с ними рынок обслуживают как бутики, предлагающие дорогие коллекции, так и социальные магазины для бедных типа «Пенсионер».

Практически прекратила существование государственная торговля. Если в 1991 г. она обеспечивала 2/3 розничных продаж, то к концу 90-х — около 5 %. Подобных темпов разгосударствления не испытала ни одна другая сфера. При этом около трети средств население тратит сегодня даже не в магазинах, а на вещевых, продовольственных или смешанных рынках (в 1991 г. — 11 %), которые балансируют на грани между контролируемым сектором и неорганизованной торговой деятельностью. Этим обстоятельством во многом объясняется необыкновенная устойчивость торговли в период реформ: совокупная динамика розничных продаж обычно складывалась из сокращения их объема в торгующих организациях и роста — на рынках.

За весь рассматриваемый период оборот товаров в неорганизованном секторе снижался всего трижды (в 1995, 1996 и в 1999 гг.), причем максимальное падение не превышало 1,7 %.

В дореформенный период предложение товаров в основном формировалось за счет отечественной промышленности (в 1991 г. — 86 %). Однако в результате стремительной либерализации внешнеторговой деятельности российский рынок оказался заполнен импортной продукцией, причем дешевой и далеко не лучшего качества. Отечественные производители и без того столкнувшиеся с массой новых для себя проблем, вызванных переходом на рыночную систему хозяйствования, оказались абсолютно не готовы к подобной конкуренции. В результате глубина кризиса в этой отрасли значительно превысила общий промышленный спад, а уровень заработной платы на предприятиях легкой промышленности практически не отличался от оплаты труда в социальной сфере. Простота и высокая доходность посреднической деятельности отрицательно сказалась на только зарождавшемся мелком и среднем бизнесе, сразу же переориентировав его с производственной на внешнеторговую сферу.

В итоге к 1995 г. уже 54 % всех товарных ресурсов формировалось за счет импорта. Правда, в дальнейшем этот процесс несколько замедлился и накануне дефолта 1998 г. основные источники товарного наполнения потребительского рынка практически уравнивали друг друга. Ситуация кардинально изменилась в конце 1998 г., когда вследствие финансового коллапса и девальвации рубля резко сократились все импортные поставки, особенно продуктов питания и медикаментов. Отечественные производители получили реальный шанс отвоевать собственный рынок без введения жестких протекционистских мер.

В итоге благополучие российского потребительского рынка пошатнулось. За последние два года оборот розничной торговли сократился на 11 %, однако угрозу товарного дефицита удалось предотвратить. Зато российская промышленность начала уверенно восстанавливать утраченные позиции. Например, в III квартале 1999 г. она обеспечивала уже 71 % всех товарных поставок (как в 1993 г.).

Предприятия отечественной промышленности стали увеличивать выпуск конкурентоспособных товаров, что дало определенный толчок к формированию рынка отечественных товаров. В результате потребительский рынок пополнился многими новыми товарами в расширенном ассортименте по количеству, видам и потребительским свойствам.

Успешно развивалась легкая и пищевая промышленность. По предварительным данным, прирост производства изделий лег-

Рис. 9. Структура оборота розничной торговли в 1999 г.

кой промышленности за 2000 г. составил свыше 30 %, прирост производства в пищевой промышленности — не менее 12 %.

Развитие отечественной пищевой и легкой промышленности — это то направление, которое способно придать устойчивую динамику всему экономическому росту, поскольку оно опирается на внутренний спрос и в меньшей степени зависит от внешних факторов. К тому же развитие этих отраслей повышает экономическую безопасность страны.

Однако основные проблемы продовольственного рынка оставались достаточно острыми. При увеличении выпуска продукции предприятиями мясной и молочной промышленности, значительном расширении ассортимента, улучшении качества товаров данных отраслей большой проблемой явилась недостаточная сырьевая база для производства мясо- и молокопродуктов, или, другими словами, состояние сельского хозяйства пока еще не позволяет говорить о полном удовлетворении потребностей населения в основных продуктах питания за счет отечественных товарных ресурсов. Зависимость продовольственного рынка от импорта еще довольно существенна.

По-прежнему продолжает сокращаться потребление населением страны мяса и молока. Потребление этих продуктов практически в 2 раза ниже норм, рекомендуемых для нормальной жизнедеятельности (при рекомендуемой норме потребления мясопродуктов 81 кг фактическое потребление составило порядка 45 кг, молокопродуктов — соответственно 392 и 215 кг). Вместе с тем в прошлом году несколько возросло потребление в расчете на душу населения сахара, растительного масла, рыбы и рыбопро-

дуктов, овощей и хлебопродуктов, включая крупу и макаронные изделия. Однако достичь рекомендуемого Минздравом России уровня потребления этих продуктов (кроме хлебобулочных изделий и картофеля), к сожалению, еще не удастся (рекомендуемое потребление рыбопродуктов составляет 23,3 кг на человека в год, фактически потребляется — около 10 кг, овощей соответственно — 139 кг и чуть более 80 кг в год на человека).

Изменился рацион питания населения. Усилилась дифференциация в расходах на покупку различных видов продуктов питания среди населения с различным уровнем материального достатка.

Продолжает улучшаться структура потребления алкогольных напитков и пива. В прошлом году было отмечено снижение производства и продажи водки и ликеро-водочных изделий в среднем на 10 % при увеличении производства вина виноградного и коньяка на 25–30 %. Однако проблема нелегального производства алкогольной продукции остается еще острой. Расчетный уровень нелегального производства водки и ликеро-водочных изделий, с учетом неформального оборота, составляет свыше 40 %.

Что касается рынка непродовольственных товаров, то ситуация здесь выглядит более благополучно и носит сбалансированный характер. Положительные тенденции роста производства непродовольственных товаров сложились практически во всех территориях. В то же время следует отметить, что рост производства большинства непродовольственных товаров лишь компенсировал резкое сокращение объемов их выпуска в предыдущий период.

И хотя на рынке непродовольственных товаров уже происходят позитивные изменения под воздействием серьезной конкуренции между российскими товаропроизводителями и импортерами аналогичной продукции, все же основной составляющей покупательского спроса продолжал оставаться ценовой фактор.

Учитывая, что цена на отечественную продукцию в 1,5–2 раза ниже, чем на аналогичные импортные товары, наблюдается увеличение спроса населения на товары отечественных производителей (стиральные машины, морозильники, пылесосы, трикотажные изделия, ткани, обувь и др.). В результате можно ожидать дальнейшего снижения доли импортных поставок, хотя по отдельным позициям импорт будет занимать устойчивое положение на рынке (радиоэлектроника, фототовары и др.).

Нельзя забывать, что благоприятные условия, созданные кризисом, не вечны и постепенно исчерпываются. Стабилизация рубля

при росте цен на внутреннем рынке улучшает положение импортеров. Цены на отечественные и импортные товары постепенно сближаются.

Наметилась тенденция к улучшению качества таких продовольственных товаров, как кондитерские изделия, растительное и сливочное масло, маргарин и майонез, колбасные изделия и копчености, молочные и плодоовощные консервы, минеральная вода и ряд других. Что касается качества промышленных товаров, то положение с ним гораздо хуже, чем с продуктами питания. Количество забракованной продукции по основным видам товаров превышает здесь 40 %. Так, в прошедшем году не было допущено к реализации от проверенного количества от 43 до 70 % тканей, текстильной галантереи, меха и меховых изделий, кожаной обуви, мебели и др. К большому сожалению, приходится констатировать, что количество забракованных промышленных товаров увеличилось более чем на 17 %. Основными же причинами снятия с реализации указанных товаров являются промышленные дефекты, что свидетельствует о безответственном отношении производителей к качеству выпускаемой продукции и низком уровне производственного контроля на предприятиях.

Несколько слов о качестве импортных товаров. Результаты проводимых проверок показывают, что в страну завозится продукция главным образом низкого качества. Так, по данным Госторгинспекции в прошедшем году было забраковано от проверенного количества до 45 % импортных продуктов питания, и эта цифра практически не изменилась по сравнению с предыдущим годом. Особое беспокойство вызывает качество мясных, рыбных и молочных консервов, сливочного и растительного масла, процент забраковки которых остается достаточно высоким на протяжении ряда лет. Такое же положение и с качеством импортных промышленных товаров. Особенно много нареканий со стороны потребителей вызывает качество обуви, мебели, меха и меховых изделий и ряда других товаров.

В отличие от рынка товаров сфера услуг за годы рыночных преобразований пострадала значительно серьезнее. Она оказалась практически разрушенной. Так, общий объем платных услуг, в результате почти ежегодного сокращения, составил в минувшем году всего 29,5 % дореформенного уровня. Правда, в последние три года спад как будто прекратился, но говорить о возрождении этой сферы пока еще рано.

Характерно, что этот рынок практически не отреагировал на финансовый кризис. Вероятно, структура массовых услуг упростилась в настоящее время до предела, по крайней мере подавляющее большинство из них относятся к разряду обязательных. Если в дореформенный период основным видом предоставляемых услуг были бытовые, то сегодня уверенно лидируют жилищно-коммунальные (23,4 % всех платных услуг).

Разумеется, рыночные преобразования не могли вообще не затронуть эту сферу, вернее, ее осколки. Монополия организованного сектора на предоставление услуг сохранилась, но ее отчасти потеснили индивидуалы, на долю которых приходится 26,5 % израсходованных на услуги средств. В результате сокращения перечня бесплатных услуг до минимума, структура платных услуг дополнилась новыми позициями: медицинские, образования, правовые и даже ветеринарные.

Однако затраты населения на данные виды услуг весьма незначительны (от 0,3 % до 5 % всех расходов на услуги), так что массовыми их не назовешь. Как правило, такими услугами пользуется только наиболее состоятельная часть российского общества. В целом российский рынок услуг оказался еще глубже сегментирован по социальному признаку, чем рынок товаров.

Потребительский рынок сегодня является наиболее динамичным сектором российской экономики с темпами роста в 13–15 % в долларовом выражении. В то же время, значительная часть рынка по-прежнему находится в тени. Теневая экономика могла бы стать важнейшим ресурсом для экономического роста. Однако, сегодня лишь около 25 % индивидуальных доходов облагается подоходным налогом, а налоговая нагрузка на компании потребительского рынка в 3–4 раза меньше, чем на нефтяные компании.

2.5. Демографические аспекты социально-экономического реформирования

В октябре 1999 года, по данным ООН, на Земле родился 6-миллиардный житель и, несмотря на то, что ежегодный прирост сокращается, ожидается, что к 2100 г. население Земли достигнет 10–11 миллиардов человек. На этом фоне Россия — одна из немногих стран, где отмечается сокращение численности населения. Россия переживает небывалый по разрушительной силе и далеко идущим последствиям демографический кризис, который

Таблица 20

Динамика естественного движения населения России в 1991–1999 гг.
(тыс. человек)

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Число Родившихся	1795	1588	1379	1408	1364	1305	1260	1283	1220
Число Умерших	1691	1807	2129	2301	2204	2082	2016	1989	2140
Естественный прирост (убыль)	104	–220	–750	–893	–840	–778	–756	–705	–920

эксперты называют беспрецедентным в мирное время. С 1992 года население России неуклонно сокращается. В течение десятилетия реформ претерпели изменение не только социально-экономические, но и демографические характеристики населения. Прежде всего, за этот период численность россиян сократилась на 3 млн человек (на 2 %). Это равнозначно тому, если бы из состава России вдруг вышли, например, Ростовская область или Красноярский край. Максимальное сокращение населения за весь рассматриваемый период было зафиксировано в 1999 г.

Этот процесс начался в первой половине 90-х годов. Еще раньше с 1986 года стал уменьшаться общий прирост численности населения. Уже в 1991 г. он был меньше, чем в 1986 г. почти в 8 раз. 1992 год — начало длительного затяжного периода депопуляции. С 1993 г. по настоящее время среднегодовое число умерших превышает число родившихся на 0,7–0,9 млн человек.

Естественная убыль населения наблюдается в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации. В 27 регионах смертей зарегистрировано в 2–3 раза больше, чем рождений (Вологодская область, вся территория Северо-Западного, Центрального (кроме Москвы) и Центрально-Черноземного районов, Республика Мордовия, Кировская, Нижегородская, Самарская и Пензенская области). В январе текущего года в 10 областях России приходилось 3 регистрации смерти (в Псковской области — 4) на одно рождение.

Естественный прирост в 1999 г. имел место только в 16 регионах — республиках Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Алтай, Тува, Саха (Якутия), Кабардино-Балкарской Республике, Тюменской области, Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Таймырском, Эвенкийском, Усть-Ордынском Бурятском, Агинском Бурятском и Чукотском автономных округах.

Таблица 21

Динамика естественного, миграционного и общего прироста (убыли) населения в 1991–1999 гг. (тыс. человек)

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Естественный прирост (убыль)	110	–207	–738	–870	–832	–818	–750	–696	–920
Миграционный Прирост	52	176	430	810	502	344	353	285	140
Общий прирост (убыль)	162	–31	–308	–60	–333	–474	–398	–411	–780

Примечание. Между табл. 20 и 21 имеются расхождения в числах естественной убыли населения. Те и другие взяты из одной и той же официальной публикации Госкомстата РФ: Демографический ежегодник России. М., 1999. Т. 2.1.

Вследствие естественной убыли населения страны, его численность должна была уменьшиться в 1992–1998 гг. почти на 5 млн человек. Однако в результате положительного миграционного прироста (притока, прежде всего, русскоязычного населения из республик бывшего Советского Союза) убыль оказалась в 2,5 раза меньше и реально население сократилось лишь на 2 млн человек.

Вместе с тем, начиная с 1995 г. наступает резкое уменьшение сальдо внешней миграции. В 1999 г. его величина по сравнению с 1994 г. сократилась в 5,7 раза, что значительно увеличило общую убыль населения страны.

Если в 1992 г. численность мигрантов на 80 % компенсировала естественные потери населения, то в 1999 г. — только на 18 %.

В демографической динамике всех девяностых годов 1999 год оказался наиболее неблагоприятным. Число родившихся достигло минимального уровня, а число умерших после кратковременного периода незначительного снижения, вновь резко подскочило.

Естественная убыль, устойчиво прописавшаяся на территории России с 1992 г., в свою очередь является результатом высокой смертности населения при низкой рождаемости.

Убыль населения России наблюдается в XX веке в четвертый раз. Первые три были обусловлены Первой мировой и Гражданской войнами, голодом и репрессиями 30-х годов, Второй мировой войной. Теперешний кризис эксперты называют беспрецедентным в мирное время.

С середины 60-х годов не обеспечивается простое воспроизводство населения, для чего показатель рождаемости в среднем на одну женщину должен составлять 2,14–2,15. В 1999 г., по данным Госкомстата России, он опустился до уровня 1,17. Если этот коэффициент с каждым годом будет приближаться к 1,0–1,1, а после 2005 года даже к 0,8–0,9, то 100 млн население России может достичь уже к 2020–2025 годам, а примерно к 2075 г. — 50–55 млн. Таким образом в течение XXI века Россия как самостоятельное государство может просто исчезнуть.

В 1987 г. родилось 2,5 млн детей (17,2 на тысячу женщин фертильного возраста), в 1998 — почти в 2 раза меньше (8,7). Практически вдвое сократилось рождение вторых и третьих детей. Из 4 млн беременностей только 1,3 млн заканчиваются родами.

Следует отметить, что если уровень рождаемости постоянно снижается уже на протяжении 15 лет, то динамики смертности несколько сложнее. Ее уровень в 80-е годы оставался практически неизменным, затем в течение трех лет он неожиданно вырос с 11,4 промилле (1991 г.) до 15,7 (1994 г.), после чего начал постепенно снижаться. Однако в 1999 г. рост смертности возобновился (14,7 промилле).

Смертность населения от неестественных причин занимает второе место среди причин смертности, а в рабочих возрастах — первое. Смертность от самоубийств превышает средневропейский уровень у мужчин в 2,5 раза, у женщин — в 1,5 раза. По смертности от ДТП Россия обогнала европейские страны в 2 раза. Смертность от употребления алкоголя за последние 5 лет возросла в 3,5 раза. Начиная с 1998 года, практически 2/3 общего прироста смертности населения были обусловлены ее ростом среди трудоспособного населения. На 40 % чаще стала умирать молодежь 15–19 лет. При сохранении сложившегося уровня из нынешних 16-летних юношей доживет до пенсионного возраста только 54 %. Это хуже, чем было в России 100 лет назад, когда до 60 лет доживало 56 % мужчин³⁾.

Мужская смертность была всегда высокой в России, но сейчас она стала практически самой высокой в мире. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин превышает 12 лет (59,8 лет против 72,2).

³⁾ Николай Герасименко, Алексей Корешкин «О демографической ситуации в России». По материалам слушаний «О демографической ситуации в России и мерах Правительства Российской Федерации по ее оптимизации».

Несчастные случаи, отравления и травмы, являющиеся главными причинами смерти трудоспособного населения, обусловили в 1998 г. гибель 202 тыс. чел., в том числе 170,4 тыс. мужчин и 31,6 тыс. женщин. В западноевропейских странах, США и Японии уровень преждевременной смертности трудоспособных мужчин в 2,5–4 раза меньше, чем в России.

Число смертей от несчастных случаев, отравлений и травм возросло на 21,1 %, в том числе от отравлений алкоголем на 45,7 %.

Основными причинами, влияющими на численность и здоровье населения, являются условия и образ жизни, в том числе потребление алкоголя, наркотиков, табакокурение, состояние окружающей среды; генетические факторы и, наконец, деятельность учреждений здравоохранения, которая главным образом корректирует патологии, обусловленные первыми тремя причинами.

В основе беспрецедентного роста смертности — ухудшение качества жизни большинства населения, связанное с затяжным социально-экономическим кризисом, для которого характерны рост безработицы, хронические задержки выплаты зарплаты, пенсий, социальных пособий, ухудшение качества питания, снижение доступности медицинской и лекарственной помощи, затяжной психологический стресс, неуверенность в своем будущем и будущем детей, рост криминализации общества. Сегодня свыше 70 % населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов, алкоголизма, наркомании, антисоциальных вспышек.

Отмечается значительное ухудшение состояния здоровья населения, причем наиболее неблагоприятные тенденции прослеживаются у детей и подростков. Из общего числа детей, родившихся в 1998 г., только 20 % можно считать здоровыми, 35,8 % детей родилось больными, 44,2 % составили группу риска.

Общая заболеваемость среди новорожденных достигла 85 на 100 тысяч, частота вирусных инфекций возросла в 6 раз и составляет в общей структуре заболеваемости 6–8 %. По официальным данным, смертность младенцев от различных инфекций достигает 30 %, но в действительности этот показатель значительно выше.

В настоящее время процент здоровых детей среди школьников младших классов составляет 10–12 %, средних — 8 %, а в старших — всего 5 %. Более, чем у 50 % детей в возрасте до 9 лет

и более, чем у 60 % старшеклассников диагностируются хронические заболевания, многие из которых в дальнейшем могут привести к инвалидизации.

Итог, в активный трудоспособный и репродуктивный период сейчас вступает больное поколение. Это страшный симптом начала вырождения нации.

Современное состояние здоровья населения, прежде всего людей трудоспособного возраста, на фоне сокращения общей численности населения становится дестабилизирующим фактором национальной безопасности.

Одной из самых серьезных проблем для России стал туберкулез, заболеваемость которым за последние пять лет возросла на 70 %, смертность — на 90 %. В настоящее время зарегистрировано более 2,3 млн больных туберкулезом.

Отмечается повсеместная алкоголизация населения. Уровень потребления алкоголя на душу населения, включая стариков и младенцев, почти в 2 раза превысил уровень, определенный ВОЗ как опасный. Из общего числа умерших мужчин трудоспособного возраста две трети умирают нетрезвыми.

Поистине национальной катастрофой становится СПИД. К середине апреля текущего года в стране насчитывалось 38 000 ВИЧ-инфицированных, что превышает показатели 1999 года вдвое. При этом необходимо учитывать, что выявляется в лучшем случае лишь пятая часть действительного количества зараженных. Таким образом, к 2002 г. число ВИЧ-инфицированных достигнет 1 млн чел. Причем это в основном молодежь. 80 % всех ВИЧ-инфицированных люди в возрасте от 15 до 25 лет. Это значит, что у нас погибнет целое поколение, так как лекарства от СПИДа до сих пор не существует. К летальному исходу через 1–12 лет придет каждый зараженный.

Чрезвычайно актуальна сейчас проблема курения. Две трети мужчин и не менее трети женщин подвержены этой вредной привычке, пагубно отражающейся на здоровье. За последние 10 лет заболеваемость раком легкого выросла на 63 %, причем смертность от рака у курильщиков в 20 раз выше. 52,1 % всех раковых заболеваний как у мужчин, так и у женщин, связаны с табакокурением. Ежегодно от причин, связанных с курением, умирает 30 000 человек, главным образом трудоспособного возраста.

В России продолжает расти количество курящих детей. Первые пробы приходятся на возраст 11–12 лет, среди учащихся

7–8 классов систематически курят 8–12 %, в старших классах — 21–24 %.

Не следует забывать и о пассивных курильщиках. По некоторым исследованиям, риск возникновения рака легкого у них возрастает на 34 %, сердечно-сосудистых заболеваний — на 50 %.

Еще одна угроза, прежде всего молодому поколению — наркомания. По данным социологических исследований почти 4 млн жителей России пробовали наркотики. 76 % лиц, регулярно потребляющих наркотики — молодежь до 30 лет. С 1997 года смертность от употребления наркотиков увеличилась в 12 раз, среди детей — в 42 раза.

Значительную угрозу представляет гепатит-В, ежегодный рост заболеваемости которым достигает 20 %.

Ухудшение состояния здоровья привело к возрастанию потребности в медицинской помощи. Возникли «ножницы»: потребности растут, финансирование уменьшается. Его дефицит привел к бесконтрольному расширению платных медицинских услуг.

Государственное здравоохранение уже не в состоянии обеспечить необходимый базовый уровень медицинской помощи населению.

На фоне высокой заболеваемости следует отметить ограничение возможности лечения, ибо цены на лекарства выросли до таких размеров, что граждане, в том числе с хроническими заболеваниями, не в состоянии их приобрести и вынуждены отказываться от лечения. Не лучше положение и в больницах, где нет ни медикаментов, ни нормального питания. Наши больные со многими видами хронической патологии живут на 8–10 лет меньше, чем в Западной Европе и других экономически развитых странах.

Население России одно из самых старых среди экономически развитых стран.

За годы текущего десятилетия численность россиян пенсионного возраста возросла на 2,3 млн чел., или на 8 %. Детское население за этот период сократилось на 5,7 млн или на 15,7 %. На 1000 трудоспособного населения приходится 356 пенсионеров, в том числе 436 — среди сельского населения (в 1960 г. 202 и 257 человек соответственно). К 2016 этот показатель достигнет 427. Важнейшей проблемой для экономики страны будет обострение потребности в финансировании систем пенсионного обеспечения и социальной защиты населения. Возникнут проблемы и для здравоохранения. Потребуется значительное усиление внимания гериатрической помощи.

В отдаленном будущем следует ожидать и снижение качества рабочей силы, так как сократится молодежный контингент, в том числе со средним специальным и высшим образованием.

К 2005 г. общая численность детей уменьшится с 30 до 25 млн.

Нагрузка детьми на 1 000 трудоспособного населения снизится до 29 % в 2015 г. (47 % в 1959). Нагрузка пожилыми людьми за тот же период возрастет с 14,5 до 32,4 %.

У нас низкий уровень рождаемости, но социальных сирот почти в три раза больше, чем было истинных сирот после войны.

В России сегодня более 30 млн детей. За 1990–1998 годы численность их в общей массе населения уменьшилась на 4 млн 229 тысяч. В 1998 г. их стало меньше на 700 тысяч. 600 тыс. детей России — инвалиды.

Как утверждает Генпрокуратура России, сейчас у нас 2 млн беспризорников, 300 тыс. детей до 16 лет числятся пропавшими без вести, 1500 подростков нигде не учатся, 14 тыс. несовершеннолетних в СИЗО, 21 тыс. — в колониях для несовершеннолетних.

Дети-сироты стали товаром, и очень прибыльным. В 1991 г. Россию покинули 80 младенцев, в 1995–2000. С 1996 до середины 1999 экспортированы 16 300 наших детей, тогда как более 6000 российских семей ожидают своей очереди на усыновление.

Наступление депопуляции в России вызвано рядом факторов, имеющих как фундаментальный (долгосрочный), так и конъюнктурный характер. Фундаментальные факторы, т. е. сложившиеся к настоящему времени параметры самого населения (возрастная структура) и его воспроизводства, таковы, что они и в XXI веке будут воздействовать на сокращение численности населения России. Эффект значительной части конъюнктурных факторов, как в отношении рождаемости (тайминговый сдвиг под воздействием мер помощи семьям в конце 80-х годов), так и в отношении смертности (снижение под воздействием мер антиалкогольной кампании и последующий компенсаторный рост) практически полностью исчерпал себя ко второй половине 90-х годов. На этом фоне возрастает влияние на воспроизводственные процессы такого фактора, как системный кризис в России, подорвавший экономику страны и по сути разрушивший социальную сферу, прежде всего, здравоохранение и социальное обеспечение.

Согласно различным прогнозам в России, по крайней мере, в первой половине XXI века, будет наблюдаться естественная убыль населения. Так по прогнозу Госкомстата РФ (1998 г., средний вариант) население страны к 2015 г. сократится почти на 8 млн

человек и составит 138,4 млн человек. Прогноз, выполненный также в 1998 г. демографическими службами ООН, предрекает сокращение численности населения России к 2025 г. на 9,5 млн и к 2050 г. — на 26,1 млн, заметим, при росте населения США на 75 млн человек. Численность населения России в середине XXI века составит чуть больше 121 млн. Это меньше, чем в настоящее время население Японии. В соответствии с этими прогнозом Россия с 8-го места в мире по численности населения в настоящее время переместится на 14 место в 2050 г.

Очевидно, что не все, а возможно, никакие прогнозы в точности не сбудутся, тем более они значительно различаются у всех регулярно составляющих их ведомств. Но для понимания ситуации важны не численные результаты прогнозов, а демографическая динамика, которая по всем вариантам прогнозов имеет отрицательное значение и свидетельствует о неуклонном сокращении населения России за счет естественной убыли, в которой, и это надо еще раз подчеркнуть, доминирующую роль играет сверхсмертность. В 90-е годы только за счет сверхсмертности, т. е. превышения по возрастных показателей смертности в это десятилетие по отношению к аналогичным для 80-х годов, Россия потеряла свыше 2 млн человек.

Россия — это огромная по размерам территории страна мира (она занимает (1/8) часть суши). При этом ей принадлежат самые большие на земном шаре необжитые или слабо заселенные пространства, обладающие значительным ресурсным потенциалом. Непосредственное демографическое окружение страны (соседство с перенаселенными государствами Центральной Азии Тихоокеанского региона), делает эти пространства весьма уязвимыми в условиях глобализации мировых отношений. Добавим, что ряд государств, с которыми граничит Россия, не сняли своих претензий к ее отдельным территориям. Географические особенности России таковы, что у нас очень маленькая плотность населения, длина границы, приходящаяся на одного солдата, — самая высокая в мире. При этом действует несколько факторов, подрывающих нашу безопасность: численность населения сокращается, число призывников, годных к строевой службе сокращается, следовательно, длина границы, приходящаяся на одного солдата, растёт. Численность же населения соседних стран (Китай, Корея, Индия, Пакистан, Иран, Турция и т. д.) увеличивается с увеличением их экономической мощи и боеспособности. Для нас же прогноз неутешителен: в армию в 2000 г. призывалось не более 400 тыс. человек. Но и это еще не все. К 2037 г. население России будет

составлять 140 млн человек, а теперь внимание: из них 120 млн будут нерусские, китайцы, корейцы, узбеки, таджики и так далее. Таким образом, депопуляции подвергается в основном русский народ — государственно-образующий этнос.

Поддержание в многополюсном мире устойчивого равновесия, требует от России, как великой державы, сохранения ее обороноспособного потенциала на уровне, отвечающем современным реалиям. Для этого необходимы соответствующие вооруженные силы, пограничные войска и другие силовые структуры, комплектование которых осуществляется за счет подрастающих поколений. В результате депопуляции, прежде всего резкого сокращения числа родившихся в 90-е годы, в конце первого десятилетия XXI века мобилизационные возможности по мужскому населению составят примерно 0,3 млн человек, т. е. будут еще меньше, чем в настоящее время. Сохранение такого положения весьма опасно для России.

Непреложным фактом является то, что масштабы и демографические последствия депопуляции во многом зависят от отношения государства и общества к этому явлению и возможностям воздействия на его параметры, прежде всего, в области смертности населения. Возможны две альтернативы, одна из которых — бездеятельное созерцание этого явления и оправдание его опытом демографического развития развитых стран Европы, и другая — поиск возможностей для смягчения депопуляции и путей изменения демографической динамики России. Во втором случае, необходимо, чтобы власть, капитал и общество осознали, что депопуляция несет угрозу национальной безопасности страны. Осознание второй альтернативы открывает возможности для постановки и решения ряда принципиальных задач, первая из которых состоит в разработке и принятии концепции демографического развития России, отвечающей ее национальным интересам⁴⁾.

2.6. Социальные корни криминализации современной российской экономики

Последние годы в России стали периодом не только радикальных экономических реформ, но и эксперимента по преобразованию общественных отношений при полном игнорировании

⁴⁾ Рыбаковский Л. Л., Захарова О. Д. Демографическая ситуация в России: геополитические аспекты. М., 1997.

криминологических и иных научных рекомендаций о борьбе с преступностью. Реформирование сопровождалось широкой криминализацией населения, разных сфер общественной жизни и структур власти. Преступность стала для одних основным способом обеспечения высокого и материального статуса, для иных — средством выживания, для других — выражением социального протеста.

История свидетельствует, что преступность увеличивалась или уменьшалась в зависимости от состояния общества, его социальной, экономической, политической стабильности или нестабильности. Пройдя через какое-либо социальное потрясение, общество приходит к нормальному, спокойному существованию лишь переживая значительный всплеск преступности. Поэтому преступность можно определить как «параметр», демонстрирующий рассогласование социального механизма.

Преступность — это всегда явление социальное, поскольку она является отражением возникающих и существующих в обществе противоречий между классами (глобальное противоречие) и между социальными группами (стратами), а также в микрогруппах и между отдельными людьми в процессе производственных отношений, включая распределительные. Преступность социальна, поскольку является видом поведения человека, решением определенных членов общества своих задач противоправными действиями. Это способ достижения социальных благ и власти, это способ выражения желаний и потребностей, оставшихся неудовлетворенными другим способом.

Социальный характер и социальная природа преступности требуют и социальных мер борьбы с этим бедствием. Тем не менее, государство для предупреждения и минимизации преступности опирается, в основном, на юридические рычаги с помощью правоохранительных органов, законотворческой и правоприменительной деятельности. И, тем самым, занимает в борьбе с преступностью априорно проигрышные позиции.

Анализ развития криминальной ситуации в России позволяет выделить следующие этапы процесса криминализации общества в последней трети XX века ⁵⁾:

- эскалация захвата собственности и иных способов незаконного личного обогащения (периоды «застоя», перестройки и начала реформ — 70-е—конец 80-х гг.);

⁵⁾ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

- все более масштабные процессы личного обогащения и передела собственности, принятие политических мер легализации и защиты криминальных капиталов, открытое подавление недовольства населения, ослабление официального противодействия преступности путем регулярного реформирования правоохранительных органов, их скудного финансирования и т. д. (конец 80-х – начало 90-х гг.);
- все более откровенное использование официальных институтов, включая средства массовой информации, в теневых, в том числе преступных интересах, ориентация правоохранительных органов на активизацию борьбы с уличной и иными видами насильственной преступности без успешного противостояния лидерам организованных преступных формирований и их экономической криминальной деятельности, коррупции; развитие теневой юстиции, переход все большей части населения к сотрудничеству с организованными преступниками и растерянное, пассивное отношение к ним другой части граждан (1992–1994 гг.);
- глобализация частного присвоения национальных богатств России и вывоза капиталов за границу, усиление в регионах и отраслях экономики противоправного, криминального контроля, криминализация органов государственной власти, в том числе правоохранительных; скупка все большей части СМИ или их деятелей новыми крупными собственниками, введение ими своей цензуры; выработка населением собственных механизмов выживания и реагирования на преступность, включая и противоречащие закону (1995–1997 гг.);
- продолжающееся развитие криминального рынка в России; экономическое ослабление государства; противодействие принятию мер борьбы против легализации криминальных капиталов, активизация правовых и политических мер по их сохранению; специфическая самоорганизация населения и более широкое решение им своих проблем вне правового поля, нарастающее противостояние населения государственной власти — возрастание темпов роста преступлений в сфере деятельности государственных органов, должностных лиц, против органов государства, его институтов и т. п.

«Общество, как и природа, не терпит пустоты. Если государство самоустраняется от властных рычагов и механизмов регулирования, его место занимает организованная преступность,

а принятием решений и урегулированием конфликтов начинают заниматься уголовные авторитеты. Последние могут делать это по-разному — как руководители революционных организаций, авторитарных правительств, придворных администраций, мафиозных групп, тайных обществ или влиятельных общественных организаций. Место правовых норм занимает уголовный и бюрократический произвол»⁶⁾.

Происходило расширение транснационального характера преступной деятельности, а эффективное международное сотрудничество в борьбе с преступностью во многом подменялось односторонним усилением деятельности спецслужб ряда других государств на территории России. Россия не присоединилась к ряду важных международно-правовых конвенций, в том числе в силу успешного лоббирования противоправного и прямо криминального интереса.

Государство утрачивало контроль за происходящими в обществе процессами. Если общее число зарегистрированных преступлений выросло за 1991–1998 г. на 20 %, то число преступлений, направленных на лишение доходов населения и государства субъектами экономической деятельности, только за последний год увеличилось в 1,5 раза.

По отдельным видам преступлений рост составил от 2 до 3,5 раз за год.

Период радикальных экономических реформ стал триумфом криминальной среды, захватывающей материальные ценности, проникающей в государственные структуры, размывающей границы между легальными и криминальными доходами. Наиболее высок коэффициент преступлений, связанных с функционированием криминальной среды в Сахалинской области, в республике Карелия, Ленинградской области, республике Калмыкия, Курганской, Новосибирской, Томской областях, Республике Алтай, Бурятия, Читинской области.

Тенденции развития преступности, такие как: преобладание корыстной направленности, политизация, возрастание консолидации преступников, расширение экстремистских форм преступных посягательств с одновременным ростом масштабов преступной деятельности, вооруженности участников преступных формирований, — активно проявляют себя, прежде всего, в регионах, где сохраняется напряженность, вызванная непрекращающимися

⁶⁾ Глазьев С. Ю. Выступление на научно-практической конференции «Роль государства в становлении и регулировании рыночных отношений».

Таблица 22

Основные показатели преступности в России в 1991–1998 гг.

Годы	Поступило жалоб, заявлений, сообщений о преступлениях	Число зарегистрированных преступлений	Число выявленных лиц, совершивших преступления	Число осужденных	Число лиц, погибших в результате преступлений
1991	2 977 701	2 173 074	956 258	593 823	44 365
1992	3 617 250	2 760 652	1 148 962	661 392	213 590
1993	3 668 993	2 799 614	1 262 556	792 410	75 365
1994	3 393 702	2 632 708	1 441 568	924 574	75 034
1995	3 675 473	2 755 669	1 595 501	1 035 000	75 510
1996	3 456 985	2 625 081	1 618 394	1 111 097	65 368
1997	3 568 353	2 397 311	1 372 161	1 013 431	62 598
1998	3 870 645	2 581 940	1 481 503	Нет данных	64 545
Темп роста за 1991–1998	130,0	118,8	154,9	170,6*	145,4

* Темп роста за 1991–1997 г.

Таблица 23

Состояние преступности и раскрываемость преступлений в 2000 г.

	Зарегистрировано	Из числа преступлений	Дела которых находились в производстве
		раскрыто	не раскрыто
Всего преступлений	2 952 367	2 184 514	706 211
Тяжкие и особо тяжкие	1 735 198	1 064 437	638 347
Причинившие крупный ущерб или совершенные в крупном либо особо крупном размерах	328 346	272 526	47 667

конфликтами, перерастающими в прямые столкновения, забастовки, где ведутся боевые действия, имеют место кровавые разборки с проявлениями особой жестокости, захваты заложников.

Неверие людей в способность органов власти и управления решить возникающие проблемы предопределяет стремление значительной части населения использовать для получения средств любые, в том числе незаконные пути. В эти сложные годы реформирования России на фоне просчетов и социально-экономических трудностей происходило расширение преступной среды. Сегодня в рядах преступных групп можно увидеть не только молодежь, рабочих, лиц, потерявших ориентиры, но также и управленцев, хозяйственников, экономистов, финансистов, юристов, военных, других специалистов, часть из них самостоятельно занялась преступлениями (хищениями, взяточничеством, должностными подлогами, преступным бизнесом), а часть перешла на содержание организованных преступных сообществ, оказывая им профессиональную помощь и поддержку, участвуя в преступлениях и получая за это свою долю.

Коррупция органов власти и управления всех уровней дала дополнительный источник пополнения преступной среды. Стремление организованной преступности к оказанию воздействия на принятие государственных, в том числе политических, решений, взятию под контроль деятельности органов государственной власти и управления проявляется в создании ею позиций во властных структурах, проникновении в управленческие звенья министерств, ведомств и их органы на местах. Решение этой стратегически важной задачи способствует укреплению финансово-экономического потенциала криминальных сообществ, приобретению иммунитета на действие закона, защите от правоохранительных органов. В практику деятельности организованных преступных групп и сообществ прочно вошло использование метода подкупа народных депутатов, представителей местной администрации, ответственных сотрудников министерств, ведомств и учреждений. В период предвыборных избирательных кампаний ими активно используется выдвижение представителей криминальной среды в народные депутаты. Предпринимаются попытки по внедрению молодых участников организованных преступных сообществ в учебные заведения правоохранительных органов с целью их дальнейшего продвижения на ответственные посты в данной системе и т. д.

Произошло сплочение преступной среды на основе укрепления и развития их собственных традиций и законов. Большая часть

представителей уголовной среды, имеющих значительные средства, перешли в легальное предпринимательство и коммерцию.

Расширилось поле деятельности преступности, от освоения новых отраслей хозяйствования и бизнеса до выхода на международные рынки. Преступные организованные группы получили транснациональную окраску.

Вооруженная, техническая оснащенность преступных сообществ, жестокость преступников демонстрирует всеислие и неподчинение законам, действует деморализуя, дискредитируя правоохранительные органы, склоняя последних к преступному сотрудничеству.

Таким образом, в реформируемом российском обществе ярко выделяются следующие подструктуры:

легалистская подструктура, ориентированная на право, закон, конституционные органы власти;

криминальная власть, ориентированная на противоправные нормы поведения и лидеров организованной преступности;

и «неустойчивый центр» — ориентирующий в зависимости от ситуации и характера решаемых проблем на прямо противоположные нормы поведения.

Тем не менее, лица первой группы все чаще утрачивают прежний социальный статус и бывают вынуждены обеспечивать свои законные права и интересы путем вступления в преступные отношения. В условиях роста преступности граждане чаще или сотрудничают с преступниками, или привыкают к их деятельности, а иногда и сами защищаются от них, вершат самосуд.

Можно констатировать, что к началу XXI века в России основные политические, экономические, социальные процессы стали реально протекать под контролем организованной преступности и связанных с ней государственных, общественных функционеров. Итак, организованные преступники — «это и воры, и бандиты, и вымогатели, и мошенники, и экономические преступники, и коррупционеры, и многие другие, но соединенные в одно, органически, системно взаимосвязанные на основе и совместной криминальной деятельности, и совместного создания условий и развития»⁷⁾. Фактически, организованная преступность превратилась в альтернативное общество со своими экономикой, социальной и духовной сферами, своими системами управления,

⁷⁾ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

безопасности, формирования молодого поколения, судами, своей внутренней и внешней политикой.

В обществе произошла коренная переориентация мировоззренческих установок. Несоответствие экономического сознания, психологии и менталитета подавляющего большинства граждан изменившейся экономической реальности привело к тому, что люди не успевают ориентироваться в быстро меняющихся условиях. В результате этого сотни тысяч граждан легко становятся жертвами беззакония, финансовых афер, вымогательства и других преступлений.

Для значительной части людей стало характерно неверие в устойчивость государственных институтов, в стабильность власти, их способность обеспечить нормальный правовой порядок, защиту прав и интересов граждан. В настоящее время общественное сознание характеризуется сложным переплетением двух взаимоисключающих тенденций в отношении к праву. Все более нарастает правовой нигилизм, неверие в возможность права выступать эффективным регулятором общественных отношений. Это обусловлено существующим разрывом между декларируемыми принципами, идеалами и реальным положением вещей.

Резюме

Становление социально-ориентированной рыночной экономики в России стало далекой перспективой, лозунгом, поскольку принципы этой экономики в условиях всеохватывающего кризиса кажутся призрачными и нереальными. В любом правительственном документе последних лет видится крайне узкое и одностороннее понимание социальной политики. Содержание этих документов сводится к набору разнородных краткосрочно-экстренных мер, делающих попытку переноса основной тяжести бюджетного кризиса на население и регионы. Отсутствуют необходимые меры по всему комплексу социальной защиты населения.

Можно по-разному относиться к различным способам переустройства российского государства, важно лишь, чтобы эти преобразования осуществлялись во благо всего общества, а не какой-либо группы его представителей. Поэтому наиболее объективными индикаторами успешности реформ являются все же не специальные финансовые показатели, а социально-экономические характеристики положения граждан России, отражающие их экономиче-

скую активность, покупательную способность, уровень и качество жизни.

За годы реформы не просто изменилось материальное положение граждан страны — трансформировалась вся система формирования доходов населения. В социалистической экономике основным источником поступления личных доходов являлась оплата труда (примерно 3/4 всех доходов), причем ее уровень был крайне невысок и малоподвижен, дифференциация основной массы населения по размеру заработка практически отсутствовала, а весь процесс регулирования сводился к механизму начисления и пересчета заработной платы по определенной схеме. Параллельно с этим существовала дополнительная закрытая система распределения благ, обслуживающая небольшую социальную группу. При этом всеми процессами формирования и регулирования доходов граждан «дирижировало» государство.

К настоящему моменту в России сложилась прямо противоположная система материального обеспечения населения, в которой функции и возможности государства минимизированы. Прежде всего, значимость официального заработка в структуре доходов за годы реформы упала почти вдвое.

Реальные денежные доходы за 1992–2002 годы снизились примерно на 45 %, реальная зарплата — на 67 %, пенсии — на 68 %, а в одном лишь 1998 г. реальные денежные доходы сократились на 18,2 %, по сравнению с 1997 годом, в декабре 1998 года — на 30,8 % по сравнению с декабрем 1997 года. Реальные располагаемые денежные доходы, полученные населением в 1999 г., оказались на 57 % ниже дореформенного уровня и на 29 % ниже, чем в предкризисном 1997 г. Инфляционные потери наемных работников и пенсионеров были еще выше.

Резко возросла имущественная дифференциация населения. Доходы 10 % наиболее богатых почти в 13,4 раз выше, чем у 10 % наиболее бедных, в то время как пороговым значением этого показателя признается 8 раз. В 1998 г. по сравнению с 1997 г. численность малоимущего населения еще возросла на 4,3 млн человек, или на 14 %. Более чем каждый пятый россиянин (35 млн человек — 23,8 % к общей численности населения) имели денежные доходы ниже прожиточного минимума. При этом наличие работы не является гарантией приемлемых жизненных стандартов. В целом, доля заработной платы в общем объеме денежных доходов населения составила в 1998 г. лишь 42,4 % против 74,1 % в 1990 г. В результате, наряду с традиционно бедными семьями, стариками,

многодетными и неполными семьями, сложились новые бедные — типичные российские семьи с двумя вполне работоспособными профессиональными работниками, которые в сложившейся экономической ситуации не могут реализовать свои профессиональные знания и навыки и обрекаются на нищенское существование по независящим от них причинам. Такие семьи составляют более двух третей бедного населения. Отмечу, что в значительной мере на уровень жизни, особенно пожилого населения влияет именно задолженность по выплате пенсий и других социальных пособий.

Процесс расслоения российского общества начавшийся в 1990-х годах, не просто продолжается — он приобрел вполне определенную политическую окраску. В настоящее время к наиболее богатым российским гражданам относятся в первую очередь представители властной элиты различных уровней, а также их ближайшее окружение. Это обособленный мир, живущий по своим внутренним правилам и практически закрытый для непосвященных. Ему противостоит остальное общество, в котором также действуют процессы расслоения, но уже на качественно ином уровне. Только эта дифференциация населения по уровню материального достатка поддается статистическому учету и анализу. Поскольку на первом этапе реформ различия в уровне материального обеспечения различных социальных групп сглаживались примерно равным имущественным положением основной массы населения, сформировавшемся еще в дореформенный период, постольку сегодня этот потенциал уже полностью исчерпан и благосостояние семьи зависит в большинстве случаев лишь от величины текущих доходов.

В результате по масштабам бедности 1999 г. оказался сопоставим с начальным периодом реформ, когда ее уровень был максимальным.

Сегодняшние кризисные проблемы таковы: снижение качества жизни большинства населения; оскуднение интеллектуального и духовного потенциала нации; продолжающееся ухудшение демографической ситуации; резкое снижение цены труда и утрата трудовых мотиваций; усиление социального расслоения. Нельзя забывать, что падение уровня и качества жизни населения — не только результат кризиса, это и причина его затяжного характера.

Стремительный раскол страны на узкий круг богатых людей и огромную массу бедных, неуверенных в своем будущем создает два поляризованных класса общества с разным представлением о социальной справедливости.

Снижение социально-экономического потенциала страны и социальной активности населения превращается в сильный фактор, блокирующий экономический рост и возможности устойчивого развития из-за недостатка высокоомобильных, высококвалифицированных и сильно мотивированных трудовых ресурсов, отвечающих требованиям структурной перестройки экономики.

А ведь Россия, с точки зрения качества человеческого фактора, была подготовлена к экономическим переменам лучше, чем в любом другом отношении. Нашу страну отличал современный уровень образования и культуры населения, высокий престиж общего и профессионального образования. Россия располагала квалифицированными кадрами рабочих, самым крупным в мире инженерно-техническим корпусом, научно-техническим потенциалом, сопоставимым с западноевропейским и североамериканским. К сожалению, безработица в годы обвального кризиса и беспорядочной коммерциализации социальной сферы всего сильнее затронула наиболее образованную часть трудоспособного населения.

Сегодня потенциал безработицы переходит в потенциал бедности.

Отсутствует стратегия решения проблемы занятости.

Создавшаяся ситуация в области занятости объективно требует усиления государственной политики, включающей меры по регулированию занятости, в том числе в отраслевом и региональном разрезах. Проблему занятости можно частично решить за счет целенаправленной государственной политики поддержки малого предпринимательства. Сегодня оно пополняет казну теневого сектора экономики, благодаря налоговому законодательству, действующему в нашей стране.

Назревшую необходимость разработки и принятия федеральной программы содействия занятости населения на ближайшие годы и отдаленную перспективу подтверждает также наличие регионов страны существенной деформацией населения, спецификой социально-экономического развития: однобокой специализацией, преобладанием производств с высокой концентрацией интеллектуального труда, производств ВПК, отраслей с большим удельным весом предприятий-банкротов.

Необходимо также принять комплекс социальных законов, которые четко определили бы порядок помощи бедным слоям населения и источники ее финансирования.

Сегодняшние переломные процессы, затрагивающие все социальные слои, само государство, порождают как новые возмож-

ности для развития России, так и новые виды опасностей, угроз, противоречий. И, отмечу, наше государство, располагающее специальным аппаратом власти на своей территории, переживает сегодня сложные времена: оно как никогда ослаблено.

С изменением экономических условий многие экономические отношения начинают вступать в противоречие с общественными интересами, наносят обществу значительный экономический ущерб. Государство вынуждено защищать мерами уголовного воздействия своих граждан, экономику страны в целом.

В то же время, государство воспринимает себя как самостоятельную реальность и пытается навязывать русскому бизнесу, политикам и региональным руководителям свои правила игры, основанные на аппаратных принципах и ценностях, унаследованных во многом от СССР. Государство не стремится к модернизации, оно не дает возможностей для саморазвития социальной стратификации, для легализации бизнеса, для формирования естественной идеологии (как основы политики), ограничивает разворачивание советского географического пространства в нормальное пространство человеческой деятельности. В то же время мы понимаем, что вне этого государства не могут существовать ни административный рынок, ни новые социальные институты, не может быть выбрана новая идеология, а географические компоненты вне государства просто перестанут быть обитаемы.

Но конфликт очевиден: государство воспринимается и переживается как ограничение всеми агентами: людьми бизнеса, политиками, региональными властями, чья естественная активность направлена на минимизацию вмешательства государства в свои дела. И это стремление сегодня принимает форму борьбы всех со всеми: деятелей административного рынка с новыми элементами социальной структуры, с политиками; политиков — против изменения топологии государственного пространства и за воссоздание привычных отношений советского варианта административного рынка. Становится явным и то, что ранее существующие экономические отношения начинают попадать в разряд криминальных явлений. При росте объемов этих отношений в стране происходит процесс расширения криминализации экономики.

На сегодняшний день 71 % населения (бедные и малообеспеченные) располагают лишь 3,3 % сбережений, в то же время 5 % населения (богатые и очень богатые) владеют 72,5 % от общей суммы накоплений. Более того, свыше половины сбережений

(52,9 %) принадлежит всего лишь 2 % населения. Из общего объема наличной валюты 82,5 % (44,1 млрд долл. США) владеют 5 % населения.

По существу, представленные данные являются эмпирическим доказательством того, что в нашей стране сложился олигархическо-компрадорский режим, и это подтверждается следующим.

Концентрация трех четвертей сбережений у 5 % населения страны является социально-экономическим выражением процесса использования соответствующими слоями и группами населения ключевых экономических ресурсов. При этом соответствующие слои и группы организованы в небольшое число крупных «кланов» — олигархических группировок, тесно сплоченных личными связями и нормами, являющимися переплетением «номенклатурной» и уголовной этики;

Концентрация сбережений в регионах, экспортирующих сырьевые ресурсы, предопределяет существенную связь интересов соответствующих групп с сохранением сложившихся внешнеэкономических связей нашей страны — экспорта сырья, прежде всего топливно-энергетических ресурсов, продукции базовых отраслей (черных и цветных металлов, крупнотоннажной химии), импорта продовольствия и потребительских продуктов.

Сбережения «богатых» и «сверхбогатых» в большой мере вложены в «теневую экономику» или размещены на корпоративных счетах, являясь источником предпринимательских доходов или ренты для соответствующих групп.

Следовательно, внутренние инвестиционные возможности населения также концентрируются в соответствующих слоях и группах населения. В результате открывается перспектива еще большей концентрации капиталов и теперь уже легального сосредоточения собственности в руках менее чем 5 % населения страны.

Подобная социально-экономическая ситуация характерна лишь для очень немногих развивающихся и слаборазвитых стран мира. Эти страны характеризуются существенной политической неустойчивостью, систематическими социально-политическими потрясениями. Олигархии в этих странах зачастую пытаются решить проблему преодоления политической напряженности путем установления тоталитарных или авторитарных режимов. Однако, как опыт стран Латинской Америки, режимы эти оказываются неспособными надолго решить проблемы поддержания социально-политической стабильности.

Есть еще вариант: легально-силовыми методами кардинально изменить сложившиеся сегодня социально-экономические механизмы, в той или иной форме изъять полученные «неправедным» образом накопления и порождающую эти накопления собственность.

При таком стечении обстоятельств, в принципе, может быть устранена экономическая база олигархически-компрадорского режима, снижен уровень имущественно-доходной поляризации в России. В результате в руках государства может быть сосредоточена часть (по нашим оценкам, 10–15 %) накоплений, эквивалентных 10–20 млрд долл. США. Это существенные средства, которые могут быть использованы для решения важных социальных проблем, реализации крупных инвестиционных программ, направленных на стимулирование развития отраслей экономики, остающихся вне сферы интереса частных инвесторов.

Кризисное положение в социальной сфере вызвано отсутствием реальных реформ в этой сфере. Социальная политика до настоящего времени представляет хаотичное, бессистемное объединение централизованных и рыночных элементов управления. Бездействует основной рычаг социального развития — личная заинтересованность каждого гражданина в создании полноценных условий жизнедеятельности, повышении благосостояния, в защите от безработицы, болезней, других жизненных рисков. Основной акцент в социальной политике сделан на социальную поддержку неработающего населения, создание условий для мотивации эффективного труда отошли на второй план. В результате труд остался самым бросовым и дешевым товаром. Заработная плата составляет, часто, всего лишь 40 % от денежных доходов, что для рыночных отношений недопустимо. Цена рабочей силы, имеющей достаточно высокий квалификационный и образовательный уровень, значительно занижена.

Сегодня все большую остроту приобретают негативные тенденции в состоянии общественного здоровья населения. Современная демографическая ситуация в России определяется двумя основными факторами: долговременными структурными изменениями и современным социально-экономическим кризисом. Наслаиваясь и взаимно усиливая друг друга они влекут угрозу депопуляции и вырождения нации. Это проявляется в сокращении ожидаемой продолжительности жизни, которая достигла 61,0 лет для мужчин и 73,1 года для женщин. По этому показателю Россия

отстает от развитых экономических стран на 13–15 лет и находится рядом с Монголией, Марокко, Гватемалой. Депопуляция, постоянное превышение числа умерших над числом родившихся наблюдается в России с 1992 года.

В конце XIX века Россия отставала от развитых стран мира по уровню смертности и продолжительности жизни примерно на 100 лет, перед Великой Отечественной войной отставание сократилось примерно до 20 лет. В послевоенный период произошел мгновенный успех: Россия почти достигла ведущие экономические развитые страны по уровню смертности и продолжительности жизни. В 1965 г. разница между Россией и США, например, составляла по продолжительности жизни полгода у женщин и полтора года у мужчин. В основе этого успеха — эффективность системы всеобщего бесплатного медицинского обслуживания населения и профилактики и лечения инфекционных заболеваний (всеобщая вакцинация населения и применение антибиотиков).

«...Центральный вопрос государственного регулирования — проблема разработки стратегии социально-экономических преобразований в стране с четким определением конечных целей, приоритетов и этапов. Нужно преодолеть примитивное и ущербное представление о социальных расходах как о некоем вынужденном вычете из средств, которые можно было бы направить на развитие производства и повышение его эффективности. Это рецидив остаточного принципа финансирования социальной сферы...»⁸⁾

Несоответствие курса экономических реформ ожиданиям населения, действий аппарата государственного управления интересам российского человека, декларативный характер программ социальных преобразований, несоответствующих финансовым возможностям государства, говорят нам о том, что пришло время уточнить цели и приоритеты экономической и социальной политики, показать последовательность их реализации, отладить механизм государственного регулирования социально-трудовых отношений с учетом специфики сегодняшнего момента.

В России изменяется и обостряется социально-политическая и экономическая ситуация. Перемены необходимы и для обеспечения устойчивости государственных общественных институтов, и для сохранения позиций элиты и государственного аппарата.

⁸⁾ *Абалкин Л. И.* Доклад на научно-практической конференции «Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики».

Назревает социальный взрыв. Не влияние государства на социальные конфликты может привести к полному перерождению государства, к неспособности аппарата управлять процессами в обществе. Все негативные последствия слабого государственного регулирования мы с вами уже встречали в истории России.

Социальная политика должна создавать условия для самообеспечения экономически активного человека — опоры общества и закона, производителя средств поддержки в кризисной ситуации.

Глава 3

Социально-экономическое положение населения регионов России

3.1. Особенности регионального развития России

Объединение любых государств, осуществляемое в условиях демократии на федеративных, конфедеративных или ассоциативных началах, во всех случаях является сложной задачей.

Подлинная Федерация возможна лишь в том случае, когда объединяются два или несколько государств; на основании прочной интеграции без права «выхода». Самостоятельность субъектов союзного государства гарантируется во всем, что не опасно для его единства. Именно по такому принципу формировалось большинство ныне существующих федеративных государств: США, Швейцария, Канада, Германия. Прочное федеративное государство возможно лишь там, где оно образуется самостоятельными государствами, заинтересованными в объединении в силу различных жизненно важных причин. Попытки создать федерацию из неоформленных национальных и территориальных образований неизбежно порождают нестабильность и разлад, что быстро приводит либо к распаду, либо к формированию унитарного государства.

Можно назвать уникальным явлением в мировой теории и практике федерализма наш, советский, ныне российский федерализм. В 1918 г. в его основу был положен национально-территориальный принцип. Тогда федеративное устройство выступало как способ разрешения национального вопроса, реализации права нации на самоопределение. Советский федерализм не был результатом объединения уже существовавших в прошлом национальных государств. Сами государства были созданы по инициативе Центра, по воле которого часть из них заключили Союзный договор о создании союзного государства, а другие стали автономными государственными образованиями в их рамках. Таким образом, образовалась сложная многоуровневая федерация,

включавшая в структуру федеративных отношений и национально-территориальные образования, и оказавшиеся за их пределами территориальные образования — области и края.

В развитии федерализма в России традиционно выделяют три этапа:

1918–1936 гг. — создание основ социалистического федерализма;

1937–1985 гг. — утверждение фактического унитаризма в государственном устройстве России;

1985–1993 гг. — попытки ликвидации формализма в федеративном устройстве государства и реформы Федерации.

Несмотря на длительные дискуссии, за эти восемь десятилетий так и не были окончательно решены ключевые вопросы построения реальной федерации. Какой она должна быть? Договорной или конституционной, асимметричной или равной, построенной по национально-территориальному или исключительно по административно-территориальному принципу? Сохранить ли субъекты-«матрешки» (административно-территориальное деление, при котором автономные округа входят в состав края или области) или укрупнить их в единый субъект Федерации?

Но уже в 1992 г. сама жизнь заставила Центр и регионы взяться за разграничение полномочий. В результате были подготовлены три договора о разграничении полномочий (с республиками, с краями и областями, с автономными округами), которые и составили Федеративный Договор, ставший впоследствии неотъемлемой частью новой российской Конституции.

После подписания Федеративного договора 1992 года и принятия Конституции Российской Федерации 1993 года российский федерализм из национального федерализма превратился в смешанный. Субъектами Федерации в новых условиях являются не только национально-территориальные, но и территориальные образования — области, края, автономные округа, города федерального значения.

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 г. стало началом нового этапа в построении федерализма как формы реальной демократизации власти.

Конституция закрепила положения, которые позволяют преодолеть две крайности: с одной стороны, сепаратистские настроения республик (суверенитет вплоть до выхода из состава России), с другой — возврат к унитарной структуре регионов.

Конституция 1993 г. закрыла дискуссию о природе федерации в России, четко определив ее конституционно правовой статус, и по сравнению с Федеративным Договором сделала шаг вперед — уравнила субъекты Федерации в правах и положила в основу Российской Федерации не национальный, а территориальный принцип (источником власти во всей стране и в каждом субъекте Федерации является не этнос, не «титутельная национальность», а все многонациональное население).

Но поскольку в этот период сохранялась острота политических проблем, продолжался кризис государственного управления, не вошли в цивилизованные рамки процессы становления региональных сообществ, то Конституция Российской Федерации не стала унифицировать входящие в ее состав субъекты (республики, края, области, автономные области, автономные округа, города федерального значения), а, оставив определенную «асимметричность», заложила основные принципы, «общие правила» построения подлинной федерации (см. ст. 4 и 5 Конституции Российской Федерации).

Реальное развитие федерализма в стране оказалось намного сложнее, противоречивее и подчас сочетало в себе элементы едва ли не всех вариантов одновременно. Важно иметь в виду, что и после принятия Конституции 1993 года, становление федерализма происходило главным образом за счет реальной политической практики, на основе существовавшего баланса политических сил, часто вопреки конституционным положениям или благодаря правовому несовершенству и противоречивости самой Конституции РФ.

Устройство российского федерализма периода конца 80-х и 90-х годов XX столетия имело следующие фазы.

На первом этапе прагматически поддерживался тезис *о максимальной суверенизации внутрироссийских субъектов*.

Затем на поверхности событий проявились более глубокие тенденции, и за субъективно-личностным их образом обнаружились суровые объективные реалии:

- была фактически потеряна управляемость страной как единым целым в связи с кризисом существовавшей системы государственного управления и государственности вообще;
- наряду с прежними объектами государственного управления (национально-территориальными и административно-территориальными единицами) возникли обладающие свободой воли «стратегические субъекты» — регионы (в странах западной

демократии процесс образования «стратегических субъектов» перешел на уровень микросообществ и личностей);

- как следствие, в регионах началось формирование параллельных систем власти и управления, что привело к неадекватности традиционных средств социального контроля изменившимся «условиям социальной игры» и опасности политической дезинтеграции страны в случае установления фактической независимости федеральных и региональных властей друг от друга.

С другой стороны, общий управленческий кризис был связан с унаследованными от СССР особенностями экономического регулирования в Российской Федерации. Он вырастает из противоречия между развитием и управлением экономикой по отраслевому принципу, характерному для прежнего Союза ССР, и переходом к управлению непосредственно через территории, через субъекты Федерации. Сегодня резко ослабла, а нередко и вовсе исчезла управляющая роль центральных министерств и ведомств в отношении отраслевых предприятий и объектов, получивших юридическую самостоятельность. Органы управления республик, краев, областей, осваивают новую для себя модель взаимодействия с предприятиями и объектами, расположенными на их территории по решениям центральных отраслевых ведомств и в интересах отрасли, а не конкретного региона.

После выхода России из состава СССР Президент Ельцин стал постепенно, вяло и непоследовательно, *но противодействовать дальнейшей суверенизации*. Бурная фрагментаризация российского пространства закончилась, был взят курс на *сохранение территориальной целостности России под эгидой демократии*.

Ответом была первая чеченская компания. И ее непоследовательное, колеблющееся ведение и предательский Хасавюрт. Вялое противодействие откровенному, декларируемому, бравирующему своей безнаказанностью дикарскому сепаратизму, и слабоумное соглашательство в решающий момент с «демократической» демагогией реформаторского окружения, подкрепленной коррупционными методами олигархов. В первой чеченской компании мы видели пример, где безобразно переплелись фрагментарный покалеченный патриотизм с предательством и торгашеством. Но точно такая же ситуация, только в сглаженной форме, была характерна и для общей модели отношений Центра с регионами. На ужесточение централистских мер в политической или экономической обла-

стях, губернаторы и президенты отвечали саботажем. Принцип был один и тот же: *между Центром и субъектами Федерации велась вялая торговля*. Так сложились и проекты Уральской и Дальневосточной Республик, некоторые документы Сибирского Соглашения и т. д.

Регионализация — объективный процесс становления региональных сообществ. Однако, к сожалению, многие характерные черты процесса регионализации (осознание элитами и населением региона своих региональных интересов и предъявление их на федеральном уровне, возникновение региональных политических движений и «регионального лобби», становление регионального самосознания и пр.) можно считать следствием неудач федеративной политики государства.

Региональная проблема пронизывает сегодня все стороны российской жизни: осложняет экономические реформы, усугубляет остроту национального вопроса, обостряет политические противоречия.

Развитие событий не раз показывало, что особенности регионального развития России из фактора потенциального могущества российского государства может при невнимании к региональным проблемам превратиться в фактор дезинтеграции и распада, особенно при неточном понимании и тем более неправильном употреблении «инструментов федерализма».

1999 год начинается иной этап. В первую очередь, это относится к его структуре, к его федеральному устройству. Федеральная реформа, которую можно назвать *радикально новой схемой отношений Центра с регионами*.

Уже избранный Президентом весной 2000 года, Владимир Путин первым делом приступил к приданию новой федеральной политике законодательного статуса.

Путин предложил главам субъектов Федерации привести свое законодательство в соответствие с общероссийскими нормами. Важно, что налицо основная линия — политическое пространство России должно быть однородно и интегрированно, любые попытки ускользнуть от контроля Центра и предаться на сторону будут отныне жестко пресекаться.

Следующий шаг: реформа Совета Федераций. Губернаторы утрачивают политическую роль «самостийных бояр». Ельцин давал суверенитет, а потом торговался относительно его объема, Путин забирает суверенитет назад и торговаться не собирается.

И, наконец, 7 федеральных округов. 7 генерал-губернаторов призваны стать административными скрепами всей российской

территории, надзирать над ее целостностью, неделимостью, искоренять сепаратизм в зародыше.

Если добавить последовательную поддержку Президентом интеграционных процессов в СНГ, его активность в укреплении Союзного Российско-Белорусского Государства, благожелательное отношение к намерениям Армении и стран «таможенного союза» примкнуть к этому Союзу, то мы увидим образ «собирателя русских земель», то есть нечто прямо противоположное основной ориентации предшествующего периода российской истории, когда земли отдавались на откуп, а с безответственными и хищными регионалами велся нудный, бесчестный, нерешительный и густо замешанный на коррупции и интригах олигархов (больших и малых) торг.

3.2. Экономический потенциал регионов и проблема сепаратизма

Для современного этапа развития российской государственности ключевое значение приобретают региональные проблемы укрепления ее безопасности, связанные с реализацией идеи национального единства, блокированием контрреформистских и сепаратистских тенденций на местах, развитием интеграционных экономических процессов внутри страны. Центристские тенденции на российском пространстве сейчас перевешивают центробежные. Однако потеряв многие скрепы, сохранявшие ее целостность в составе СССР, Россия еще не нашла себя как новое национально-территориальное и территориально-административное образование, не сформировалась как государство — ни внутренне, ни внешне. Страна потеряла идеал жизнедеятельности, часть ее границ не демаркирована и не признана международным правом, а некоторые территории спорны. Государственность можно назвать рыхлой, она лишена единых принципов построения, регионы расползаются в разные стороны. Пространству, уникальному по протяженности, степени социально-экономической и этнической дифференциации населения, предстоит обрести новую структуру и цивилизованное лицо, при том, что факторы распада продолжают действовать.

Недостатки существующей модели федеративного устройства России очевидны, и видоизменить ее сегодня вынуждает логика социально-экономической трансформации, перемены в системе

взаимодействия элит разного уровня, которые напрямую связаны с объемами и порядком перераспределения финансовых ресурсов.

Тезис о стихийной децентрализации получает подтверждение, когда мы обращаемся к распространенной практике нарушения субъектами федерации российских законов. В сущности, эти нарушения в основной своей массе являются каналами перераспределения властных полномочий, — добавим, перераспределения, производимого регионами односторонне и явочным порядком.

Само собой разумеется, что противоречия между региональными и федеральными законами — обычное дело для повседневной законодательной рутины федеративного государства. Но в данном случае речь идет отнюдь не о случайных несоответствиях, возникающих в рабочем порядке, а о сознательной установке на «самостийность» законодательства субъекта федерации.

Одной из важных угроз национальной безопасности выступает региональный сепаратизм. В политическом отношении он характеризовался стремлением регионов в последние годы к получению дополнительных прав, превышающих установленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. В сфере экономики это ведет к разрыву единого экономического пространства, нарушению единой финансово-кредитной, налоговой и таможенной политики страны.

Некоторые субъекты Федерации вообще перешли на ведение самостоятельной внешней политики. Расширение международных связей субъектов Федерации нередко сопровождается прямым вмешательством в компетенцию Российской Федерации. На сегодняшний день субъекты Федерации заключили более 200 соглашений со своими зарубежными партнерами, включая суверенные государства (так называемые «диагональные соглашения» между субъектом международного права и не-субъектом международного права).

Все эти дезинтеграционные процессы происходят на фоне того, что неравномерность социально-экономического развития регионов возрастает, она ведет к росту количества депрессивных территорий, к которым начинают относиться даже ранее развитые, относительно благополучные старопромышленные и агропромышленные районы, к усилению напряженности во взаимоотношениях федеральной и региональной бюджетно-кредитных систем. А ведь, российские регионы резко отличаются друг от друга по эффективности производства, уровню благосостояния граждан и размерам капитальных вложений. К началу реформ Федерация объединяла

субъекты, находившиеся на далеко стоящих друг от друга ступенях общественного развития — доиндустриальной (Тува, Дагестан) и постиндустриальной (Москва, Ленинград). В 1990 г. душевой национальный доход, пущенный на потребление, колебался от 1,3 тыс. руб. в Дагестане до 4 тыс. руб. в Москве. В 2002 г. средняя начисленная заработная плата колебалась от 2 930,7 руб. в Республике Марий-Эл до 22 813 руб. в Чукотском автономном округе.

Заметим, что региональный финансовый потенциал зависит прежде всего от финансового положения предприятий, расположенных на данной территории, доли избыточных предприятий, уровня рентабельности, массы создаваемой прибыли. Несмотря на существенные различные изменения показателя доли отдельных регионов в общем объеме получаемой прибыли за годы радикальной экономической реформы, можно выделить группы, для которых тенденции динамики этого показателя определяются качественно однородными причинами. По сравнению с началом реформирования существенно снизился удельный вес в общем объеме получаемой прибыли в следующих группах регионов:

- вследствие существенного отставания темпов роста цен на продукцию сельского хозяйства и отраслей переработки от роста цен на продукцию других отраслей в районах сельскохозяйственной специализации (Ставропольский, Алтайский края, республики Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесская, Орловская область и др.);
- в основных нефте- и газодобывающих районах (Тюменская, Оренбургская области, республика Татарстан). Темпы роста рентабельности производства в нефтедобывающих регионах в целом за годы реформ были ниже, чем в среднем по России;
- в районах Дальнего Востока и Восточной Сибири (за исключением Читинской и Амурской областей), Калининградской области, т. е. в регионах, где решающее воздействие на себестоимость производства оказывает увеличение транспортных издержек;
- в регионах, в структуре производства которых значительный удельный вес составляет лесная промышленность. Спад производства в этой отрасли к началу реформы более чем в 1,5 раза превысил средний уровень по промышленности, а темпы роста цен производителей отставали в 2,6 раза, что и обусловило резкое снижение получаемой прибыли.

Также можно выделить четыре группы регионов, значительно повысивших свой удельный вес в общем объеме получаемой прибыли:

- это регионы металлургической специализации; здесь увеличение доли прибыли объясняется и опережающим ростом цен на продукцию данной отрасли;
- следующая группа — регионы, специализацией которых является электроэнергетика, оказавшаяся наиболее стабильной в условиях кризиса;
- третья группа регионов — это основные центры автомобилестроения. Сохраняя высокий потенциал роста рентабельности в первые годы реформ, у этой отрасли к 1994 г. потенциал стабильности оказался исчерпанным в связи со снижением платежеспособного спроса и низким уровнем конкурентоспособности;
- особое место среди регионов занимает Москва, лидирующее положение которой связано в первую очередь с ее особым столичным статусом, поскольку концентрация на ее территории крупнейших финансовых и торговых структур, совместных предприятий укрепила ее положение.

Итак, основные тенденции в территориальной динамике прибыли сохраняются. Продолжается и ускоряется процесс ухудшения финансового положения сельскохозяйственных регионов, и регионов, с преобладающим развитием обрабатывающих отраслей промышленности. Сохраняется высокий потенциал роста цен в металлургической промышленности, что способствует повышению доли прибыли, получаемой районами, в которых расположены ориентированные на экспорт предприятия этой отрасли.

До опасных пределов возрастает экономическое обособление отдельных регионов, основывающихся на разрыве традиционных экономически эффективных межрегиональных связей, росте взаимной задолженности предприятий, натурализации хозяйства, особенно в условиях развития товарного бартера. Стремительный рост тарифов привел к потере экономического эффекта магистрального транспорта. В результате многие приграничные регионы оказываются адаптированными в мировую экономику в большей степени, чем в общероссийскую. В ряде регионов происходит переориентация значительных объемов производимого топлива и сырья с внутреннего на внешние рынки при нарастании региональных

дефицитов по топливу (яркий пример — положение с энергетикой в Приморском крае).

Сохраняются опасности сепаратизма, связанные не с выходом тех или иных субъектов РФ из ее состава, а со своеобразной «внутренней эмиграцией» регионов, формированием на их территории закрытых политико-экономических систем. Несомненно, подобная опасность может усилиться с обретением региональными элитами полной политической самостоятельности в ходе формирования выборных органов власти в регионах. Во избежание этого должен быть выработан механизм приведения в соответствие с Конституцией РФ действующего и разрабатываемого в субъектах Федерации регионального законодательства.

Вместе с тем нельзя не учитывать влияние внешних центров силы (иностранных государств, транснациональных корпораций и конфессий) и того факта, что отдельные регионы могут выйти из состава России по неэкономическим причинам. Для выработки региональной политики в отношении таких территорий сделана оценка потенциала сепаратизма 87 субъектов Федерации (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) и разработаны рекомендации по решению каждой конкретной проблемы¹⁾.

Факторами оценки служат: геополитическое положение республик и регионов (приграничное, внутреннее, центральное), влияние внешнего центра (сильное, среднее, слабое); этническая (русофобия, «бархатное» вытеснение русскоязычного населения, лояльность), экономическая (несоответствие ресурсов, территорий и уровня жизни), экологическая основы сепаратизма; отношения местных и центральных властей. Каждый фактор оценивается по трехбалльной системе с формированием суммарной оценки по субъекту Федерации.

Из 87 субъектов Российской Федерации (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) 16 субъектов (8 республик, 4 области, один край и 3 автономных округа) получили суммарную оценку выше 12 баллов, то есть потенциал сепаратизма рассматривается как высокий, и для Татарстана и Тувы — как очень высокий. Двенадцать субъектов имеют приграничное положение, два — внутреннее и два — центральное. Карелия и Мурманская область испытывают сильное влияние Скандинавского центра; Калининградская область — Германии; Татарстан и Башкортостан —

¹⁾ Скопин А. Региональная политика и экономическая безопасность России // Вопросы экономики. М., 1995. № 1. С. 119–126.

Турции; Алтай, Тува и Бурятия — Монголии и Китая; Приморский край и Сахалинская область — Японии и Кореи; Чукотский и Корякский автономные округа и Камчатская область — влияние США. Республика Коми и Ханты-Мансийский автономный округ, обладающие колоссальными запасами нефтегазовых ресурсов, привлекают крупный международный капитал и интерес всех развитых стран.

Согласно оценке перечисленные субъекты Российской Федерации будут стремиться в первую очередь к изменению своего статуса, опираясь на внешнюю поддержку. В случае проведения региональной политики, сочетающей жесткое военно-политическое сдерживание с либеральной экономической политикой, реальным федерализмом и поддержкой регионов с экстремальными природными условиями, тенденции сепаратизма будут ослабевать, и интеграционные тенденции, которые уже начали проявляться, станут преобладающими. В случае проведения силовой политики, без экономической поддержки и создания нормальных условий для роста региональной экономики тенденции сепаратизма вновь возобладают.

Учитывая ресурсный базис, концентрацию предприятий-монополистов, изменение экономической ситуации (производство важнейших видов промышленной продукции, доходы и расходы территорий.), положения в инфраструктурных «коридорах», внешнеэкономические связи, инвестиционную привлекательность можно оценить реальные угрозы единству России.

Отметим, что вероятность реализации сепаратистских тенденций выше у развитых в экономическом отношении территорий (Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Карелия, Коми, Калининградская, Мурманская, Сахалинская, Камчатская области, Приморский край, Ханты-Мансийский автономный округ), чем у слаборазвитых (Тыва, Республика Алтай, Корякский и Чукотский автономные округа).

Дезинтегрирующее воздействие на сохранение единого экономического пространства оказывает падение уровня социально-экономического развития в отсталых и слабоосвоенных районах с экстремальными природно-климатическими условиями, и на основе этого неконкурентоспособности местных производств и практически стихийного оттока населения из районов Севера. Это приводит к потере уникальных производств, возрастанию экономической зависимости России от мирового рынка по ряду стратегических товаров, падению уровня хозяйственной освоенности территорий,

закрытию «неперспективных» предприятий и населенных пунктов. В результате резко осложняются условия проживания местного и коренного населения.

Наблюдается чрезмерная территориальная концентрация производительных сил в результате преимущественного размещения торгово-промышленного и банковского капитала в немногих высокоурбанизированных зонах и крупнейших городах России. При этом продолжается исход сельского населения в города, где имеются более благоприятные условия для развития торгово-посреднической и иной предпринимательской деятельности, при этом в условиях безработицы, начинается процесс люмпенизации городского населения.

Возросла активность иностранных компаний и инвесторов по проникновению в регионы, обладающие значительными природными (топливно-энергетическими и сырьевыми) ресурсами и передовым научно-техническим потенциалом. В результате усиливается сырьевая направленность экспорта, происходит утечка разработок, особенно в области высоких технологий, за рубеж.

Своеобразный парадокс инвестиционного процесса в России состоит в том, что, если во многих странах мира приросты объемов иностранных инвестиций обычно следуют за отечественными, то у нас продолжается падение объемов отечественных инвестиций при двукратном росте зарубежных. Главные инвесторы — США, Великобритания, Германия (вместе — около половины инвестиций). В отличие от отечественных, эти инвестиции могут иметь более высокий потенциал относительно быстрого роста и во второй половине года. Однако абсолютные объемы иностранных инвестиций в Россию пока еще очень малы.

Происходят постепенные изменения в структуре инвестирования: топливная промышленность, первенствовавшая ранее, начинает уступать место торговле и общественному питанию, финансово-кредитной сфере, страхованию, пенсионному обеспечению. Среди регионов выделяются Москва, сырьевые районы (Тюменская область) крупные машиностроительные центры (Нижегородская область, Республика Татарстан, Самарская область, Санкт-Петербург, Томская область), районы, ближе расположенные к границе с иностранным инвестором (Сахалинская область).

России сегодня необходимо вернуть временно утраченное представление о себе самой, восстановить единую общенациональную перспективу и согласие по поводу основополагающих

Таблица 24

Показатели инвестирования федеральных округов в 2002 г.

	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	Иностранные инвестиции тыс. долл. США
Российская Федерация	1 758,7	19 779 982
Центральный федеральный округ	401,3	9 526 309
Северо-Западный федеральный округ	176,2	1 593 941
Южный федеральный округ	161,8	586 786
Приволжский федеральный округ	287,2	1 448 694
Уральский федеральный округ	366,2	2 538 662
Сибирский федеральный округ	141,4	2 944 124
Дальневосточный федеральный округ	104,1	1 141 466

ценностей и принципов жизнеустройства. Со всей остротой встанет и проблема определения своей новой роли Центром, который в России никогда не был исключительно географическим понятием, а задавал общие параметры и цели развития. Россия в очередной раз стоит перед историческим выбором, от которого зависит будущее не только нашей страны, но и всего мира.

А для самого Центра главными направлениями работы по реинтеграции экономики становится формирование государственно-правового и хозяйственно-экономического механизмов стимулирования развития свободного общероссийского рынка товаров, труда и капиталов, рациональное сочетание методов государственного и рыночного регулирования развития регионов, совершенствование нормативно-правовой базы деятельности региональных и межрегиональных экономических ассоциаций России.

Несколько слов о свободных экономических зонах на территории России. Свободные экономические зоны явились существенным фактором относительной правовой самостоятельности

региональных властей в экономической сфере. Первые 9 СЭЗ в России были созданы на основании постановлений Верховного Совета РСФСР от 14.07. и 13.09.90 г. В мае 1991 г. к ним были добавлены Ленинград и Ленинградская область. На начало апреля 1999 г. официальный статус свободных экономических зон, утвержденный соответствующими законами, имели 20 СЭЗ в 18 субъектах федерации:

- Калининградская область (СЭЗ «Янтарь»);
- Санкт-Петербург;
- Выборг (Ленинградская обл.);
- Новгородская область (СЭЗ «Садко»);
- Алтайский край;
- Республика Алтай (особая эколого-экономическая зона);
- Кемеровская область;
- Читинская обл. совместно с Агинским Бурятским автономным округом (СЭЗ «Даурия»);
- Еврейская автономная область (СЭЗ «Ева»);
- г. Находка (СЭЗ «Находка» в Приморском крае);
- Сахалинская область;
- г. Сочи (особая эколого-экономическая зона с элементами СЭЗ в Краснодарском крае);
- г. Зеленоград, аэропорт Шереметьево-2, аэропорт Внуково, Западный речной порт (Москва);
- Республика Дагестан;
- Кабардино-Балкарская республика;
- Кавказские Минеральные Воды (особая эколого-экономическая зона в Ставропольском крае);
- аэропорт «Ульяновск—Восточный» (Ульяновская область).

В ряде названных регионов созданы специализированные субзоны. В Кемеровской области создается Урская субзона в Гурьевском районе (добыча золота, редких металлов), на Сахалине — Южно-Курильская субзона. Субзоны созданы также в Санкт-Петербурге, Новгородской и Калининградской областях.

На территории свободных экономических зон, согласно положениям, действует льготный экономический режим, основные принципы которого заключаются, как правило, в следующем:

- регистрация предприятий с участием иностранного капитала непосредственно в администрации СЭЗ;
- гарантия сохранности и возврата иностранных инвестиций;
- льготный налог на прибыль в размере от 7 % до 20 %, в зависимости от зоны и вида деятельности (на остальной территории России до начала 1999 г. — 32 %), а также освобождение от налога прибыли, реинвестируемой в развитие производства и социальной сферы в зоне;
- вывоз прибыли, облагаемый налогом в размере от 6 % до 10 %;
- бессрочное, либо на срок 5–10 лет, освобождение экспортно-импортных операций от уплаты таможенных пошлин.

В некоторых зонах предусматривается также право долгосрочной аренды земли (например, на 70 лет в Находке).

Каждая СЭЗ должна действовать как автономная самоокупаемая единица, которая, как правило, на пятилетний срок на условиях кредита освобождается от всех платежей в республиканский бюджет. Общее хозяйственное руководство в СЭЗ осуществляется администрацией (советом, комитетом) зоны, подчиняющейся местным органам государственной власти.

Почти десятилетняя практика деятельности региональных СЭЗ в России, к сожалению, выявила существенные трудности в их функционировании.

В последние годы в отдельных субъектах федерации, не имеющих статус федеральных СЭЗ, местные власти начали создавать внутрирегиональные зоны различного типа. Предприятиям в этих зонах предоставляются льготы по местным налогам и сборам, а также вводится режим оффшора. Несмотря на возражения со стороны федеральных властей такие зоны созданы в Республике Калмыкия, Республике Бурятия, Ярославской, Калининградской, Волгоградской, Курской областях.

Потери федерального бюджета ежегодно за счет деятельности оффшорных зон составляют порядка 10 млрд руб.

Обобщая вышеизложенное, необходимо еще раз отметить, экономически не обоснованная политика федерального центра по выдвижению в качестве приоритетной задачи обеспечение выполнения фискальной функции федерального бюджета привела к разрушению механизма взаимной поддержки центра и субъектов федерации и переходу от системы регулирования к акту выбивания денежных средств. Политические уступки региональному лобби, проявляющие себя в прямом финансировании наиболее значимых

в политическом отношении регионов накануне выборов, приводит как к увеличению дефицита бюджета, так и к сокращению расходов по остальным, например социальным, статьям.

Неотъемлемой частью социально-экономических трансформаций в нашей стране является реформа бюджетной системы. Пришло время политики стимулирования развития внутреннего потенциала регионов и повышения их заинтересованности в выравнивании дисбалансов бюджетов всех уровней.

3.3. Экономический кризис и его региональное измерение

Состояние экономики — основной фактор, определяющий доходы и, в конечном счете, уровень жизни населения региона. Экономические кризисы, которые пережила Россия, проявлялись, прежде всего, в спаде производства, и в различной степени поразили разные регионы страны. Оценка этих различий — необходимая предпосылка для понимания сложившейся территориальной дифференциации уровня жизни, тенденций и перспектив регионального развития в целом.

Российская экономика за 90-е годы XX века пережила два потрясения. Первый, обозначивший начало рыночных преобразований пришелся на 1992–1994 годы. Среди основных географических закономерностей по глубине спада промышленного производства можно указать на относительно невысокий спад в большинстве северных регионов, а также на «пятно» глубокого промышленного спада на Северном Кавказе, находящемся в зоне политической напряженности. Вообще, экспортоориентированные регионы в среднем испытали меньший спад производства, чем регионы, «завязанные» на внутрироссийский рынок. В наибольшей степени пострадали регионы сосредоточения легкой (прежде всего — текстильной) и пищевой промышленности, а также обрабатывающей промышленности в целом (в первую очередь — квалифицированного машиностроения, в том числе оборонного). Как неоднократно отмечалось в различных исследованиях, относительно благополучной оказалась ситуация в районах нового освоения, специализирующихся на добыче топливно-энергетических и сырьевых ресурсов (т. е. в зоне Севера), а также в основных металлургических регионах.

В сельскохозяйственном производстве кризису 1992–1994 годов предшествовал этап замедления и стагнации экономического роста. В 1990-х гг. кризис сбыта (а точнее, старой системы сбыта государству), связанный с переходом к рынку, наложился на традиционный для дефицитной плановой экономики кризис ресурсов. Кроме того, государство не в состоянии было оплачивать даже заказанную им продукцию. Предоставляя из года в год даровые или полударовые деньги (в виде льготных кредитов, субсидий, списывания долгов), государство не платило за свои покупки продукции.

Спад в производстве сельскохозяйственной продукции был связан не с попытками реформирования предприятий, а с общей экономической ситуацией в стране. Более того, выбранный способ поддержки сельскохозяйственных производителей в виде выделения субсидий на процессы и материалы (посевную, удобрения, топливо и т. п.) с одновременной задержкой оплаты продукции поставил в наиболее тяжелое положение именно сильные хозяйства, которые что-то смогли произвести и сдать государству. Фактически был выбран самый неэффективный путь дотирования коллективных предприятий, подрывающий позиции основных производителей продукции и поддерживающий слабые неэффективные хозяйства.

В целом территориальные различия в глубине спада промышленного производства в основном определяются сложившейся отраслевой структурой промышленности. Резкого спада удалось избежать регионам, чей производственный комплекс основан преимущественно на добывающих отраслях с высоким экспортным потенциалом. Регионы, специализирующиеся на обрабатывающих отраслях с ориентацией на внутренний рынок, оказались в более тяжелой ситуации.

Новую кризисную волну 1998 г. отличает от «фоновой» переходной то, что она поразила рыночные сектора экономики. Понятно, что места их концентрации среагировали быстро и остро. Москва и другие крупнейшие города стали эпицентрами потребительской паники, банкротств и увольнений персонала банков и прочих коммерческих структур. Безденежная провинция вроде бы могла спать более или менее спокойно: какое дело немонетарной экономике до монетарных кризисов? Кроме того, девальвации рубля в принципе на руку экспортным и замещающим импорт производствам, чей потенциал размещен по стране гораздо равномернее очагов рыночной инфраструктуры и разной спекулятивной деятельности.

Но не все так просто. Чем безденежней регион, тем заметней и болезненней для его финансов потеря и без того скудных средств. Между тем, по данным из октябрьского аналитического доклада Министерства региональной политики за 1998 год, еще с весны 1998 года по стране распространялось бегство денег из банков включая Сберегательный. К апрелю оно охватило лишь шесть регионов, к июню — 31, а к августу — уже 86, почти все. В августе начался полный обвал, затронувший и самые бедные места. В Туве лишь с 20 августа по 5 сентября из коммерческих банков было изъято 6 млн руб., что сравнимо с месячным поступлением налогов в бюджет республики.

Реакция региональных властей на кризис была весьма острой. В регионах начали издавать постановления о защите своих жителей и прилавков. Власти создавали антикризисные комитеты, вводили чрезвычайные меры, устанавливали лимиты торговых надбавок, фиксировали цены. Ростовский глава настаивал, что их нужно именно контролировать, а не регулировать.

В ряде северных регионов власти пытались поддержать производителей ширпотреба, особенно продовольствия. Чаше они просто вводили ограничения и запреты на его вывоз из региона, причем эта волна захватила отнюдь не только «красный пояс», но и Вологодскую, Ярославскую, Ивановскую области, Марий Эл, Удмуртию, Хабаровский край и др. В Самаре и Кемерове говорили о создании собственного золотого запаса, в Якутске — о приостановке вывоза добытого в республике золота. Немногие губернаторы, подобно М. Прусаку в Новгороде, сочли такие меры абсурдными и нарушающими единство экономического пространства.

По банковской системе. Уже весной 1999 г. Агентство по реструктуризации (АРКО) выдвинуло два варианта оживления системы: с опорой на Центробанк, Сбербанк и многофилиальные московские банки либо на региональные. Второй дешевле и нравится регионам. Но если АРКО ставит задачу снабдить регион хотя бы одним работающим банком, то о «регионализации» системы говорить рано. Она как бы замерла в шоке, сохраняя свои пропорции. К марту 1999 г., по данным «Эксперта» (1999. № 13), Московский регион концентрировал 47 % уцелевших 1 456 банков, и такая же доля из 4 353 филиалов пришлась на районы срединного индустриально-аграрного пояса, вытянутого по оси Ямал—Урал—Волга—Кубань). Впрочем, все это заслуживает отдельного анализа.

Возьмем теперь динамику по Единому государственному регистру предприятий и организаций (ЕГРПО). Приrost плавно

убывает: в 1995 г. в стране добавилось 303 тыс., в 1996 г. — 242, в 1997 г. — 220, в 1998 г. — 178 тыс. субъектов экономической деятельности. Темпами среди крупных районов опять выделялся Северо-Запад, а среди регионов — федеральные города (не считая отдельных феноменов вроде Республики Алтай, доля которых все равно ничтожна). Вклад столиц в ежегодный прирост подходит к половине, растет и их удельный вес в стране: лишь за 1998 г. — с 31 % до 35 %. Вслед за Москвой с 1996 г. идет С.-Петербург, а не второй по людности Краснодарский край; к 1999 г. его потеснила с третьего места Московская область. В ряде «слабых» регионов наблюдается сокращение численности предприятий.

Кризис 1998 г. отнюдь не сводился к финансовому. Первые три квартала отмечены резким спадом промышленности после того, как в течение удачного 1997 г. она почти восстановилась до уровня 1995 г. (98 %). К сентябрю же 1998 г. — снова упала (до 84 %, сезонный фактор исключен). Причины известны: завышенный курс рубля, неблагоприятная конъюнктура для экспортных отраслей, кризис неплатежей, отсутствие инвестиций в реальный сектор. Обвал рубля способствовал росту в последнем квартале года (до 92 % от уровня 1995 г.). В целом за 1998 г. физический объем производства составил 94,8 % от уровня 1997 г.

Дезорганизация федеральной финансовой системы после августа привела к сбоям в системе трансфертов. Дотационные регионы получали их из Фонда поддержки с опозданием и в урезанном виде. Поэтому кризис сильно ударил по беднейшим регионам, которые не могут существовать без федеральной помощи. Понятно, что это обостряло их отношения с Центром.

На самом деле проблема внутренних оффшоров куда более давняя и широкая. Все 40 с лишним закрытых административно-территориальных образований России фактически пользуются этим статусом по закону 1992 г., укрывая от налогов многие тысячи производств, в том числе подакцизных, из-за чего бюджет, по некоторым оценкам, ежегодно лишался 1,5–2 млрд руб. Центрами ВПК дело не ограничивается. Так, Углич в 1997 г. создал свободную зону с беспрецедентно льготным режимом: зарегистрированные там 1,5 тыс. фирм (в одной и той же квартире на улице Ленина), часто анонимных, платили три процента с оборота да 500 долл. фиксированных сборов за квартал.

Существенное влияние на положение дел в субъектах Российской Федерации оказало неодинаковое системное проявление кризисных явлений, когда регионы изначально имели разные

стартовые экономические условия. В результате стала нарастать финансовая неустойчивость в субъектах Федерации, и сегодня подавляющая часть из них принимают свой бюджет с дефицитом. Разрыв в уровне социально-экономического развития регионов в расчете на душу населения по отдельным показателям достиг от 10 до более чем 100 раз.

Существует примерная классификация регионов (достаточно условная, но имеющая под собой объективные факторы), основанная на различии их экономического состояния.

Регионы-лидеры

1. Крупные (до 8 млн населения) индустриально развитые регионы с реформаторской идеологией лидеров и относительным плюрализмом в политике и СМИ, доноры федерального бюджета, обладающие самостоятельной региональной идеологией, развитыми и многоплановыми отношениями с Центром — **Москва, Санкт-Петербург, Московская, Нижегородская, Свердловская, Самарская области.**
2. Регионы, ориентированные на умеренные реформы в сочетании с курсом на независимость, промышленно развитые, ресурсные республики, имеющие особый тип отношений с федеральным бюджетом и персонализированный характер власти — **Татарстан, Башкортостан.**
3. Регионы со средним уровнем развития промышленности — например **Ульяновская область**, ориентированная на решение собственных проблем за счет шагов, зачастую находящихся в противоречии с экономическим курсом центра.

В регионах-лидерах уровень жизни в целом выше среднего российского, они относительно стабильны в политическом отношении, обладают адаптационными ресурсами по отношению к меняющейся политике Центра.

К группе лидеров примыкают регионы — сырьевые монополисты: **Якутия, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Карелия.**

Регионы-догоняющие

Эти субъекты Федерации явно ориентируются на тип развития регионов-лидеров, но при этом либо не располагают сопоставимыми возможностями — **Краснодарский, Ставропольский, Приморский края, Челябинская, Кемеровская, Ростовская области**, либо, не ориентируясь на тип развития региона-лидера, потенциально

способны по нему пойти — **Ленинградская, Волгоградская области**, например.

Естественно, что данная классификация может существенно измениться под воздействием прежде всего экономических факторов, в частности сокращения бюджетного финансирования в этом году и падения цен на нефть.

Согласно другой достаточно распространенной классификации, основывающейся на принципе однородности факторов, обусловивших глубину кризисных явлений в экономике, перспективы дальнейшего развития, рекомендуемую стратегию реформирования экономики и основные направления государственной поддержки, выделяются следующие восемь групп субъектов Российской Федерации.

Первая группа — **Республики Башкортостан и Татарстан, Белгородская, Вологодская, Липецкая, Нижегородская, Самарская, Свердловская и Челябинская области**.

Эти субъекты характеризуются достаточно диверсифицированной структурой производства: к началу реформирования они располагали высоким производственным потенциалом, развитой инфраструктурой и квалифицированными кадрами. Кроме того, их отличает сочетание наиболее высокого уровня социально-экономического развития с наименьшим спадом производства в постсоветский период.

В условиях реформирования экономики спрос на продукцию основных отраслей, на которых специализируются эти субъекты, остается относительно высоким. Об относительной устойчивости хозяйственных комплексов этой группы субъектов свидетельствует низкий уровень безработицы либо сочетание средних показателей безработицы с относительно высокой потребностью в работниках, что характерно для периода активной структурной перестройки экономики и развития рыночной инфраструктуры. Перспективы выхода из кризиса и перехода к устойчивым темпам экономического роста с ориентацией на развитие эффективных секторов экономики и отраслей специализации у этих субъектов РФ наиболее благоприятны.

Вторая группа — **Республики Коми, Саха (Якутия) и Хакасия, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Омская, Оренбургская, Томская и Тюменская области**.

Для данной группы характерны высокие показатели производства продукции на душу населения и меньший спад производства,

что полностью обусловлено экспортной ориентацией сырьевых отраслей. Неустойчивость конъюнктуры внешнего рынка, высокая капиталоемкость отраслей специализации и острая потребность в инвестициях обуславливают нестабильность экономической ситуации в этих регионах. Для этих субъектов характерны высокий уровень безработицы, значительный разрыв в уровне доходов занятых в отраслях специализации и других секторах экономики.

Перспективы экономического роста для данной группы регионов оцениваются менее высоко, чем для первой, а восстановление региональных хозяйственных комплексов требует активизации государственной региональной политики, направленной на решение проблем регионального монополизма, собственности на природные ресурсы и распределение доходов от их использования, а также экологических, инвестиционных, внешнеэкономических и социальных проблем.

Третья группа — Владимирская, Ивановская, Курская, Московская, Смоленская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области.

Эти субъекты отличаются высокой степенью хозяйственной освоенности территорий, потенциально высокой емкостью региональных рынков продукции производственно-технического назначения и ТНП. В основном это регионы концентрации отраслей гражданского машиностроения и легкой (преимущественно текстильной) промышленности, то есть производств, ориентированных на конечное потребление и наиболее подверженных кризисному спаду.

Эти регионы располагают относительно благоприятными условиями для инвестиций, перспективы формирования высокоэффективных хозяйственных комплексов могут быть оценены оптимистично.

Четвертая группа — Республика Карелия, Архангельская, Волгоградская, Воронежская, Калужская, Камчатская, Костромская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Сахалинская, Тверская области и г. Санкт-Петербург.

Эти субъекты не попадают в число наиболее депрессивных и не относятся к относительно благополучным. Реакцию хозяйственных комплексов этих регионов на экономический кризис можно считать близкой к среднему уровню.

Пятая группа — Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область.

В нее объединены три важнейших сельскохозяйственных субъекта. С одной стороны, в этих регионах имел место опережающий спад в сельском хозяйстве и сельскохозяйственном машиностроении, что в сочетании с неблагоприятной ценовой динамики обусловило существенное ухудшение их экономического положения. С другой стороны, задействование имеющегося высокого потенциала пищевой промышленности определило их относительную устойчивость к кризису. Эти регионы располагают лучшими потенциальными условиями для эффективного сельскохозяйственного производства.

Шестая группа — Республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртия и Чувашия, Хабаровский край, Брянская, Кировская, Курганская, Псковская и Саратовская области.

Ранее значительную долю в их производственных комплексах занимало машиностроение, ориентированное на нужды ВПК. В результате падения спроса на продукцию ВПК они оказались подвержены глубокой депрессии: спад производства сочетается здесь с высоким уровнем безработицы и низким спросом на рабочую силу. Структура хозяйственных комплексов этих субъектов сильно деформирована, что обуславливает высокую степень зависимости от федеральной поддержки. Для их производственного потенциала характерно сочетание высокотехнологичных производств в оборонной промышленности с отсталостью и неэффективностью других секторов экономики. В результате возможность компенсации спада производства в отраслях ВПК развитием других отраслей крайне ограничена. Значительная доля инвестиций, необходимых для сохранения высокотехнологичных производств и поддержки этих регионов, требует целевого финансирования из федерального бюджета.

Седьмая группа — Республики Алтай, Бурятия, Калмыкия и Тыва, Алтайский и Приморский края, Амурская, Астраханская, Калининградская, Тамбовская и Читинская области.

Эти субъекты одновременно попадают как в разряд подверженных наиболее глубокой депрессии, так и в разряд отсталых по уровню социально-экономического развития.

Следует отметить, что в этих регионах действуют дополнительные объективные факторы, затрудняющие преодоление кризиса, в том числе — территориальная удаленность, слабая транспортная освоенность территорий, низкий докризисный уровень производства. Эту группу отличают наиболее ограниченные возможности инвестирования.

Восьмая группа — **Республики Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Ингушетия и Северная Осетия-Алания.**

Все они входят как в число наиболее подверженных глубокой депрессии регионов, так и в разряд наиболее отсталых. Выделение этих республик в особую группу обосновано тем, что сложившееся в них социально-экономическое положение определяется в большой степени внеэкономическими факторами, и перспективы развития экономики в обозримом будущем будут определяться возможностями государственного урегулирования острейших политических, межнациональных, пограничных и т. д. проблем.

Город Москва не включен ни в одну из групп, поскольку факторы, определяющие состояние и перспективы его социально-экономического развития, в основном уникальны, что требует их индивидуального рассмотрения.

Анализ состояния российской экономики убедительно показал, что постигшая Россию катастрофа есть результат самоустранения государства от функций регулирования экономикой, от функции обеспечения социальных гарантий.

Как производные от нынешнего состояния экономики, социальной жизни, политики и права мы получаем проблему межнациональных конфликтов и противоречий. И здесь играют роль факторы как политические, так и идеологические. Надежда на национальное возрождение народов во многих случаях обернулась столкновением с разного рода политическими авантюристами, криминальными и коррумпированными структурами. Многие национальные движения, которые возникли как силы, ориентированные на сохранение и возрождение духовной самобытности своих народов на обеспечение их социального и культурно-языкового выживания, теперь скатились к политическому радикализму.

3.4. Региональная дифференциация доходов населения России

Начиная рыночные реформы, государству необходимо было осуществлять последовательную эволюционную, а не революционную деятельность по созданию соответствующих разнообразных форм собственности, структур кредитно-банковской системы, налогов, всей внешнеэкономической деятельности и т. д. Тем более это было важно для России, в которой рыночная инфраструктура

Таблица 25

Основные показатели социально-экономического положения федеральных округов РФ в 2002 г.

	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в декабре, руб.	Стоимость минимального набора про- дуктов питания в декабре, руб.	Средняя начисленная зарплата в декабре, руб.
Центральный феде- ральный округ	3 381,3	1 029,5	6 134,1
Северо-Западный федеральный округ	3 329,1	1 052,5	6 492,8
Южный федераль- ный округ	2 950,1	952,8	4 015,1
Приволжский феде- ральный округ	2 876,5	938,9	4 247,7
Уральский феде- ральный округ	3 312,1	1 045,9	8 454,4
Сибирский феде- ральный округ	3 090,0	981,3	5 496,3
Дальневосточный федеральный округ	4 208,8	1 250,7	8 275,8

практически отсутствовала, а громадная территория с неблагоприятными климатическими условиями и многонациональным составом населения затрудняют функционирование многих отраслей и регионов на чисто рыночной основе. И уж тем более государство должно было взять на себя обеспечение хотя бы основных социальных прав человека, стать неким арбитром в разрешении социальных конфликтов с тем, чтобы предотвратить переход социальной конфронтации в политическую.

Рост напряженности в России, в конечном счете, объясняется тем, что социальная сила тех классов и групп, которым были выгодны реформы, не превосходит социальную силу групп, жизненным интересам которых реформы наносят ущерб. Установилось зыбкое равновесие почти равных и достаточно мощных сил. Если соотношение сил не изменится, политическое равновесие будет подвержено многим второстепенным и даже субъективным факторам.

Очень трудно доказать благотворность того, что в числе бедняков оказались здоровые, квалифицированные, непьющие люди, бывшие равноправные совладельцы колоссального российского «общенародного достояния», которые всю свою жизнь честно исполняли обязательства перед прежней системой. Как могли возникнуть за несколько лет большие богатства в стране, где производство товаров и услуг падает?

Нам не в чем упрекнуть большинство наших бедняков. Это они или их родители создавали национальное богатство и защищали его от многочисленных посягательств на протяжении более чем полувека российской истории. Они не давали ясного согласия передать свою долю общенародного достояния в руки ничтожной части населения за стоимость двух килограммов колбасы. Те, кто их обогнали, воспользовались распределительными рычагами прежней системы, а не принципами частной свободной конкуренции. наших бедняков нельзя успокоить легендами о неизбежности преступного характера первоначального накопления капитала. История не знает примеров, когда столь малое число людей присвоило бы имущество 90 % своих сограждан за такой короткий срок.

Из сказанного очевидно, что решение российских социальных проблем не найти за счет подачек бедным. Нужно искать радикальные решения.

Видимые причины неблагоприятных политико-экономических тенденций и социально-опасного расслоения общества на богатых и нищих сводятся, в основном, к следующему:

- падение производства, инфляция;
- рост преступности, беззаконие;
- противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти;
- центробежные тенденции в Российской Федерации, противоречия между территориальными и федеральными интересами.

Из-за неравномерности спада производства в различных регионах страны сейчас заметно просматриваются «бедные» и «богатые» территории. Соответственно и люди, проживающие на них, получают разные доходы и живут по-разному.

В наиболее благоприятных условиях оказались области, края, республики, чьи предприятия имеют ярко выраженную экспортную направленность, продукция этих предприятий, как правило, конкурентоспособна на мировом рынке. Именно эти территории и стали «богатыми».

Таблица 26

Показатели уровня жизни в некоторых регионах-лидерах РФ в 2002 г.

	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в декабре, руб.	Стоимость минимального набора продуктов питания в декабре, руб.	Средняя начисленная зарботная плата в декабре, руб.
Г. Москва	4 941,8	1 273,3	9 613,6
Г. Санкт-Петербург	3 462,4	1 096,7	7 028,9
Самарская область	3 384,7	1 069,0	5 074,2
Якутия	4 547,2	1 384,9	11 242,3
Тюменская область	3 994,1	1 243,2	15 793,2
Ямало-Ненецкий АО	4 836,4	1 517,0	20 931,1
Республика Татарстан	2 751,6	884,5	4 769,0
Чукотский авт. округ	7 016,8	2 452,5	22 813,2

Таблица 27

Показатели уровня жизни в некоторых регионах РФ в 2002 г.

	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в декабре, руб.	Стоимость минимального набора продуктов питания в декабре, руб.	Средняя начисленная зарботная плата в декабре, руб.
Ивановская область	2 871,2	920,0	3 155,6
Ярославская область	2 908,2	994,5	4 896,1
Республика Мордовия	2 878,1	928,2	3 217,5
Чувашская Республика	2 650,1	886,3	3 218,3

«Бедные» — это преимущественно сельскохозяйственные регионы, регионы с преобладанием машиностроительной и легкой промышленности.

Особое место в этом рейтинге регионов занимают Москва и Санкт-Петербург. Здесь, при отсутствии добывающих отраслей промышленности, тем не менее, весьма высоки среднестатистические

доходы населения. Это объясняется тем, что в этих городах сосредоточены банки и кредитно-финансовые структуры.

Чем ближе к российской глубинке, тем сильнее у людей ощущение потерь, которые они понесли в годы реформ. Если в столичных городах считают, что выиграли от реформ 16 % жителей, то в провинциальной России — только от 2 до 6,5 %. Соответственно, проигравшими себя в ходе реформ считают 38 % жителей столиц и от 59 до 75,5 % жителей областных и районных центров, а также села²⁾.

Люди, живущие на «богатых» территориях, имеют доходы, в 10 раз превышающие доходы «бедняков».

Однако это не означает, что одни живут почти в 10 раз богаче других. В значительной степени разница между доходами «бедных» и «богатых» сглаживают два обстоятельства. Первое, это платежное состояние предприятий, особенно нестабильное в добывающих отраслях — газовой, угольной и нефтедобывающей. В результате на «богатых» территориях людям часто хотя и начисляется высокая зарплата, но получить ее вовремя не удастся. Дифференциация в доходах уменьшается и разницей в ценах на товары и услуги — в «богатых» районах цены выше. Это последнее обстоятельство особенно больно бьет по работникам бюджетных предприятий и тем, кто живет на пенсии, стипендии, различные пособия. Их доходов не касаются территориальные «надбавки», а продукты питания и товары первой необходимости им приходится покупать по тем же ценам, по которым покупают, например, газовики или нефтяники.

Смягчение ситуации зависит от ряда объективных условий и, в первую очередь, от общего состояния экономики, своевременной выплаты заработной платы и поступлений средств из федерального бюджета на выплату пенсий, выплачиваемых Пенсионным фондом на возвратной основе.

С начала реформ важным фактором расслоения является концентрация предпринимательского дохода и дохода от собственности у ограниченного круга элиты. По оценке, часть доходов от предпринимательской деятельности и других источников, приходящаяся на долю наиболее обеспеченной 10-ти процентной группы населения, составляет в настоящее время около 45 %. Разрыв в уровне этих доходов по 10-ти процентным группам наиболее и наименее обеспеченного населения более чем в 15 раз превы-

²⁾ Горшков М. К. К дискуссии о реформах в России // Судьбы реформ в России. М., 1997. С. 9.

шает дифференциацию по показателю среднедушевых денежных доходов населения. Что касается доходов от собственности, то пока их уровень в абсолютном выражении не играет серьезной роли в формировании денежных доходов населения в целом. Однако, у наиболее обеспеченных групп населения доля доходов от этого источника имеет максимальное значение среди других компонентов денежных доходов. В настоящее время на долю 10 % этой категории населения приходится около 60 % всех доходов от собственности.

Компенсаторным фактором при измерении различий в материальном положении основных социально-экономических групп населения выступают натуральные поступления. Ими, как правило, являются доходы за счет потребления продукции собственного производства, а также различные виды натуральной помощи. По итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств стоимость таких поступлений составляет по отношению к денежным доходам до 10 % в городской местности и примерно 40 % в сельской. По оценке, основанной на данных бюджетного обследования, при переходе от распределения населения по уровню денежных доходов к распределению по показателям, учитывающим стоимость натуральных поступлений, разрыв в доходах уменьшается примерно на 19 %.

Оценка материального положения населения, соизмеренная по уровню располагаемых ресурсов, а именно по сумме произведенных денежных расходов (в том числе за счет займов и уменьшения сбережений), стоимости натуральных поступлений для личного потребления и сделанных сбережений, позволяет учесть все возможные факторы, определяющие доходный потенциал домохозяйств и дать более объективную характеристику социально-экономической дифференциации. По данным бюджетного обследования, в 1997 г. располагаемые ресурсы домохозяйств превышали их денежные доходы в среднем на 20 %, в том числе в городской местности — на 15 %, в сельской местности — примерно на 50 %. Распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов показывает, что разрыв в благосостоянии между наиболее и наименее обеспеченным населением сокращается по сравнению с дифференциацией по денежным доходам примерно на 22 %.

Итак, явно заметен и «существенный» разрыв в уровне доходов отдельных регионов. Так регионами с высокими доходами

на душу населения мы можем назвать следующие: город Москва — средняя начисленная заработная плата в декабре 2002 года составляла 9 613,6 руб., Ямало-Ненецкий АО — 20 931,1, Ханты-Мансийский АО 18 650,6, в то же время в Усть-Ордынском Бурятском АО средняя начисленная заработная плата в декабре 2002 года составляла 3 057,5 руб., в Республике Ингушетии 4 252,8, в Республике Дагестан 2 610,8.

Структура денежных доходов населения характеризуется в целом по стране следующими данными: всего доходов 100 %, заработная плата наемных работников, включая выплаты социального характера — 47,9 %, социальные трансферты — 13,1 %, доходы от собственности 5,4 %, доходы от предпринимательской деятельности — 15,9 %, и другие доходы — 17,7 %.

В ходе проведения реформ произошло удешевление труда не только по отношению к стоимости товаров народного потребления и услуг, но и по сравнению с другими производственными ресурсами.

Снижение доли заработной платы в свою очередь уменьшило налоговую базу, что привело к сокращению финансовых поступлений во внебюджетные фонды и сделало невозможным решение многих социальных проблем.

В настоящее время не вызывает сомнений и широко высказывается учеными и практиками положение о том, что крайне низкий абсолютный и относительный уровень оплаты труда в России выступают мощным макроэкономическим тормозом развития человеческого потенциала страны, перехода к экономическому росту, на протяжении последних лет блокирует возможность преобразований в самой социальной сфере (реформирование пенсионной системы и жилищно-коммунального хозяйства)³⁾. Сегодня без реформирования системы выплат заработной платы невозможно провести социальные реформы, в частности, осуществить переход к накопительной системе пенсий. Реализация декларируемых государством главных социальных приоритетов — радикального повышения уровня жизни населения, снижения социального неравенства, позволила бы резко расширить социальную базу проводимых реформ и выйти на траекторию экономического роста. Однако дальнейшее снижение доли оплаты труда в ВВП до 41 % фактически означает отказ от проведения активной политики до-

³⁾ Климантова Г. И., Мухетдинова Н. М. Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы.

ходов. Этот подход не только консервирует значительную долю населения с доходами ниже прожиточного минимума на уровне 30 %, но и затрудняет повышение конечного спроса, недостаток которого является одним из серьезных факторов, сдерживающих экономический рост.

В настоящее время в стране существует около десятка различных концепций реформирования оплаты труда. Определенные наработки и предложения выдвигают Минтруд и Минэкономразвития России, ФНПР, Федеральное Собрание, Федерация независимых профсоюзов России, Российская академия наук, однако общепринятой концепции пока нет. Действия государства, как показывает практика, базируются на тактике «малых шагов», то есть подтягивания и адаптации зарплаты к инфляции, расширению сферы платных услуг, проведению жилищно-коммунальной реформы и т. д.

На протяжении последних лет Правительство Российской Федерации проводит крайне жесткую политику в области оплаты труда и доходов населения. В бюджетной сфере это проявляется в том, что в расходной части федерального бюджета главная задача состоит в обеспечении в полном объеме выплат текущей заработной платы работникам бюджетной сферы, денежного довольствия военнослужащим, других социальных трансфертов, а также выполнении графика погашения задолженности по таким группам. Осуществлявшаяся в последние годы индексация оплаты труда работников бюджетной сферы сопоставима с уровнем инфляции и не оказывала заметного позитивного влияния на уровень жизни.

Восстановление воспроизводственной функции заработной платы на ближайшие годы исполнительной властью не предусмотрено — об этом свидетельствует законодательная инициатива Правительства России о продлении срока действия Федерального закона «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» до 2004 года.

Для принципиального изменения положения дел необходимо усиление роли государственного регулирования оплаты труда, использование единых принципов ее организации и уровня гарантий по оплате труда для всех секторов экономики, предприятий и организаций, независимо от их организационно-правовой формы.

Установление ставки минимального размера оплаты труда (МРОТ) является важным рычагом государственного вмешательства в регулирование реальной заработной платы. МРОТ является

отправной точкой в переговорах работодателей и наемных работников, заключающих соглашения об условиях труда и его оплаты.

В России, которая по Конституции является социальным государством, узаконены минимальные размеры оплаты труда и пенсий, которые в несколько раз меньше прожиточного минимума. В первые годы реформ при определении МРОТ исходили лишь из экономической возможности, а не из ее реального соотношения с величиной минимального прожиточного уровня, единственного мерила при определении минимального размера оплаты труда. Такая ситуация сохраняется по настоящее время. Минимальный размер оплаты труда в России за месяц равен минимальному размеру оплаты труда в США за один час.

При таких соотношениях минимальная заработная плата не может обеспечить не только простое воспроизводство рабочей силы, но и биологическое выживание человека: МРОТ утратила свой социально-экономический смысл в качестве социальной нормы.

Вместе с тем, как показывает опыт ряда стран Восточной Европы, введение МРОТ на уровне прожиточного минимума сопровождается постоянным снижением масштабов бедности и, вопреки опасениям некоторых экономистов, не вызывает ни инфляции, ни роста безработицы.

Повышение минимального размера оплаты труда в первую очередь касается работников бюджетной сферы, так на основе МРОТ определяется минимальная ставка первого разряда Единой тарифной сетки по оплате труда работников организаций бюджетной сферы (ЕТС), а через нее и последующих ставок тарифной сетки. Увеличение тарифных ставок ЕТС, в соответствии с которой получают заработную плату в целом по стране около 18 млн чел., происходит со значительным запаздыванием по сравнению с ростом уровня цен. Таким образом, законодательно утвержденные нормативы минимальной заработной платы и ставок первого разряда в бюджетной сфере не имеют необходимых обоснований и представляют собой нерыночные оценки, так как прожиточный минимум рассчитывается сам по себе, а эти нормативы — сами по себе. Разрыв между ними продолжает увеличиваться.

Одной из острых и хронических проблем продолжает оставаться несвоевременная выплата заработной платы, как в бюджетном, так и коммерческом секторе. Несмотря на усилия, предпринимаемые федеральными и региональными властями, при некотором сокращении показателей задолженности полностью ликвидиру-

вать их не удастся, что свидетельствует о сохранении объективных причин этого явления.

С 1992 г. в Российской Федерации в качестве порогового значения уровня бедности используется показатель прожиточного минимума. В ноябре 1992 г. Минтруд России разработал и утвердил методику расчета прожиточного минимума на основе минимальной «продуктовой корзины» из 35 продуктов. При обсуждении и принятии этой методики особо подчеркивалось, что она предназначена для использования в течение ближайших наиболее тяжелых кризисных лет. Предполагалось, что с 1994 г. планка прожиточного минимума будет поднята за счет увеличения доли расходов на непродовольственные товары и услуги, однако только в феврале 1999 года Правительство Российской Федерации утвердило новую методику расчета прожиточного минимума. Она учитывает часть расходов населения на жилищно-коммунальные и транспортные услуги, а также на непродовольственные товары.

Особенность современной ситуации в России состоит в том, что помимо традиционных социальных групп населения (многодетные, инвалиды, неполные семьи и т. д.) в категорию бедных попадают новые большие группы: работающие в бюджетной сфере, военнослужащие, безработные, то есть категории экономически активного населения, которые способны и должны своим трудом обеспечить необходимый уровень благосостояния себе и своей семье.

Правительство Российской Федерации в настоящее время разрабатывает Федеральную программу по борьбе с бедностью, направленную на создание и развитие системы социального обслуживания. Программа, в частности, предусматривает обслуживание бомжей, обеспечение их ночлежками, оказание помощи многодетным семьям (их в России насчитывается 1 млн 73 тыс.), а также неполным семьям, которых в стране более 1 млн 126 тыс. Однако, эта программа направлена на некоторое смягчение самых тяжелых проявлений бедности, не решая ее в комплексе. Принципиальное изменение ситуации, на наш взгляд, связано с ростом доходов населения, а мер, направленных на это, судя по всему, в этой программе не предусмотрено.

Таким образом, для сокращения масштабов бедности в России пока не создано ни экономических, ни социальных предпосылок.

За годы реформирования на территории Российской Федерации сформировались так называемые «зоны повышенной социальной опасности».

Во-первых, это *северо-восточные регионы*, где стремительно завершается переход от условного советского достатка к реальной бедности, политические последствия которого весьма опасны. Но тут высока миграционная мобильность населения, что отчасти снимает социальное напряжение.

Во вторых, *депрессивные регионы Европейской части и юга Сибири*. Для них надежды на финансовую поддержку из федерального бюджета становятся все менее реальными, и социальная напряженность неизбежно будет расти.

Третий очаг проблем — *отсталые республики*. Прогноз для них наиболее сложен, но, скорее всего, социального взрыва не будет: бедность здесь носит устойчивый и привычный характер, потребительские стандарты недоразвиты. К тому же необходимо принимать во внимание традиции клановой и семейной поддержки в республиках Северного Кавказа, а также не учитываемые статистикой нелегальные, а порой и криминальные доходы.

Резюме

Российская федерация расположена на территории 17 075 тыс. кв. км и населением более 148 млн человек. Естественно, что на такой громадной площади размещены зоны (регионы), существенно отличающиеся друг от друга по природным условиям (климат, расположение территории, наличие природных ресурсов), а также по плотности заселения и национальному составу проживающих там народов. Особенно отличаются районы, расположенные в Европейской части России от регионов ее азиатской части, а также на севере и на юге страны.

Вся территория России лежит в зоне от умеренно до резко континентального климата, со среднеянварскими температурами ниже 0 на всей территории и ниже –8 на 95 % территории.

Глубина зимнего промерзания грунта в европейской части России составляет 1–1,5 м, при 0–1 м на территории остальной Европы.

Кроме того, 60 % территории России лежит в зоне вечной мерзлоты.

На Земле есть страны, где природные условия хозяйственной деятельности еще менее благоприятны, чем в России. Это главным образом, внутриконтинентальные страны Азии, Африки и Южной Америки, высокогорные или с засушливым климатом, но именно

они являются беднейшими странами мира. Это, например, Монголия, Непал, Афганистан, Мали, Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Чад, Боливия.

Именно этот своеобразный «налог на природные условия, расстояния и внутриконтинентальное положение» на протяжении столетий являлся если не главным, то одним из главных факторов, тормозящих экономическое развитие России.

Нынешняя относительная дешевизна России, при которой Россия все равно остается существенно дороже большинства развивающихся стран, связана и с государственным регулированием цен на сырье и энергоносители. Но в этом случае получается, что те же иностранные инвесторы фактически дотируются российским государством, которое оплачивает большую часть их затрат на сырье, электроэнергию, отопление.

Природно-географические факторы в большой степени влияют на размещение и условия функционирования различных отраслей народного хозяйства.

Среди важнейших из этих факторов следует назвать: наличие топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, водных ресурсов, трудовых ресурсов, географическое положение района и транспортный фактор, который определяет взаимные пространственные соотношения между источниками сырья, топлива, энергии, водоснабжения, рабочей силы, местами производства и потребления готовой продукции и др.

Неравномерность социально-экономического развития регионов возрастает, она ведет к росту количества депрессивных территорий, к которым начинают относиться даже ранее развитые, относительно благополучные старопромышленные и агропромышленные районы, к усилению напряженности во взаимоотношениях федеральной и региональной бюджетно-кредитных систем.

А ведь, российские регионы резко отличаются друг от друга по эффективности производства, уровню благосостояния граждан и размерам капитальных вложений.

Что касается экономических задач любого западного, и вообще любого, государства по отношению к гражданам, то пределов роста уровня жизни, за которым сфера ответственности государства заканчивается, просто не существует. Считается, чем средний уровень жизни (или уровень потребления) выше, тем лучше.

Есть и другие показатели, по которым господствует принцип «чем больше, тем лучше». Например, уровень военной мощи.

Одним из главных критериев оценки благосостояния страны является ВВП. По отношению к нему тоже действует принцип, — чем выше, тем лучше. В то же время сам по себе он не может в полной мере отражать реальное положение в стране. Если в стране X ВВП выше, чем в стране V, это отнюдь не значит, что страна X благополучнее. И дело не только в том, что ВВП выражается в деньгах, а не единицах произведенной продукции.

Есть множество других показателей благополучия (или неблагополучия) — состояние окружающей среды, уровень преступности, число людей, живущих ниже уровня бедности, количество насильственных смертей и самоубийств, рост (падение) численности населения и т. д. Нельзя сказать, что этим показателям не уделяется внимание. Напротив, они вызывают пристальное внимание и беспокойство прежде всего в материально благополучном западном мире. Но, все равно, основными критериями оценки благополучия страны и действий правительства остаются, по инерции или какой-то другой причине, ВВП и средний уровень потребления.

Таким же путем идет и наша страна. В экономических программах главные цифры — ВВП и средний уровень заработной платы. Предполагается, что здесь пределов нет. Разумеется, сейчас такой подход оправдан: главная задача — выбраться из нищеты. Но с точки зрения долгосрочных перспектив непонятно — к чему государство должно вести страну?

Такие подходы нуждаются в серьезном пересмотре в эпоху экологического кризиса и грядущего истощения природных ресурсов. Соответственно, нуждается в пересмотре и роль государства, прежде всего — те задачи, которые на него следует возлагать.

Можно предложить несколько критериев, которые можно назвать пороговыми критериями благополучия:

- каждому гражданину страны обеспечен достаток не ниже уровня прожиточного минимума (говоря более просто — никто не умирает и не страдает от недоедания и холода);
- страна способна защитить себя и помочь своим военным союзникам в случае агрессии извне;
- в стране низкий уровень преступности — это критерий, нуждающийся в более точном определении, но он необходим;
- в стране достаточно благополучная экологическая ситуация и хорошее состояние здоровья граждан — это также неопределенный, но необходимый; критерий.

Регионам, чье веками складывавшееся хозяйство было нарушено в процессе коллективизации и форсированной индустриализации в советское время и продолжает разрушаться в условиях свободного рынка, «интеграции» и самоустранения государства от решения экономических проблем, очень трудно в одиночку подняться на ноги. Из-за неравномерности спада производства в различных регионах страны сейчас заметно просматриваются «бедные» и «богатые» территории. Соответственно и люди, проживающие на них, получают разные доходы и живут по-разному.

Чем ближе к российской глубинке, тем сильнее у людей ощущение потерь, которые они понесли в годы реформ. Если в столичных городах считают, что выиграли от реформ 16 % жителей, то в провинциальной России — только от 2 до 6,5 %. Соответственно, проигравшими себя в ходе реформ считают 38 % жителей столиц и от 59 до 75,5 % жителей областных и районных центров, а также села.

Характерной чертой посткоммунистической трансформации советского общества стало формирование регионального самосознания. При этом определились две противоположные тенденции. С одной стороны постепенно, с большим трудом складывается российская общегражданская идентичность со своим набором консенсусных ценностей. С другой стороны, происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР. Этот процесс по-разному толкуется современными исследователями. Одни считают, что региональные ценности наряду с этнонациональными замещают в общественном сознании комплекс ценностей советского периода. Как правило, регионализация воспринимается ими как временное явление, характерное для переходного периода модернизации постсоветского общества. Другие видят за ней глобальный процесс, ссылаясь на то, что возрождение регионального самосознания активно идет и в европейских странах, где на месте национальных государств формируется объединенная, но многообразная и полицентричная «Европа регионов».

В результате региональный патриотизм все больше проникает в массы. Процесс, как видно, в основном шел сверху: претенденты на роль региональных лидеров разыгрывали карту местного патриотизма в своих интересах, ведь их легитимность обосновывалась регионалистскими идеями. Но процесс затронул как элиту, так и избирателей. Тем временем в России в целом происходят отмечаемые многими аналитиками смещение центра принятия

решений в регионы и усиление влияния региональных элит на общенациональный политический процесс.

Исследовать результаты этих сдвигов для массового сознания необходимо с помощью социологических опросов.

Если в краях и областях пока нельзя говорить о доминировании регионального самосознания, то в республиках это уже произошло. По данным опросов, проведенных в 1994–1995 гг. в целом ряде российских республик, с регионом в большей степени, чем с Россией, себя идентифицируют 85,7 % сельских и 59 % городских татар, 80,1 % якутов, 63,7 % тувинцев, 55,3 % осетин. Остальные представители титульных народов имеют двойную идентичность, и почти никто не отдает предпочтение российской идентичности (результаты на уровне статистической ошибки). Показатель зависит от степени инкорпорации этносов в российском пространстве и влияния на них идеи национальной государственности.

Важнейшим является вопрос, как соотносятся между собой региональная и общегражданская идентичности, дополняют они друг друга или вступают в конфликт так, что региональная идентичность приводит к отрицанию российской. Данные социологических исследований РНИСиНП, проведенных в 1998 г., показывают не только развитие регионального патриотизма, но и появление одобрительного отношения к идее выхода «русских» регионов из состава России. Выделяются регионы, в которых региональный патриотизм приводит к развитию сепаратистских настроений.

Таким образом, сегодня, в условиях слабого и некомпетентного федерального центра, противоречивости региональной политики, неразвитости институтов гражданского общества региональные властные элиты стали основными политическими фигурами, определяющими направленность экономического развития и эволюцию государственного устройства России.

Продолжающийся в России финансовый кризис обостряет и без того напряженную социальную обстановку в стране, но и подчеркивает существенные недочеты и недоработки в структуре как федеральных, так и региональных финансов. Регионы оказываются незащищенными от просчетов и ошибок центра. Это результат многолетнего процесса накопления нерешенных проблем в области экономической политики государства. Финансовая, бюджетная политика должна проводиться в рамках единой государственной политики.

Заключение

Анализ состояния российской экономики убедительно показал, что ситуация остается по-прежнему крайне напряженной. Из месяца в месяц снижается жизненный уровень народа, достигая критического уровня, углубляется спад производства, набирают силу тенденции, ведущие к полному разрушению экономической системы, растут недовольство людей и социальная напряженность в обществе. Все это свидетельствует, в конечном счете, о том, что стратегия проводимых в России преобразований нуждается в корректировке. О способах и методах этой корректировки ведутся споры как среди ученых, так и среди политиков, поскольку от решения этого вопроса будет зависеть дальнейший ход экономических реформ.

Проводимые программы экономического реформирования России были нацелены на создание рынка или на создание условий перехода к рынку. Но мы забываем о том, что создание рынка не может быть целью, а точнее — самоцелью. Его можно рассматривать лишь как средство формирования новой, эффективно работающей экономической системы, ориентированной на лучшее удовлетворение потребностей всех членов общества.

Вопрос о стратегии не является лишь предметом научных дискуссий, он представляет исключительно практический интерес, так как определяет будущее страны. Необходимо четко представлять те параметры обновленного общества, которое пытаются создать в России, а точнее — модель устройства этого общества.

Мировая практика знает, по крайней мере, две модели рыночной экономики — либеральную и социально-ориентированную. Для первой характерно практически безраздельное господство частной собственности, большая свобода хозяйственной деятельности и поддержка со стороны государства лишь самых социально уязвимых групп населения. Для второй — большая степень участия государства в экономической жизни страны, в регулировании многих социальных вопросов, разнообразие форм собственности. Естественно, что границы между двумя моделями размыты, и их нельзя противопоставлять друг другу. Речь идет лишь о самых общих характеристиках устройства общества и его экономической системы.

Проведенный анализ показывает, что в России в качестве модели была выбрана именно либеральная модель, так как в ходе проведения реформ можно отметить, по крайней мере, два основных крупных просчета, а именно: неоправданно резко было сужено государственное регулирование. При этом одинаково «брошенными» оказались как производственная, так и бюджетно-социальная сфера. В результате — перестали существовать государственные структуры, регулирующие потоки движения ресурсов и товаров, а новые, рыночные, до сих пор находятся на стадии становления. Так же резко было сокращено государственное финансирование здравоохранения, науки, культуры, образования. Их финансовое обеспечение переложено на трудовые коллективы и муниципальные органы, которые не могут в данных условиях справиться с задачей.

Однако по сложившимся историческим условиям России более близка и восприимчива социально-ориентированная рыночная модель. Реальный ход реформ доказывает нам это. И многие политические лидеры сегодня склонны считать необходимым повышение роли государства при переходе к рынку. Ведь главная тенденция мирового развития состоит в движении к смешанному, полифоническому обществу. Время «чистых» общественных систем прошло безвозвратно. И потому Россия должна стремиться к формированию смешанной экономики, функционирующей на рыночной основе.

При этом в российской экономике должен и будет существовать государственный сектор, который в силу специфики экономики должен остаться преобладающим в целом ряде отраслей. Нельзя забывать о том, что экономике России в силу ее исторического развития всегда были присущи элементы государственного патернализма. И поэтому любые насильственные меры по быстрейшему разрушению государственного сектора, по обвальной денационализации экономики в конечном итоге приведут к полному разрушению всей экономической системы.

Начиная рыночные реформы, государству необходимо было осуществлять последовательную эволюционную, а не революционную деятельность по созданию соответствующих разнообразных форм собственности, структур кредитно-банковской системы, налогов, всей внешнеэкономической деятельности и т. д. Тем более, это было важно для России, в которой рыночная инфраструктура практически отсутствовала, а громадная территория с неблагоприятными климатическими условиями и многонациональным составом населения затрудняют функционирование многих отраслей

и регионов на чисто рыночной основе. И уж тем более государство должно было взять на себя обеспечение хотя бы основных социальных прав человека, стать неким арбитром в разрешении социальных конфликтов с тем, чтобы предотвратить переход социальной конфронтации в политическую.

Суммируя сказанное выше, отмечу, что Россия может выйти из кризисного состояния только при условии выработки и реализации по отношению ко всем без исключения слоям общества активной государственной политики. Но, к сожалению, приходится констатировать, что одобренная «среднесрочная программа» нынешнего Правительства, где инструментом обеспечения экономического роста считается сокращение государственных расходов на четверть относительно сегодняшнего уровня в основном за счет социальных расходов, вновь выглядит асоциально. В программе устанавливается, что социальная помощь будет предоставляться только семьям с уровнем потребления ниже прожиточного минимума, причем отнюдь не для обеспечения этого минимума. Такое субсидирование способно лишить права на жилье десятки миллионов человек. Ведь все это с «адресной социальной помощью» мы уже видели в 1997 г. Расходы на проверку уровня потребления и расширение сети так называемых «собесов» покроют с лихвой экономию от полной оплаты коммунальных услуг малой (около 20 %) частью обеспеченных граждан России.

Вновь и вновь мы являемся свидетелями как, принимая очередную правительственную программу, явно недооценивается роль социальных и психологических аспектов в проведении экономических реформ, в ходе которых итак произошло чрезвычайно резкое падение уровня жизни россиян, которое пока не удастся даже приостановить. В этих условиях уход государства из сферы социальной заботы о населении ничем не оправдан.

Литература

1. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России // Вестник РАН. М., 1997. Т. 67. № 9. С. 771–776.
2. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 4–13.
3. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Средний класс. Социологический словарь. Казань, 1997.
4. *Авдашева С. Б., Астопович А. З., Беляев Д. А. и др.* Обзор экономической политики в России за 1998 г. (Аналитический доклад РОССПЭН). М., 1999.
5. *Авраамова Е., Дискин И.* Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. М., 1994. № 3.
6. Алкоголь и здоровье населения в России. 1900–2000 г. / Под ред. А. К. Демина и И. А. Деминой. М., 1999.
7. *Алмаев М., Мехед Н., Фомин А.* Сущность и угрозы экономической безопасности // Власть. М., 1996. № 12. С. 38–42.
8. *Андреев Б. В., Бессарабов В. Г.* Прокуратура в политической системе современной России (состояние, проблемы и перспективы). М., 1999.
9. *Аринин А. Н., Марченко Г. В.* Уроки и проблемы становления Российского Федерализма. М., 1999.
10. *Архипов А., Городецкий А., Михайлов В.* Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 36–44.
11. *Аринин А. Н., Марченко Г. В.* Уроки и проблемы становления российского федерализма. М.: Интел. Тех. 1999.
12. *Асалиев А. М., Бороздин С. В., Брагин Л. А.* Макроэкономика: показатели экономической безопасности и их пороговые значения. М., 1997.
13. Белая книга российских спецслужб. М., 1995.
14. *Блинов Н., Кокарев М., Крашенинников В.* Об обеспечении экономической безопасности России // Экономист. М., 1996. № 4. С. 47–51.
15. *Богданов И. Я.* Факторы, влияющие на экономическую безопасность России. М., 1995.
16. *Бопоев Н. Б.* Экономическая преступность и коррупция // Экономическая преступность и коррупция. М., 1997. № 1. С. 51–55.
17. *Бункина М. К.* Национальная экономика. М., 1997.
18. *Бухвальд Е. М., Нестеров Л. И.* Проедание национального богатства — модель «экономики без будущего» // ЭКО. М., 1994. № 6.
19. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 1997. № 1–2; 1998. № 1, 6, 8, 9; 1999. № 1; 2000. № 1, 3.
20. *Варшавский А. Е.* Развитие наукоемких отраслей и эффективность науки // Экономика и математические методы. М., 1989. Т. XXV. Вып. 3.
21. *Васильев С.* Экономика и власть. М., 1998.

22. Ведута Е. Н. Экономическая безопасность Российской Федерации. М., 1997.
23. Все страны мира // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1995. Август. № 7.
24. Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.
25. Гали Б. Б. О всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития // Мировая экономика и международные отношения. М., 1993. № 11.
26. Гареев М. Приоритеты государственных интересов Российской Федерации // Международная жизнь. М., 1993. № 5–6. С. 135–141.
27. Глазьев С. Ю. За критической чертой: О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М., 1996.
28. Глазьев С. Ю. Геноцид. М., 1998.
29. Головачев Б. В., Косова Л. Б., Хахулина Л. А. Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1996. № 1.
30. Гордон Л. А. Область возможного. М., 1994.
31. Городецкий А. Вопросы безопасности экономики России // Экономист. М., 1995. № 10. С. 44–50.
32. Горшков М. К. К дискуссии о реформах в России // Судьбы реформ в России. М., 1997.
33. Горшков М. К. О доминантах общественных умонастроений // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. М., 1999. № 2. С. 147–155.
34. Государственная и корпоративная политика занятости (Доклад Московского Центра Карнеги). М., 1998.
35. Государственная стратегия устойчивого развития Российской Федерации. М., 1998.
36. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (основные положения). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. основополагающие государственные документы. М., 1998. Ч. 1.
37. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1998 г. М., 1999.
38. Гранберг А. Г., Сулов В. И., Коломак Е. А. Крупные регионы России: экономическая интеграция и взаимодействие с мировой экономикой. Отчет по программе экономических исследований (EERC Russia). М., 1997.
39. Гребенников В. Ассоциации на пройденную тему. (Труды теоретического семинара «Экономика и общество»). М., 1998.
40. Громова Р. Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социологические исследования. М., 1998. № 1–2.
41. Гудков Л. Д., Пчелкина М. Б. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1995. № 6.
42. Гутман Г. В., Лапыгин Ю. Н., Прилепский А. И. Экономическая безопасность региона: теория и практика. М., 1996.
43. Дементьев А. С. Проблемы борьбы с экономической преступностью и коррупцией. Автореф. дис. канд. юр. наук. Н. Новгород, 1997.

44. Демографический ежегодник России (статистический сборник). М., 1999.
45. Доклад Министра здравоохранения РФ «О состоянии здоровья и развитии здравоохранения в 90-е годы». М., 2000.
46. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999 (проект).
47. Документы заседания Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 15–16 октября. Информационный бюллетень. СПб., 1999. № 23.
48. Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены в России: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1–2.
49. Жандаров А., Шиллер Ф., Никитина Е. Экономическая безопасность России: региональный уровень // Вопросы экономики. М., 1995. № 3. С. 20–27.
50. Заславская Т. И. Новые данные о доходах россиян // Общество и экономика. М., 1996. № 6.
51. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991.
52. Ивантер В. В. Перспектива вывода российской финансовой системы из кризиса // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. М., 1999. № 2.
53. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. М., 1998. № 10. С. 35–38.
54. Ильин О. С. Коррупция в условиях российских рыночных реформ // Прокурорская и следственная практика. М., 1998. № 3. С. 179–186.
55. Информация: результаты опросов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1993–1999. № 3. С. 43–91.
56. Информация: результаты опросов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1999. № 6. С. 43–91.
57. Ипполитов К. Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. М., 1996.
58. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1993.
59. Козейкин Б. Кризис платежей в России // Концепция антикризисного механизма, регулируемого государством. М., 1996.
60. Козлов Ю. Г. Коррупция: криминологические и социально-политические аспекты // Право. М., 1998. № 1. С. 12–15.
61. Конарева Л. Низкое качество управления — угроза безопасности нашей экономике // Внешнеэкономические связи. М., 1992. Вып. 8.
62. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Основопологающие государственные документы. М., 1998. Ч. 1.
63. Коррупция в России: состояние и проблемы: Материалы научно-практической конференции 26–27 марта. М., 1996 г. Вып. 1.
64. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М.: УРСС, 1998.
65. Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

66. Крохина Ю. А. Правовые основы экономической безопасности в Российской Федерации // Вестник Саратовской Государственной Академии Права. Саратов, 1998. № 2. С. 143–149.
67. Куликов А. С. Экономическая безопасность России // Наука. Политика. Предпринимательство. М., 1997. № 2. С. 20–25.
68. Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 6.
69. Лексин В., Мильнер В., Швецов А. // Российский экономический журнал. М., 1994. № 10.
70. Ленжель П. Элементы созидательной социальной науки. Ч. 2 // Международный журнал социальных наук. Избранные статьи: 1988–1990 гг.
71. Локосов В. В., Орлова И. Б. Пятилетка № 13. Взлеты и падения. М., 1996.
72. Лыкишин С., Свиначенко А. Развитие экономики России и ее реструктуризация как гарантия экономической безопасности // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 115–125.
73. Львов Д. С. Российские реформы в глобальном контексте // Новая и новейшая история. М., 1996. № 4.
74. Львов Д. С. Узловая экономическая проблема // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. № 2. М., 1999.
75. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956 Т. 2–3.
76. Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Бартер в российской экономике: особенности и тенденции переходного периода. М., 1996.
77. Малиновский И. Б. Коррупция: проблемы уголовной ответственности государственных служащих. М., 1996.
78. Материалы Международной конференции по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией, 23–25 апреля 1997 г. (Генпрокуратура РФ, Институт повышения квалификации руководящих кадров, Департамент Юстиции США, Отдел по уголовным делам). М., 1997.
79. Меньшиков С. Взгляд на реформы и регулирование экономики // Вопросы экономики. М., 1997. № 6.
80. Мильнер В. Качество управления — важный фактор экономической безопасности // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 54–64.
81. Некипелов А. Д. Необходимо завершить системную трансформацию экономики // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. № 2. М., 1999.
82. Новый курс России: предпосылки и ориентиры. Социальная и социально-политическая ситуация в России. Год 1995 / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1996.
83. О безопасности. Федеральный Закон // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. основополагающие государственные документы. М., 1998 Ч. 1..
84. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000 г.
85. О современном состоянии смертности населения Российской Федерации: (Доклад Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ). М., 1998.
86. Об основных тенденциях развития демографической ситуации в России до 2015 г. (Доклад Госкомстата РФ). М., 1998.

87. Овсиенко В. В., Овсиенко Ю. В., Черноволов П. А. и др. Российские реформы и интересы властных групп // Экономика и математические методы. М., 1993. Т. 29. Вып. 2.
88. Олейник А. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. 1997. № 10.
89. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период: Лекарство от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. М., 1995. Т. 31. Вып. 4. С. 53–81.
90. Организованная преступность — 4 / Под ред. А. И. Долговой М., 1998.
91. Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после (Доклад РНИ-СиНП и РОССПЭН). М., 1998.
92. Осипов Г. В. Парадигма нового мирового порядка и Россия. М., 1999.
93. Перегудов С., Семененко И. Лоббизм в политической системе России // Мировая экономика и международные отношения. М., 1996. № 9. С. 28–42.
94. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998.
95. Показатели социального развития регионов России (статистический сборник). М., 1998.
96. Понятие и криминологическая характеристика политической коррупции // Следователь. М., 1998. № 8. С. 45–48.
97. Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994.
98. Пороховский А. Экономически эффективное государство: американский опыт // Вопросы экономики. М., 1998. № 3. С. 81–89.
99. Потемкин А. П. Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие. М. 2000.
100. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2020 г. (статистический бюллетень). М., 1997.
101. Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А. И. Долговой. М., 1997.
102. Проблемы борьбы с теневым сектором в экономике России // Стенограмма совещания Совета по проблемам социально-политической и социально-экономической безопасности при Академии Социальных наук. М., 1998.
103. Проблемы глобальной безопасности (материалы семинаров 1994– 1995 гг.). М., 1995. С. 55.
104. Продолжение реформ и национальные интересы // Россия: национальная стратегия и социальные приоритеты (социальная и социально-политическая ситуация в России в первой половине 1996 г.). Под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. М., 1997.
105. Прокопов Ф. Т., Малева Т. М. Политика противодействия безработице. М., 1999.
106. Прокуратура в политической системе современной России (состояние, проблемы и перспективы) М., 1999.
107. Пугачев В. Ф., Пителин А. К. Экономическая политика при избытке трудовых ресурсов // Экономика и математические методы. М., 1998. Т. 34. Вып. 2.
108. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под рук. Д. С. Львова. М., 1999.
109. Пчелинцев О. С., Арянин А. Н., Вурхунова М. С. и др. Новые тенденции в развитии регионов России и экономическая политика федерального центра // Проблемы прогнозирования. М., 1998. № 3.

110. *Ревенко А.* Проблемы формирования национальной экономической безопасности Украины // Экономика Украины. Киев, 1993. № 11. С. 15–21.
111. Регионы России (статистический сборник). М., 1999. Т. 1–2.
112. Регионы России в 1998 г. / Под ред. Петрова Н. Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.
113. Реформы глазами российских и американских ученых. Фонд «За экономическую грамотность». М., 1991.
114. Реформы здравоохранения в Европе: анализ нынешних стратегий. Копенгаген, 1996.
115. *Римашевская Н., Овсянников А., Иудин А.* Богатые: есть ли надежда на социальный мир // Деловой мир. 1995. 24 июня.
116. *Рогачев С. В.* Российская государственность в системе трансформационных координат. М., 2000.
117. *Рогов С. М.* Выступление на круглом столе Совета Федерации «Россия, СНГ в мировой экономике: сотрудничество и соперничество». М., 1999. Вып. 9.
118. *Рогов С. М.* Международные аспекты стратегии вывода России из кризиса // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. М., 1999. № 2.
119. Российская прокуратура сегодня / Под ред. К. Ф. Скворцова. М., 1994.
120. Российский статистический ежегодник (статистический сборник). М., 1999.
121. Россия в цифрах (статистический сборник). М., 1998.
122. Россия накануне XXI века: суверенитет—федерализм—экономическая безопасность (Тез. докладов Международной научно-практической конференции). Казань, 1998.
123. Россия: преодоление национальной катастрофы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1998 году / Под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова.
124. *Рубанов В.* Безопасность — лозунги, теория и политическая практика // Свободная мысль. М., 1991. № 17. С. 31–41.
125. *Рыбаковский Л. Л.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996.
126. *Рыбаковский Л. Л., Захарова О. Д.* Демографическая ситуация в России: геополитические аспекты. М., 1997.
127. *Рывкина Р. В.* Экономическая социология переходной России. М., 1998.
128. *Самарин В. И.* Исторический аспект феномена безопасности и реформы в России // Проблемы глобальной безопасности. М., 1995. С. 152–157.
129. *Сахаров Н.* Лоббизм, как фактор политической жизни // Бизнес и политика. М., 1994. № 1. С. 30–33.
130. Сбережения населения Российской Федерации. Аналитический доклад ИС-ЭПН. М., 1997.
131. *Сенчагов В.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. М., 1995. № 1. С. 97–106.
132. *Симмонс Дж.* О стратегии улучшения деятельности российских предприятий // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. Вестник Совета Федерации. № 2. М., 1999.
133. *Симчера В. М.* Как возродить экономику России — реформировать, не разрушая. М., 1999.

134. Скопин А. Региональная политика и экономическая безопасность России // Вопросы экономики. М., 1995. № 1. С. 119–126.
135. Смирнов В. В., Зотов С. В. Лоббизм в России и за рубежом: политико-правовые проблемы // Государство и право. М., 1996. № 1. С. 112–120.
136. Содружество независимых государств в 1997 г. (статистический сборник). М., 1998.
137. Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы) Аналитический доклад. М., 1995.
138. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2000 года // Министерство внутренних дел России. Главный информационный центр. М., 2001.
139. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1994 г. (анализ и прогноз) / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1995.
140. Социальное положение и уровень жизни населения России (статистический сборник). М., 1999.
141. Социально-экономическое положение России. М., 1995–2000. № 12.
142. Строев Е. С. Выступление на круглом столе Совета Федерации «Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период». М., 1999. Вып. 8.
143. Судьбы реформ в России. (материалы научной дискуссии в РНИСиНП). М., 1997.
144. Танненбаум Дж. Процесс дезинтеграции мировой финансовой системы // Российское аналитическое обозрение. М., 1995. № 2.
145. Татаркин А., Романова О., Куклин А. и др. Экономическая безопасность, как объект регионального исследования // Вопросы экономики. М., 1996. № 6. С. 78–89.
146. Тенденции социального расслоения (факты и свидетельства) // Некоторые вопросы социальной истории СССР. М., 1991. С. 7–47.
147. Тощенко Ж. Т. Социология. М., 1994.
148. Умов В. И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // ПОЛИС. М., 1993. № 4.
149. Федоров Б. Г. Заметки об очевидном. М., 1994.
150. Филатов В. И. Выступление на круглом столе Совета Федерации «Приоритеты и механизмы национальной программы вывода России из системного кризиса и перехода к устойчивому экономическому росту». М., 1998. Вып. 6.
151. Хасаев Г. Р. Социальные проблемы экономически активного населения. М., 1996.
152. Хахулина Л. А., Перова И. Т. Доходы семей, получаемые от дополнительной нерегулируемой занятости // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 3.
153. Хейнман С. А. Проблемы развития российской экономики. М., 1998. Т. 1–2.
154. Хоренко Н. Российский лоббизм: саморегуляция или государственный контроль? // Бизнес и политика. М., 1996. № 5. С. 36–37.
155. Хромов Ю. Конверсия. Реформы. Безопасность // Свободная мысль. 1991. № 17.
156. Хромов Ю. С. Продовольственная безопасность России: внутренние и международные аспекты // Проблемы глобальной безопасности. М., 1995. С. 405–434.

157. *Цветнов А. В.* Управление социально-политическими процессами: Технология избирательных кампаний, лоббирования, общественной деятельности. М., 1995.
158. *Шевяков А. Ю., Клейнер Г. Б.* Социально-экономический мониторинг: концепция, проблемы, перспективы // Экономика и математические методы. М., 1993. Т. 26. Вып. 1.
159. *Шишков Ю. В.* Экономическая безопасность России: место СНГ // Проблемы глобальной безопасности. М., 1995. С. 479–491.
160. Экономическая безопасность (производство, финансы, банки) / Под ред. В. К. Сенчагова. М., 1998.
161. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, № 4. С. 38, 40; 1995. № 5. С. 32; 1996. № 4. С. 40; 1997. № 2. С. 5; 1998. № 2. С. 17; 1999. № 4. С. 85.
162. *Яковец Ю. В.* Выступление на круглом столе Совета Федерации «Приоритеты и механизмы национальной программы вывода России из системного кризиса и перехода к устойчивому экономическому росту». М., 1998. Вып. 6.
163. *Якуба Е. А., Куценко О. Д. и др.* Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. Харьков, 1997.
164. *Яновский Р. Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999.
165. *Ясин Е.* Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис // Коммерсантъ. № 43 (305). 1999. 2 февраля.
166. *Cohen S.* Crime and politics: spot the difference // Brit. J. of sociology. L., 1996. V. 47. № 1. P. 1–21.
167. Corruption and Democracy: Political Institutions, Processes and Corruption in Transition States in East — Central Europe and in the Former Soviet Union. Budapest: Institute for Constitutional and Legislative Policy, 1994. 246 p.
168. *Heilke Th. W.* Science, philosophy, and resistance: On Eric Voegelin's practice of opposition // Rev. of politics., 1994. V. 56. № 4. P. 727–752.
169. *Kaufmann D.* Corruption: the facts // Foreign policy. N.-Y., 1997. № 107. P. 114–131.
170. *McGuire M. C.* The security factors in the political economy of development. Wash., 1998.
171. *Poirson H.* Economic security, private investment, and growth in developing countries. Wash., 1998.
172. The Public Perspective: A Roper Center Review of Public Opinion and Polling. 1997. V. 8. № 5. P. 43.